

Михаил ЛЕРМОНТОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
Л49

Серия основана в 2007 году

*Печатается по полному собранию
сочинений М. Ю. Лермонтова
в 5 томах под редакцией Б. М. Эйхенбаума,
Academia, 1935 — 1937*

Лермонтов М. Ю.

Л49 Полное собрание сочинений в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 1277 с.: ил. — (Полное собрание сочинений в одном томе).

ISBN 978-5-9922-0385-1

Настоящее полное собрание сочинений Михаила Юрьевича Лермонтова (1814 — 1841) в одном томе включает все произведения поэта — стихотворения, поэмы, драмы, прозаические произведения, материалы записных книжек (планы, наброски, дневниковые записи).

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

ISBN 978-5-9922-0385-1

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2009

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОСЕНЬ

Листья в поле пожелтели,
 И кружатся, и летят;
 Лишь в бору поникши ели
 Зелень мрачную хранят.
 Под нависшею скалою
 Уж не любит меж цветов
 Пахарь отдыхать порою
 От полуденных трудов.
 Зверь отважный поневоле
 Скрыться где-нибудь спешит.
 Ночью месяц тускл и поле
 Сквозь туман лишь серебрит.

ЗАБЛУЖДЕНИЕ КУПИДОНА

Однажды женщины Эроta отодрали;
 Досадой раздражен, упрямое дитя,
 Напрягши грозный лук и за обиду мстя,
 Не смея к женщинам, к нам ярость острой стали,
 Не слушая мольбы усерднейшей, стремится.
 Ваш подлый род один! — безумный говорит.
 С тех пор-то женщина любви не знает!..
 И точно как рабов считает нас она...
 Так в наказаниях всегда почти бывает:
 Которые смиренней, на тех падет вина!..

ЦЕВНИЦА

На склоне гор, близ вод, прохожий, зрел ли ты
 Беседку тайную, где грустные мечты
 Сидят задумавшись? Над ними свод акаций:
 Там некогда стоял алтарь и муз и граций,
 И куст прелестных роз, взлелеянных весной;
 Там некогда, кругом черемухи млечной
 Струя свой аромат, шумя, с прибрежной ивой
 Шутил подчас зефир и резвый и игривый.
 Там некогда моя последняя любовь
 Питала сердце мне и волновала кровь!..

Сокрылось все теперь: так поутру туманы
От солнечных лучей редеют среди поляны.
Исчезло все теперь; но ты осталось мне,
Утеха страждущих, спасенье в тишине,
О милое, души святое воспоминанье!
Тебе ж, о мирный кров, тех дней, когда страданье
Не ведало меня, я сохранил залог,
Который умертвить не может грозный рок,
Мое веселие, уж взятое гробницей,
И ржавый предков меч с задумчивой цевницей!

ПОЭТ

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой Девы лик священный
Живою кистью окончал, —
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомленный и немой
Он забывал огонь небесный.

Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Все тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

К П.....НУ

Забудь, любезный П<етерсо>н,
 Мои минувшие сужденья;
 Нет! недостойн бедный свет презренья,
 Хоть наша жизнь минута сновиденья,
 Хоть наша смерть струны порванной звон.
 Мой ум его теперь ценить иначе станет.
 Навряд ли кто-нибудь из нас страну узрит,
 Где дружба дружбы не обманет,
 Любовь любви не изменит.
 Зачем же все в сем мире бросить,
 Зачем и счастья не найти:
 Есть розы, друг, и на земном пути!
 Их время злобное не все покосит!..
 Пусть добродетель в прах падет,
 Пусть будут все мольбы Творцу бесплодны,
 Навеки гений пусть умрет, —
 Везде утечи есть толпе простонародной;
 Но тот, на ком лежит уныния печать,
 Кто, юный, потерял лета златые,
 Того не могут усладить
 Ни дружба, ни любовь, ни песни боевые!..

К Д.....ВУ

Я пробегал страны России,
 Как бедный странник меж людей,
 Везде шипят коварства змии;
 Я думал: в свете нет друзей!
 Нет дружбы нежно-постоянной,
 И бескорыстной, и простой;
 Но ты явился, гость незваный,
 И вновь мне возвратил покой!
 С тобою чувствами сливаюсь,
 В речах веселых счастье пью;
 Но дев коварных не терплю, —
 И больше им не доверяюсь!..

ПОСВЯЩЕНИЕ N. N.

Вот, друг, плоды моей небрежной музыки!
Оттенок чувств тебе несу я в дар.
Хоть ты презрел священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул жар...
Я знаю все: ты ветрен, безрассуден,
И ложный друг уж в сеть тебя завлек;
Но вспоминай, что путь ко счастью труден
От той страны, где царствует порок!..
Готов на все для твоего спасенья!
Я так клялся и к гибели летел;
Но ты молчал и, полный подозренья,
Словам моим поверить не хотел...
Но час придет, своим печальным взором
Ты все прочтешь в немой душе моей;
Тогда — беги, не трать пустых речей, —
Ты осужден последним приговором!..

ПИР

Приди ко мне, любезный друг,
Под сень черемух и акаций,
Чтоб разделить святой досуг
В объятьях мира, муз и граций.
Не мясо тучного тельца,
Не фрукты Греции счастливой
Увидишь ты; не мед, не пиво
Блеснут в стакане пришлеца;
Но за столом любимца Феба
Пирует дружба и она;
А снедь — кусок прекрасный хлеба
И рюмка красного вина.

ВЕСЁЛЫЙ ЧАС

*(Стихи в оригинале найдены во Франции
на стенах одной государственной темницы)*

Зачем вы на меня,
Любезные друзья,
В решетку так глядите?
Не плачьте, не грустите!
Пускай умру сейчас,
Коль я в углу темницы
Смочил один хоть раз
Слезой мои ресницы!..
Ликуйте вы одне
И чаши осушайте,

Любви в безумном сне
 Как прежде утопайте;
 Но в пламенном вине
 Меня вспоминайте!..

Я также в вашу честь,
 Кляня любовь былую,
 Хлеб черствый стану есть
 И воду пить гнилую!..
 Пред мной отличный стол,
 И шаткий <и> старинный;
 И музыкой ослиной
 Скрыпит повсюду пол.
 В окошко свет чуть льется;
 Я на стене кругом
 Пишу стихи углем,
 Браню кого придется,
 Хвалю кого хочу,
 Нередко хохочу,
 Что так мне удается!

Иль если крыса, в ночь,
 Колпак на мне сгрызает,
 Я не гоняю прочь:
 Меня увеселяет
 Ее бесплодный труд.
 Я повернусь — и тут!..
 Послыша глас тревоги,
 Она — давай бог ноги!..

Я сторожа дверей
 Всегда увеселяю,
 Смешу — и тем сытей
 Всегда почти бываю.

.....

Тогда я припеваю

.....

«Тот счастлив, в ком ни раз
 Веселья дух не гас.
 Хоть он всю жизнь страдает,
 Но горесть забывает
 В один веселый час!..»

К ДРУЗЬЯМ

Я рожден с душою пылкой,
 Я люблю с друзьями быть,

А подчас и за бутылкой
Быстро время проводить.
Я не склонен к славе громкой,
Сердце греет лишь любовь;
Лиры звук дрожащий, звонкой
Мне волнует также кровь.
Но нередко средь веселья
Дух мой страждет и грустит,
В шуме буйного похмелья
Дума на сердце лежит.

ЭПИГРАММА

Дурак и старая кокетка — все равно:
Румяны, горсть белил — все знание его!..

МАДРИГАЛ

«Душа телесна!» — ты всех уверяешь смело;
Я соглашусь, любовь дыша:
Твое прекраснейшее тело
Не что иное, как душа!..

РОМАНС

Коварной жизнью недовольный,
Обманут низкой клеветой,
Летел изгнанник самовольный
В страну Италии златой.
«Забуду ль вас, — сказал он, — други?
Тебя, о севера вино?
Забуду ль, в мирные досуги
Как веселило нас оно?
Снега и вихрь зимы холодной,
Горячий взор московских дев,
И балалайки звук народный,
И томный вечера припев?
Душа души моей! тебя ли
Заглядят в памяти моей:
Страна далекая, печали,
Язык презрительных людей?
Нет! и под миртом изумрудным,
И на Гельвеции скалах,
И в граде Рима многолюдном
Все будешь ты в моих очах!»
В коляску сел, дорогой скучной,
Закрывшись в плащ, он поскакал;
А колокольчик однозвучный
Звенел, звенел и пропадал!

ПОРТРЕТЫ

1

Он не красив, он не высок;
Но взор горит, любовь сулит;
И на челе оставил рок
Средь юных дней печать страстей.
Власы на нем, как смоль, черны,
Бледны всегда его уста,
Открыты ль, сомкнуты ль они:
Лиют без слов язык богов!..
И пылок он, когда над ним
Грозит бедой перун земной!
Не любит он и славы дым:
Средь тайных мук, свободы друг,
Смеется редко, чаще: вновь
Клянет он мир, где вечно сир,
Коварность, зависть и любовь!..
Все проклял он как лживый сон,
Как призрак дымных мечты.
Холодный ум, среди мрачных дум,
Не тронут слезы красоты.
Везде один, природы сын,
Не знал он друга меж людей:
Так жертву среди сухих степей
Мчит бури ток сухой листок.

2

Довольно толст, довольно тучен
Наш полновесистый герой.
Нередко весел, чаще скучен,
Любезен, горд, сердит порой.
Он добр, член нашего Парнаса,
Красавицам Москвы смешон,
На крыльях дряхлого Пегаса
Летает в мир мечтанья он.
Глаза не слишком говорливы,
Всегда по моде он одет.
А щечки — полненькие сливы,
Так говорит докучный свет.

3

Лукав, завистлив, зол и страстен,
Отступник Бога и людей;
Холоден, всем почти ужасен,
Своими ласками опасен,
А в заключение — злодей!..

4

Все в мире суета, он мнит, или отрава,
 Возвышенной души предмет стремленья — слава.

5

Всегда он с улыбкой веселой,
 Жизнь любит и юность румяну,
 Но чувства глубоко питает, —
 Не знает он тайны природы.
 Открыт всегда, постоянен;
 Не знает горячих страстей.

6

Он любимец мягкой лени,
 Сна и низких всех людей;
 Он любимец наслаждений,
 Враг губительных страстей!
 Русы волосы кудрями
 Упадают средь ланит.
 Взор изнежен, и устами
 Он лишь редко шевелит!..

К ГЕНИЮ

Когда во тьме ночей мой, не смыкаясь, взор
 Без цели бродит вкруг, прошедших дней укор
 Когда зовет меня невольно к вспоминающему:
 Какому тяжкому я предаюсь мечтанию!..
 О, сколько вдруг толпой теснится в грудь мою
 И теней и любви свидетелей!.. Люблю!
 Твержу, забывшись, им. Но, полный весь тоскою,
 Неверной девы лик мелькает предо мною...
 Так, счастье ведал я, и сладкий миг исчез,
 Как гаснет блеск звезды падучей средь небес!
 Но я тебя молю, мой неизменный *Гений*:
 Дай раз еще любить! дай жаром вдохновений
 Согреться миг один, последний, и тогда
 Пускай остынет пыл сердечный навсегда.
 Но прежде там, где вы, души моей царицы,
 Промчится звук моей задумчивой цевницы!
 Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
 Над яблоней мой тирс и с лирой золотой
 Повесь и начерти: здесь жили вдохновенья!
 Певец знавал любви живые упоенья...
 ...И я приду сюда и не узнаю вас,
 О струны звонкие!

.....

 Но ты забыла, друг! когда порой ночной
 Мы на балконе там сидели. Как немой,
 Смотрел я на тебя с обычною печалью.
 Не помнишь ты тот миг, как я, под длинной шалью
 Сокрывши голову, на грудь твою склонял —
 И был ответом вздох, твою я руку жал —
 И был ответом взгляд и страстный и стыдливый!
 И месяц был один свидетель молчаливый
 Последних и невинных радостей моих!..
 Их пламень на груди моей давно затих!..
 Но, милая, зачем, как год прошел разлуки,
 Как я почти забыл и радости и муки,
 Желаеть ты опять привлечь меня к себе?..
 Забудь любовь мою! покорна будь судьбе!
 Кляни мой взор, кляни моих восторгов сладость!..
 Забудь!.. пускай другой твою украсит младость!..
 Ты ж, чистый житель тех неизмеримых стран,
 Где стелется эфир, как вечный океан,
 И совесть чистая с беспечностью драгою,
 Хранители души, оставайтесь ввек со мною!
 И будет мне луны любезен томный свет,
 Как смутный памятник прошедших, милых лет!..

ПОКАЯНИЕ

Д е в а

Я пришла, святой отец,
 Исповедать грех сердечный,
 Горесть, роковой конец
 Счастья жизни скоротечной!..

П о п

Если дух твой изнемог,
 И в сердечном покаянье
 Излиешь свои страданья:
 Грех простит великий Бог!..

Д е в а

Нет, не в той я здесь надежде,
 Чтобы сбросить тягость бед:
 Все прошло, что было прежде, —
 Где ж найти уплывших лет?
 Не хочу я пред Небесным
 О спасенье слезы лить

Иль спокойствием чудесным
Душу грешную омыть;
Я спешу перед тобою
Исповедать жизнь мою,
Чтоб не умертвить с собою
Все, что в жизни я люблю!
Слушай, тверже будь... скрепись,
Знай, что есть удар судьбы;
Но над мною не молись:
Не достойна я мольбы.
Я не знала, что такое
Счастье юных, нежных дней;
Я не знала о покое,
О невинности детей:
Пылкой страсти вожделеню
Я была посвящена,
И геенскому мученью
Предала меня она!..
Но любви тайна сладость
Укрывалась от глаз;
Вслед за ней бежала младость,
Как бежит за часом час.
Вскоре бедствие узнала
И ничтожество свое:
Я любовью торговала
И не ведала ее.
Исповедать грех сердечный
Я пришла, святой отец!
Счастья жизни скоротечной
Вечный роковой конец.

П о п

Если таешь ты в страданье,
Если дух твой изнемог,
Но не молишь в покаянье:
Не простит великий Бог!..

ПИСЬМО

Свеча горит! дрожащею рукою
Я окончал заветные черты,
Болезнь и парка мчались надо мною,
И много в грудь теснилось — и ты
Напрасно чашу мне несла здоровья,
(Так чудилось) с веселием в глазах,
Напрасно стала здесь у изголовья,
И поцелуй любви горел в устах.

Прости навек! — Но вот одно желанье:
Приди ко мне, приди в последний раз,
Чтоб усладить предсмертное страданье,
Чтоб потушить огонь сомкнутых глаз,
Чтоб сжать мою хладающую руку...
Далеко ты! не слышишь голос мой!
Не при тебе узнаю смерти муку!
Не при тебе оставлю мир земной!
Когда ж письмо в очах твоих печальных
Откроется... прочтешь его... тогда,
Быть может, я, при песнях погребальных,
Сйду в мой дом подземный навсегда!..
Но ты не плачь: мы ближе друг от друга,
Мой дух всегда готов к тебе летать
Или в часы беспечного досуга
Сокрыты прелести твои лобзать...
Настанет ночь; приедешь из собрания
И к ложу тайному приедешь одна;
Посмотришь в зеркало, и жар дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнет огонь на девственны ланиты,
К груди младай прильнет безвестный дух,
И над главою мелькнет призрак забытый,
И звук влетит в твой удивленный слух.
Узнай в тот миг, что это я из гроба
На мрачное свиданье прилетел:
Так, душная земли немой утроба
Не всех теней презрительный удел!..
Когда ж в саях, в блистательном катанье,
Проедешь ты на паре вороных;
И за тобой в любви живом страданье
Стоит гусар безмолвен, мрачен, тих;
И по груди обоих вас промчится
Невольный хлад, и сердце закипит,
И ты вздохнешь, гусара взор затмится,
Он черный ус рукою закрутит;
Услышишь звук военного металла,
Увидишь бледный цвет его чела:
То тень моя безумная предстала
И мертвый взор на путь ваш навела!..
Ах! много, много я сказать желаю;
Но медленно слабеет жизни дух.
Я чувствую, что к смерти подступаю,
И — падает перо из слабых рук...
Прости!.. Я бегал за лучами славы,
Несчастливо, но пламенно любил,
Все изменило мне, везде отравы,
Лишь лиры звук мне неизменен был!..

ВОЙНА

Зажглась, друзья мои, война;
И развились знамена чести;
Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напевы,
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны девы!
Забуду я тебя, любовь,
Сует и юности отравы,
И полечу, свободный, вновь
Ловить венок небренной славы!

РУССКАЯ МЕЛОДИЯ

1

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья;
Вдруг зимних бурь раздался грозный вой, —
И рушилось неверное созданье!..

2

Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой
И бескорыстный и свободный!..

3

Он громкий звук внезапно раздает,
В честь девы милой сердцу и прекрасной —
И звук внезапно струны оборвет,
И слышится начало песни! — но напрасно! —
Никто конца ее не допоет!..

ПЕСНЯ

Светлый призрак дней минувших,
Для чего ты
Пробудил страстей уснувших
И заботы?
Ты питаешь сладострастья
Скоротечность!
Но где взять бывшее счастье
И беспечность?..

Где вы, дружески обеты
И отвага?
Поглотились бездной Леты
Эти блага!..
Щеки бледностью, хоть молод,
Уж покрылись;
В сердце ненависть и холод
Водворились!

К...

Не привлекай меня красотой!
Мой дух погас и состарелся.
Ах! много лет как взгляд другой
В уме моем напечатлелся!..
Я для него забыл весь мир,
Для сей минуты незабвенной;
Но я теперь, как нищий, сир,
Брожу один, как отчужденный!
Так путник в темноте ночной,
Когда узрит огонь блудящий,
Бежит за ним... схватил рукой...
И — пропасть под ногой скользящей!..

РОМАНС

Невинный нежною душою,
Не зная в юности страстей прилив,
Ты можешь, друг, сказать, с какой-то простотою:
Я был счастлив!..

Кто, слишком рано насладившись,
Живет, в душе негодование скрыв,
Тот может, друг, еще сказать, забывшись:
Я был счастлив!..

Но я в сей жизни скоротечной
Так испытал отчаянья порыв,
Что не могу сказать чистосердечно:
Я был счастлив!

ТРИ ВЕДЬМЫ

(Из «Макбета» Ф. Шиллера)

Первая

Попался мне один рыбак:
Чинил он, весел, сети!
Как будто в рубище, бедняк,
Имел златые горы!

И с песнью день и ночи мрак
Встречал беспечный мой рыбак.
Я ж поклялась ему давно,
Что все сердит меня одно...
Однажды рыбу он ловил,
И клад ему попался;
Клад блеском очи ослепил,
Яд черный в нем скрывался;
Он взял его к себе на двор:
И песен не было с тех пор!

Другие две

Он взял врага к себе на двор:
И песен не было с тех пор!

Первая

И вот где он, там пир горой,
Толпа увеселений —
И прочь, как с крыльями, покой
Быстрее умчался тени.
Не знал безумец молодой,
Что деньги ведьмы — прах пустой!

Вторая и третья

Не знал, глупец, средь тех минут,
Что наши деньги в ад ведут!..

Первая

Но бедность скоро вновь бежит,
Друзья исчезли ложны;
Он прибегал, чтоб скрыть свой стыд,
К врагу людей, безбожный!
И на дороге уж большой
Творил убийство и разбой...
Я ныне близ реки иду
Свободною минутой:
Там он сидел на берегу,
Терзаясь мукой лютой!..
Он говорил: «Мне жизнь пуста!
Вы отвращений полны,
Блаженства, злата!.. вы мечта!..»
И забелели волны.

К НИНЕ

(Из Шиллера)

Ах! сокрылась в мрак ненастный
 Счастья прошлого мечта!..
 По одной звезде прекрасной
 Млею, бедный сирота.
 Но как блеск звезды моей,
 Ложно счастье прежних дней.

Пусть навек с златым мечтаньем,
 Пусть тебе глаза закрыть,
 Сохраню тебя страданьем!
 Ты для сердца будешь жить.
 Но, увы! ты любишь свет:
 И любви моей как нет!

Может ли любви страданье,
 Нина! некогда пройти?
 Бури света волнованье
 Чувств горячих унести?
 Иль умрет небесный жар,
 Как земли ничтожный дар?..

К N. N.

Ты не хотел! но скоро волю рока
 Узнаешь ты и в бездну упадешь;
 Проколет грудь раскаяния нож.
 Предстану я без горького упрека,
 Но ты тогда совсем мой взор поймешь;
 Но он тебе, как меч, как яд, опасен;
 Захочешь ты проступку вновь помочь;
 Нет, поздно, друг, твой будет труд напрасен:
 Обрато взор тебя отгонит прочь!..
 Я оттолкну униженную руку,
 Я вспомню дружбу нашу как во сне;
 Никто со мной делить не будет скуку;
 Таких друзей не надо больше мне;
 Ты хладен был, когда я зрел несчастье
 Или удар печальной клеветы;
 Но придет час: и будешь в горе ты,
 И не пробудится в душе моей участие!..

ЭПИГРАММЫ

1

Есть люди странные, которые с друзьями
 Обходятся как с сюртуками:

Покуда нов сюртук: в чести — а там
Забыт и подарен слугам!..

2

Тот самый человек пустой,
Кто весь наполнен сам собой.

3

Поэтом (хоть и это бремя)
Из журналиста быть тебе не суждено;
Ругать, и лстить, и лгать в одно и то же время,
Признаться — очень мудрено!

4. Г-ну П.

Аминт твой на глупца походит,
Когда за счастьем бежит;
А под конец так крепко спит,
Что даже сон другим наводит.

5

Стыдить лжеца, шутить над дураком
И спорить с женщиной — все то же,
Что черпать воду решетом:
От сих троих избавь нас, Боже!..

6

Дамон, наш врач, о друге прослезился,
Когда тот кончил жизнь; поныне он грустит
(Но не о том, что жизни друг лишился):
Пять раз забыл он взять *билеты за визит!*..

К ГРУЗИНОВУ

Скажу, любезный мой приятель.
Ты для меня такой смешной,
Ты муз прилежный обожатель,
Им даже жертвуешь собой!..
Напрасно, милый друг! коварных
К себе не приманишь никак;
Ведь музы женщины — итак,
Кто ж видел женщин благодарных?..

НАПОЛЕОН

Где бьет волна о брег высокой,
Где дикий памятник небрежно положен,

В сырой земле и в яме неглубокой —
 Там спит герой, друзья! — Наполеон!..
 Вещают так и камень одинокой,
 И дуб возвышенный, и волн прибрежных стон!..

Но вот полночь свинцовый свой покров
 По сводам неба распустила,
 И влагу дремлющих валов
 С могилой тихою Диана осребрила.
 Над ней сюда пришел мечтать
 Певец возвышенный, но юный;
 Воспоминания стараясь пробуждать,
 Он арфу взял, запел, ударил в струны!..

«Не ты ли, островок уединенный,
 Свидетелем был чистых дней
 Героя дивного? Не здесь ли звук мечей
 Гремел, носился глас его священный?
 Нет! рок хотел отсюда удалить
 И честолюбие, и кровь, и гул военный;
 А твой удел благословенный:
 Принять изгнанника и прах его хранить!

Зачем он так за славою гонялся?
 Для чести счастье презирал?
 С невинными народами сражался?
 И скипетром стальным короны разбивал?
 Зачем шутил граждан спокойных кровью,
 Презрел и дружбой и любовью
 И пред Творцом не трепетал?..

Ему, погибельно войною принужденный,
 Почти весь свет кричал: ура!
 При визге бурного ядра
 Уже он был готов — но... воин дерзновенный!..
 Творец смешал неколебимый ум,
 Ты побежден московскими стенами...
 Бежал!.. и скрыл за дальними морями
 Следы печальные твоих высоких дум.

.....

Огнем снедаем угрызений,
 Ты здесь безвременно погас.
 Покоен ты; и в тихий утра час,
 Как над тобой порхнет зефир весенний,
 Безвестный гость, дубравный соловей,
 Порою издает томительные звуки,
 В них слышны: слава прежних дней,
 И голос нег, и голос муки!..

Когда уже едва свет дневный отражен
 Кристальной играющей волною

И гаснет день: усталою стопою
 Идет рыбак берегов на тихий склон,
 Несведущий, безмолвно попирает,
 Таща изорванную сеть,
 Ту землю, где твой прах забытый истлевает,
 Не перестав простую песню петь...»

 Вдруг!.. ветерок... луна за тучи забежала...
 Умолк певец. Струится в жилах хлад;
 Он тайным ужасом объят...
 И струны лопнули... и тень ему предстала:
 «Умолкни, о певец! — спеши отсюда прочь, —
 С хвалой иль язвою упрека:
 Мне все равно; в могиле вечно ночь.
 Там нет ни почестей, ни счастья, ни рока!
 Пускай историю страстей
 И дел моих хранят далекие потомки:
 Я презрю песнопенья громки;
 Я выше и похвал, и славы, и людей!..»

ПАН

(В древнем роде)

Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день,
 Укрывшись лесов в таинственную сень,
 Или под ветвями пустынных рябины,
 Смотреть на синие, туманные равнины.
 Тогда приходит Пан с толпою пастухов;
 И пляшут вокруг меня на бархате лугов.
 Но чаще бог овец ко мне в уединенье
 Является, ведя святое вдохновенье:
 Главу рогатую ласкает легкий хмель,
 В одной руке его стакан, в другой свирель!
 Он учит петь меня; и я в тиши дубравы
 Играю и пою, не зная жажды славы.

ЖАЛОБЫ ТУРКА

(Письмо. К другу, иностранцу)

Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,
 Где роши и луга поблекшие цветут?
 Где хитрость и беспечность злобе дань несут?
 Где сердце жителей волнуемо страстями?
 И где являются порой
 Умы и хладные и твердые, как камень?
 Но мощь их давится безвременной тоской,
 И рано гаснет в них добра спокойный пламень.

Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
 Там за утехами несется укоризна,
 Там стонет человек от рабства и цепей!..
 Друг! этот край... моя отчизна!

P. S. Ах, если ты меня поймешь,
 Прости свободные намеки;
 Пусть истину скрывает ложь:
 Что ж делать? — Все мы человеки!..

К N. N.***

Не играй моей тоской,
 И холодной и немой.
 Для меня бывает время:
 Как о прошлом вспомню я,
 Сердце (Бог тому судья)
 Жмет неведомое бремя!..

Я хладею и горю,
 Сам с собою говорю;
 Внемлю смертному напеву;
 Я гляжу на бег реки,
 На удар моей руки,
 На поверженную деву!

Я ищу в ее глазах,
 В изменившихся чертах,
 Искру муки, угрызенья;
 Но напрасно! злобный рок
 Начертать сего не мог,
 Чтоб мое покоить мщенье!..

ЧЕРКЕШЕНКА

Я видел вас: холмы и нивы.
 Разнообразных гор кусты,
 Природы дикой красоты,
 Степей глухих народ счастливый
 И нравы тихой простоты!

Но там, где Терек протекает,
 Черкешенку я увидел, —
 Взор девы сердце приковал;
 И мысль невольно улетает
 Бродить средь милых, дальных скал...

Так дух раскаяния, звуки
 Послышав райские, летит
 Узреть еще небесный вид:
 Так стон любви, страстей и муки
 До гроба в памяти звучит.

ОТВЕТ

Кто муки знал когда-нибудь
И чьи к любви закрылись вежды,
Того от страха и надежды
Вторично не забьется грудь.
Он любит мрак уединенья,
Он больше незнаком с слезой,
Пред ним исчезли упоенья
Мечты бесплодной и пустой.
Он чувств лишен: так пень лесной,
Постигнут молнией, догорает,
Погас — и скрылся жизни сок.
Он мертвых ветвей не питает. —
На нем печать оставил рок.

ДВА СОКОЛА

Степь, синяя, расстилалась
Близ Азовских берегов;
Запад гас, и ночь спускалась;
Вихрь скользил между холмов.
И, тряхнувшись, в поле диком
Серый сокол тихо сел;
И к нему с ответным криком
Брат стрелою прилетел.
«Братец, братец, что ты видел?
Расскажи мне поскорей».
«Ах, я свет возненавидел
И безжалостных людей».
«Что ж ты видел там худого?»
«Кучу каменных сердец:
Деве смех тоска милого,
Для детей тиран отец.
Девы мукой слез правдивых
Веселятся как игрой;
И у ног самолюбивых
Гибнут юноши толпой!..
Братец, братец! ты что ж видел?
Расскажи мне поскорей!»
«Свет и я возненавидел
И изменчивых людей.
Ношею обманов скрытых
Юность там удручена;
Вспоминаний ядовитых
Старость мрачная полна.
Гордость, верь ты мне, прекрасной
Забывается порой;
Но измена девы страстной
Нож для сердца вековой!..»

ГРУЗИНСКАЯ ПЕСНЯ

Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая;
 Случилось раз:
 Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
 Скатился:
Ах, ею старый армянин
 Гордился!..

Вокруг нее кристалл, рубины;
Но как не плакать от кручины
 У старика?
 Его рука
Ласкает деву всякий день:
 И что же? —
Скрываются красы как тень.
 О боже!..

Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
 Но все любовь
 Презрела. Вновь
Румянец на щеках живой
 Явился.
И перл между ресниц порой
 Не бился...

Но армянин открыл коварность,
Измену и неблагодарность
 Как перенести!
 Досада, месть,
Впервые вас он только сам
 Изведал!
И труп преступницы волнам
 Он предал.

МОЙ ДЕМОН

Собранье зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетевших,
Стоит его недвижимый трон;
На нем, средь ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь,

И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.

ЖЕНА СЕВЕРА

Покрыта таинств легкой сеткой,
Меж скал полуночной страны
Она являлася нередко
В года волшебной старины.
И Финна дикие сыны
Ей храмины сооружали,
Как грозной дочери богов,
И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрел ее, тот умирал.
И слух в угрюмой полуночи
Бродил, что будто как металл
Язвили голубые очи.
И только скальды лишь могли
Смотреть на деву издали.
Они платили песнопеньем
За пламенный восторга час;
И пробужден немим виденьем
Был строен их невнятный глас!..

К ДРУГУ

Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкою душой,
Я не пленен небесной красотой;
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдет, как тень пустого сна.
Не буду я счастливым близ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, друг, узнать не должен, кто она.
Навек мы с ней разлучены судьбою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою,
Но я в любви моей закоренел.
Так вор седой заглохшая дубравы
Не кается еще в своих грехах:
Еще он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ, нож кровавый!..
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самого от самой колыбели,
Игралищем и рока и страстей,
К одной, святой, неизъяснимой цели.

И я к высокому в порыве дум живых,
 И я душой летел во дни былые;
 Но мне милей страдания земные:
 Я к ним привык и не оставлю их...

ЭЛЕГИЯ

О! Если б дни мои текли
 На лоне сладостном покоя и забвенья,
 Свободно от сует земли
 И далеко от светского волненья,
 Когда бы, усмиря мое воображенье,
 Мной игры младости любимы быть могли,
 Тогда б я был с весельем неразлучен,
 Тогда б я, верно, не искал
 Ни наслаждения, ни славы, ни похвал.
 Но для меня весь мир и пуст и скучен,
 Любовь невинная не льстит душе моей:
 Ищу измен и новых чувствований,
 Которые живут хоть колкостью своей
 Мне кровь, угасшую от грусти, от страданий,
 От преждевременных страстей!..

* * *

Забывши волнения жизни мятежной,
 Один жил в пустыне рыбак молодой.
 Однажды на скале прибрежной,
 Над тихой, прозрачной рекой,
 Он с удой беспечно
 Сидел
 И думой сердечной
 К протекшему счастьем летел.

К***

Глядися чаще в зеркала,
 Любуйся милыми очами,
 И света шумная хвала
 С моими скромными стихами
 Тебе покажутся ясней...
 Когда же вздох самодовольный
 Из груди вырвется невольно,
 Когда в молодой душе своей
 Самолюбивые волненья
 Не будешь в силах утаить:
 Мою любовь, мои мученья
 Ты оправдаешь, может быть!..

**ПОЭМЫ И ПОВЕСТИ
В СТИХАХ**

ЧЕРКЕСЫ

Подобно племени Батыя,
 Изменит прадедам Кавказ:
 Забудет брани вещей глас,
 Оставит стрелы боевые...
 ...И к тем скалам, где крылись вы,
 Подъедет путник без боязни,
 И возвестят о вашей казни
 Преданья темные молвы!..

А. Пушкин

I

Уж в горах солнце исчезает,
 В долинах всюду мертвый сон,
 Заря, блистая, угасает,
 Вдали гудит протяжный звон,
 Покрыто мглой туманно поле,
 Зарница блещет в небесах,
 В долинах стад не видно боле,
 Лишь серны скачут на холмах.
 И серый волк бежит чрез горы;
 Его свирепо блещут взоры.
 В тени развесистых дубов
 Влезает он в свою берлогу.
 За ним бежит через дорогу
 С ружьем охотник, пара псов
 На сворах рвутся с нетерпенья;
 Все тихо; и в глуши лесов
 Не слышно жалобного пенья
 Пустынной иволги; лишь там
 Весенний ветерок играет,
 Перелетая по кустам;
 В глуши кукушка занывает;
 И на дупле как тень сидит
 Полночный ворон и кричит.
 Меж диких скал крутит, сверкает
 Подале Терек за горой;
 Высокий берег подмывает,
 Крутяся, пеною седой.

II

Одето небо черной мглою,
В тумане месяц чуть блестит;
Лишь на сухих скалах травую
Полночный ветер шевелит.
На холмах маяки блистают;
Там стражи русские стоят;
Их копыта острые блестят;
Друг друга громко окликают:
«Не спи, казак, во тьме ночной;
Чеченцы ходят за рекой!»
Но вот они стрелу пускают,
Взвилась! — и падает казак
С окровавленного кургана;
В очах его смертельный мрак:
Ему не зреть родного Дона,
Ни милых сердцу, ни семью:
Он жизнь окончил здесь свою.

III

В густом лесу видна поляна,
Чуть освещенная луной,
Мелькают, будто из тумана,
Огни на крепости большой.
Вдруг слышен шорох за кустами,
Въезжают несколько людей;
Обкинув все кругом очами,
Они слезают с лошадей.
На каждом шашка, за плечами
Ружье заряжено висит,
Два пистолета, борзы кони;
По бурке на седле лежит.
Огонь черкесы зажигают,
И все садятся тут кругом;
Привязанные к деревьям
В лесу кони траву щипают,
Клубится дым, огонь трещит,
Кругом поляна вся блестит.

IV

Один черкес одет в кольчугу,
Из серебра его наряд,
Уздени вокруг него сидят;
Другие ж все лежат по лугу.
Иные чистят шашки остры
Иль наостряют стрелы быстры.
Кругом все тихо, все молчит.

Восстал вдруг князь и говорит:
«Черкесы, мой народ военный,
Готовы будьте всякий час,
На жертву смерти — смерти славной
Не всяк достоин здесь из вас.
Взгляните: в крепости высокой
В цепях, в тюрьме, мой брат сидит,
В печали, в скорби, одинокой,
Его спасу иль мне не жить.

V

Вчера я спал под холодной мглой
И вдруг увидел будто брата,
Что он стоял передо мной —
И мне сказал: «Минуты трата,
И я погиб, — спаси меня»;
Но призрак легкий вдруг сокрылся;
С сырой земли поднялся я;
Его спасти я устремился;
И вот ищу и ночь и день;
И призрак легкий не являлся
С тех пор, как брата бледна тень
Меня звала, и я старался
Его избавить от оков;
И я на смерть всегда готов!
Теперь, клянусь Магометом,
Клянусь, клянусь целым светом!..
Настал неизбежимый час,
Для русских смерть или мученье
Иль мне взглянуть в последний раз
На ярко солнце восхожденье».
Умолкнул князь. И все трикратно
Повторили его слова:
«Погибнуть русским невозвратно
Иль с тела свалится глава».

VI

Восток, алея, пламенеет,
И день заботливый светлеет.
Уже в селах кричит петух;
Уж месяц в облаке потух.
Денница, тихо поднимаясь,
Златит холмы и тихий бор;
И юный луч, со тьмой сражаясь,
Вдруг показался из-за гор.
Колосья в поле под серпами
Ложатся желтыми рядами.
Все утром дышит; ветерок

Играет в Тереке на волнах,
Вздывает зыблемый песок.
Свод неба синий тих и чист;
Прохлада с речки повеваает,
Прелестный запах юный лист
С весенней свежестью сливает.
Везде, кругом стугился лес,
Повсюду тихое молчанье;
Струей, сквозь темный свод древес
Прокравшись, дневное сиянье
Верхи и корни золотит.
Лишь ветра тихим дуновеньем
Сорван листок летит, блестит,
Смущая тишину паденьем.

Но вот, приметя свет дневной,
Черкесы на коней садятся,
Быстрее стрел по лесу мчатся,
Как пчел неутомимый рой,
Сокрылися в тени густой.

VII

О, если б ты, прекрасный день,
Гнал так же горесть, страх, смятенья,
Как гонишь ты ночную тень
И снов обманчивых виденья!
Заутрень в граде дальний звон
По роще ветром разнесен;
И на горе стоит высокой
Прекрасный град, там слышен громкий
Стук барабанов, и войска,
Закинув ружья на плеча,
Стоят на площади. И в параде
Народ весь в праздничном наряде
Идет из церкви. Стук карет,
Колясок, дрожek раздается;
На небе стая галок вьется;
Всяк в дом свой завтракать идет;
Там тихо ставни растворяют;
Там по улице гуляют
Иль идут войско посмотреть
В большую крепость. Но чернеть
Уж стали тучи за горами,
И только яркими лучами
Блистало солнце с высоты;
И ветер бежал через кусты.

VIII

Уж войско хочет расходиться
В большую крепость на горе;
Но топот слышен в тишине.
Вдали густая пыль клубится.
И видят, кто-то на коне
С оглядкой боязливой мчится.
Но вот он здесь уж, вот слезает;
К начальнику он подбегает
И говорит: «Погибель нам!
Вели готовиться войскам;
Черкесы мчатся за горами,
Нас было двое, и за нами
Они пустились на конях.
Меня объял внезапный страх;
Насилу я от них умчался;
Да конь хорош, а то б попался».

IX

Начальник всем полкам велел
Сбираться к бою, зазвенел
Набатный колокол; толпятся,
Мягутся, строятся, делятся;
Ворота крепости сперлись.
Иные вихрем понеслись
Остановить черкесску силу
Иль с славою вкусить могилу.
И видно зарево кругом;
Черкесы поле покрывают,
Ряды, как львы, перебегают;
Со звоном сшибся меч с мечом;
И разом храброго не стало.
Ядро во мраке прожужжало,
И целый ряд бесстрашных пал;
Но все смешались в дыме черном.
Здесь бурный конь с копьем вонзенным,
Вскочивши на дыбы, заржал,
Сквозь русские ряды несется,
Упал на землю, сильно рвется,
Покрывши всадника собой,
Повсюду слышен стон и вой.

X

Пушек гром везде грохочет;
А здесь изрубленный герой

Воззвать к дружине верной хочет;
И голос замер на устах.
Другой бежит на поле ратном;
Бежит, глотая пыль и прах;
Триkrát сверкнул мечом булатным,
И в воздухе недвижим меч;
Звеня, падет кольчуга с плеч;
Копье рамена прободает,
И хлещет кровь из них рекой.
Несчастный раны зажимает
Холодной, трепетной рукой.
Еще ружье свое он ищет;
Повсюду стук, и пули свищут;
Повсюду слышен пушек вой;
Повсюду смерть и ужас мечет
В горах, и в долах, и в лесах;
Во граде жители трепещут;
И гул несется в небесах.
Иный черкеса поражает;
Бесплодно меч его сверкает.
Махнул еще; его рука,
Подъята вверх, окостенела.
Бежать хотел. Его нога
Дрожит недвижима, замлела;
Встает и пал. Но вот несется
На лошади черкес лихой
Сквозь ряд штыков; он сильно рвется
И держит меч над головой;
Он с казаком вступает в бой;
Их сабли остры ярко блещут;
Уж лук звенит, стрела трепещет;
Удар несется роковой.
Стрела блесит, свистит, мелькает
И вмиг казака убивает.
Но вдруг, толпою окружен,
Копьями острыми пронзен,
Князь сам от раны издыхает;
Падет с коня — и все бегут
И бранно поле оставляют.
Лишь ядры русские ревут
Над их, ужасно, головой.
Помалу тихнет шумный бой.
Лишь под горами пыль клубится.
Черкесы побежденны мчатся,
Преследуемы толпой
Сынов неустрашимых Дона,
Которых Рейн, Лоар и Рона

Видали на своих берегах,
Несут за ними смерть и страх.

XI

Утихло все: лишь изредка
Услышишь выстрел за горою;
Редко видно казака,
Несущегося прямо к бою,
И в стане русском уж покой.
Спасен и град, и над рекой
Маяк блестит, и сторож бродит,
В окружность быстрым оком смотрит
И на плече ружье несет.
Лишь только слышно: «*Кто идет*»,
Лишь громко «*слушай*» раздается;
Лишь только редко пронесется
Лихой казак чрез русский стан.
Лишь редко крикнет черный вран
Голодный, трупы пожирая;
Лишь изредка мелькнет, блистая,
Огонь в палатке у солдат.
И редко чуть блеснет булат,
Заржавый от крови в сраженье,
Иль крикнет вдруг в уединенье
Близ стана русский часовой;
Везде господствует покой.

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Genieße und leide!
Dulde und entbehre!
Liebe, hoff und glaube!
*Conz*¹

I

В большом ауле, под горою,
Близ саклей дымных и простых,
Черкесы позднею порою
Сидят — о конях удалых

¹ Наслаждайся и страдай!
Терпи и смирайся!
Люби, надейся и верь!

Конц (нем.).

Заводят речь, о метких стрелах,
О разоренных ими селах;
И с ними как дрался казак,
И как на русских нападали,
Как их пленили, побеждали.
Курят беспечно свой табак,
И дым, вясь, летит над ними,
Иль, стукнув шашками своими,
Песнь горцев громко запоют.
Иные на коней садятся,
Но перед тем как расставаться,
Друг другу руку подают.

II

Меж тем черкешенки молодые
Взбегают на горы крутые
И в темну даль глядят — но пыль
Лежит спокойно по дороге;
И не шелохнется ковыль,
Не слышно шума, ни тревоги.

Там Терек издали кружит,
Меж скал пустынных протекает
И пеной зыбкой орошает
Высокий берег; лес молчит;
Лишь изредка олень пугливый
Через пустыню пробежит;
Или коней табун игривый
Молчанье дола возмутит.

III

Лежал ковер цветов узорный
По той горе и по холмам;
Внизу сверкал поток нагорный
И тек струисто по кремням...
Черкешенки к нему сбежались,
Водою чистой умывались.
Со смехом младости простым
На дно прозрачное иные
Бросали кольца дорогие;
И к волосам своим густым
Цветы весенние вплетали;
Гляделися в зеркало вод,
И лица их в нем трепетали.
Сплетаясь в тихий хоровод,
Восточны песни напевали;
И близ аула под горой

Сидели резвою толпой;
И звуки песни произвольной
Ушелья вторили невольно.

IV

Последний солнца луч златой
На льдах серебристых догорает,
И Эльборус своей главой
Его, как туча, закрывает.

.....
Уж раздалось мычанье стад
И ржанье табунов веселых;
Они с полей идут назад...
Но что за звук цепей тяжелых?
Зачем печаль сих пастухов?
Увы! то пленники молодые,
Утратив годы золотые,
В пустыне гор, в глуши лесов,
Близ Терека пасут уныло
Черкесов тучные стада,
Вспоминая то, что было
И что не будет никогда!
Как счастье тщетно их ласкало,
Как оставляло наконец
И как оно мечтою стало!..
И нет к ним жалостных сердец!
Они в цепях, они рабами!
Сливалось все как в мутном сне,
Души не чувствуя, оне
Уж видят гроб перед очами.
Несчастные! в чужом краю!
Исчезли сердца упования;
В одних слезах, в одном страданье
Отраду зрят они свою.

V

Надежды нет им возвратиться;
Но сердце поневоле мчится
В родимый край. Они душой
Тонули в думе роковой.

.....
Но пыль взвивалась над холмами
От стад и борзых табунов;
Они усталыми шагами
Идут домой. Лай верных псов
Не раздавался вокруг аула;

Природа шумная уснула;
Лишь слышен дев издалека
Напев унылый. Вторят горы,
И нежен он, как птичек хоры,
Как шум приветный ручейка:

ПЕСНЯ

1

Как сильной грозою
Сосну вдруг согнет;
Пронзенный стрелой,
Как лев заревет;
Так русский средь бою
Пред нашим падет;
И смелой рукою
Чеченец возьмет
Броню золотую
И саблю стальную
И в горы уйдет.

2

Ни конь, оживленный
Военной трубой,
Ни варвар, смятенный
Внезапной борьбой,
Страшней не трепещет,
Когда вдруг заблещет
Кинжал роковой.

Внимали пленники уныло
Печальной песни сей для них,
И сердце в грусти страшно ныло...
Ведут черкесы к сакле их;
И, привязавши у забора,
Ушли. Меж них огонь трещит;
Но не смыкает сон их взора,
Не могут гореть дня забыть.

VI

Льет месяц томное сиянье.
Черкесы храбрые не спят;
У них шумливое собранье:
На русских нападать хотят.
Вокруг оседланные кони;
Серебряные блещут брони;

На каждом лук, кинжал, колчан
И шашка на ремнях наборных,
Два пистолета и аркан,
Ружье; и в бурках, в шапках черных,
К набегу стар и млад готов,
И слышен топот табунов.
Вдруг пыль взвилася над горами,
И слышен стук издалека;
Черкесы смотрят: меж кустами
Гирея видно, ездока!

VII

Он понуждал рукой могучей
Коня, приталкивал ногой,
И влек за ним аркан летучий
Младого пленника <с> собой.
Гирей приблизился — веревкой
Был связан русский, чуть живой.
Черкес спрыгнул, рукою ловкой
Разрезывал канат; но он
Лежал на камне — смертный сон
Летал над юной головою...
.....
Черкесы скачут уж — как раз
Сокрылись за горой крутою;
Уроком бьет полночный час.

VIII

От смерти лишь из сожаленья
Младого русского спасли;
Его к товарищам снесли.
Забывши про свои мученья,
Они, не отступая прочь,
Сидели близ него всю ночь...
.....
И бледный лик, в крови омытый,
Горел в щеках — он чуть дышал,
И смертным холодом облитый,
Протягшись, на траве лежал.

IX

Уж полдень, прямо над аулом,
На светло-синей высоте,
Сиял в обычной красоте.
Сливались с протяжным гулом

Стадов черкесских — по холмам
Дыханье ветерков проворных,
И ропот ручейков нагорных,
И пенье птичек по кустам.
Хребта Кавказского вершины
Пронзали синеву небес,
И оперял дремучий лес
Его зубчатые стремнины.
Обложен степенями гор,
Расцвел узорчатый ковер;
Там под столетними дубами,
В тени, окованный цепями,
Лежал наш пленник на траве.
В слезах склонясь к молодой главе,
Товарищи его несчастья
Водой старались оживить;
(Но ах! утраченного счастья
Никто не мог уж возвратить.)

.....
Вот он, вздохнувши, приподнялся,
И взор его уж открывался!
Вот он взглянул!.. затрепетал.
...Он с незабытыми друзьями! —
Он, вспыхнув, загремел цепями.
Ужасный звук все, все сказал!!

Несчастный залился слезами,
На грудь к товарищам упал,
И горько плакал и рыдал.

X

Счастливы еще: его мученья
Друзья готовы разделять
И вместе плакать и страдать...
Но кто сего уж утешенья
Лишен в сей жизни слез и бед,
Кто в цвете юных пылких лет
Лишен того, чем сердце льстило,
Чем счастье издали манило...
И если годы унесли
Пору цветов искать, как прежде,
Минутной радости в надежде, —
Пусть не живет тот на земли.

XI

Так пленник мой с родной страной
Почти навек «прости» сказал!

Терзался прошлого мечтою,
Ее места воспоминал:
Где он провел златую младость,
Где испытал и жизни сладость,
Где много милого любил,
Где знал веселье и страданья,
Где он, несчастный, погубил
Святые сердца упованья...

.....

XII

Он слышал слово *«навсегда!»*.
И обреченный тяжкой долей,
Почти дружился он с неволей.
С товарищами иногда
Он пас черкесские стада.
Глядел он с ними, как лавины
Катятся с гор и как шумят;
Как лавой снежною блещут,
Как ими кроются долины;
Хотя цепями скован был,
Но часто к Тереку ходил.
И слушал он, как волны воют,
Подошвы скал угрюмых роют,
Текут среди дебрей и лесов...
Смотрел, как в высоте холмов
Блещут огни сторожевые
И как вокруг них казаки
Глядят на мутный ток реки,
Склонясь на копья боевые.
Ах! как желал бы там он быть;
Но цепь мешала переплыть.

XIII

Когда же полдень над главою
Горел в лучах, то пленник мой
Сидел в пещере, где от зною
Он мог сокрыться. Под горой
Ходили табуны. Лежали
В тени другие пастухи,
В кустах, в траве и близ реки,
В которой жажду утоляли...
И там-то пленник мой глядит:
Как иногда орел летит,
По ветру крылья простирает,
И видя жертвы меж кустов,
Когтями хватает вдруг, — и вновь
Их с криком сверху поднимает...

«Так! — думал он, — я жертва та,
Котора в пищу им взята».

XIV

Смотрел он также, как кустами
Иль синей степью, по горам,
Сайгаки, с быстрыми ногами,
По камням острым, по кремням,
Летят, стремнины презирая...
Иль как олень и лань младая,
Услыша пенье птиц в кустах,
Со скал, не шевелясь, внимают —
И вдруг внезапно исчезают —
И взвивая вверх песок и прах.

XV

Смотрел, как горцы мчатся к бою
Иль скачут смело над рекою;
Остановились, — лошадей
Толкают смелою ногою...
И вдруг, припав к луке своей,
Близ берегов они мелькают,
Стремят — и снова поскакав,
С утеса падают стремглав
И...
...шумно в брызгах исчезают —
Потом плывут, и достигают
Уже противных берегов,
Они уж там и в тьме лесов
Себя от казаков скрывают...
Куда глядите, казаки?
Смотрите, волны у реки
Седую пеной забелели!
Смотрите, враны на дубах
Вострепенулись, улетели,
Сокрылись с криком на холмах!
Черкесы путника арканом
В свои ущелья завлекут...
И, скрытые ночным туманом,
Оковы, смерть вам нанесут.

XVI

И часто, отгоня сон,
В глухую полночь смотрит он,
Как иногда черкес чрез Терек
Плывет на верном тулуке,

Бушуют волны на реке,
В тумане виден дальний берег,
На пне пред ним висят кругом
Его оружия стальные:
Колчан, лук, стрелы боевые;
И шашка острая, ремнем
Привязана, звенит на нем,
Как точка в волнах он мелькает,
То виден вдруг, то исчезает...
Вот он причалил к берегам.
Беда беспечным казакам!
Не зреть уж им родного Дона,
Не слышать колоколов звона!
Уже чеченец под горой,
Железная кольчуга блещет;
Уж лук звенит, стрела трепещет
Удар несется роковой!..
Казак! казак! увы, несчастный!
Зачем злодей тебя убил?
Зачем же твой свинец опасный
Его так быстро не сразил?..

XVII

Так пленник бедный мой уныло,
Хоть сам под бременем оков,
Смотрел на гибель казаков.
Когда ж полночное светило
Восходит, близ забора он
Лежит в ауле — тихий сон
Лишь редко очи закрывает.
С товарищами — вспоминает
О милой той родной стране;
Грустит; но больше, чем оне...
Оставив там залог прелестный,
Свободу, счастье, что любил,
Пустился он в край неизвестный,
И... все в краю том погубил.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

XVIII

Однажды, погружась в мечтанье,
Сидел он поздною порой;
На темном своде без сиянья
Бесцветный месяц молодой
Стоял, и луч дрожащий, бледный
Лежал на зелени холмов,

И тени шаткие дерев,
Как призраки, на крыше бедной
Черкесской сакли прилегли.
В ней огонек уже зажгли,
Краснея, он, в лампаде медной,
Чуть освещал большой забор...
Все спит: холмы, река и бор.

XIX

Но кто в ночной тени мелькает?
Кто легкой тенью меж кустов
Подходит ближе, чуть ступает,
Все ближе... ближе... через ров
Идет бредучею стопою?..
Вдруг видит он перед собою:
С улыбкой жалости немой
Стоит черкешенка младая!
Дает заботливой рукой
Хлеб и кумыс прохладный свой,
Пред ним колена преклоняя.
И взор ее изобразил
Души порыв, как бы смятенной.
Но пищу принял русский пленный
И знаком ей благодарил.

XX

И долго, долго, как немая,
Стояла дева молодая.
И взгляд как будто говорил:
«Утешь себя, невольник милый;
Еще не все ты погубил».
И вздох нетяжкий, но унылый
В груди раздался молодой;
Потом чрез вал она крутой
Домой пошла тропою мшистой
И скрылась вдруг в дали тенистой,
Как некий призрак гробовой.
И только девы покрывало
Еще очам вдали мелькало,
И долго, долго пленник мой
Смотрел ей вслед — она сокрылась.
Подумал он: но почему
Она к несчастью моему
С такою жалостью склонилась —
Он ночь всю не смыкал очей;
Уснул за час лишь пред зарей.

XXI

Четверту ночь к нему ходила
Она и пищу приносила;
Но пленник часто все молчал,
Словам печальным не внимал;
Ах! сердце, полное волнений,
Чуждалось новых впечатлений;
Он не хотел ее любить.
И что за радости в чужбине,
В его плену, в его судьбине?
Не мог он прежнее забыть...
Хотел он благодарным быть,
Но сердце жаркое терялось
В его страдании немом
И, как в тумане зыбком, в нем
Без отголоска поглощалось!..
Оно и в шуме и в тиши
Тревожит сон его души.

XXII

Всегда он с думою унылой
В ее блистающих очах
Встречает образ вечно милый.
В ее приветливых речах
Знакомые он слышит звуки...
И к призраку стремятся руки;
Он вспомнил все — ее зовет...
Но вдруг очнулся. Ах! несчастный,
В какой он бездне здесь ужасной;
Уж жизнь его не расцветет.
Он гаснет, гаснет, увядает,
Как цвет прекрасный на заре;
Как пламень юный, потухает
На освещенном алтаре!!!

XXIII

Не понял он ее стремленья,
Ее печали и волненья;
Не думал он, чтобы она
Из жалости одной пришла,
Взглянувши на его мученья;
Не думал также, чтоб любовь
Точила сердце в ней и кровь;
И в страшном был недоуменье...

.....

Но в эту ночь ее он ждал...
Настала ночь уж роковая;
И, сон от очей отгоняя,
В пещере пленник мой лежал.

XXIV

Поднялся ветер той порою,
Качал во мраке дерева,
И свист его подобен вою —
Как воеет полночью сова.

Сквозь листья дождик пробирался;
Вдали на тучах гром катался;
Блестящая, молния струей
Пещеру темную озаряла,
Где пленник бедный мой лежал,
Он весь промок и весь дрожал...

.....
Гроза помалу утихала;
Лишь капала вода с деревьев;
Кой-где потоки меж холмов
Струею мутною бежали
И в Терек с брызгами впадали.
Черкесов в темном поле нет...
И тучи врозь уж разбегают,
И кой-где звездочки мелькают;
Проглянет скоро лунный свет.

XXV

И вот над ним луна золотая
На легком облаке всплыла;
И в верх небесного стекла,
По сводам голубым играя,
Блестящий шар свой провела.
Покрылись пеленой серебристой
Холмы, леса и луг с рекой.
Но кто печальною стопой
Идет один тропой гористой?
Она... с кинжалом и пилой;
Зачем же ей кинжал булатный?
Ужель идет на подвиг ратный!
Ужель идет на тайный бой!..
Ах, нет! наполнена волнений,
Печальных дум и размышлений,
К пещере подошла она;
И голос раздался известный;

Очнулся пленник как от сна,
И в глубине пещеры тесной
Садятся... долго они там
Не смели воли дать словам...
Вдруг дева шагом осторожным
К нему, вздохнувши, подошла;
И, руку взяв, с приветом нежным,
С горячим чувством, но мятежным,
Слова печальны начала:

XXVI

«Ах русский! русский! что с тобою!
Почто ты с жалостью немою,
Печален, хладен, молчалив,
На мой отчаянный призыв...
Еще имеешь в свете друга —
Еще не все ты потерял...
Готова я часы досуга
С тобой делить. Но ты сказал,
Что любишь, русский, ты другую.
Ее бежит за мною тень,
И вот об чем, и ночь и день,
Я плачу, вот об чем тоскую!..
Забудь ее, готова я
С тобой бежать на край вселенной!
Забудь ее, люби меня,
Твоей подругой неизменной...»
Но пленник сердца своего
Не мог открыть в тоске глубокой,
И слезы девы черноокой
Души не трогали его...
«Так, русский, ты спасен! но прежде
Скажи мне: жить иль умереть?!!
Скажи, забыть ли о надежде?..
Иль слезы эти утереть?»

XXVII

Тут вдруг поднялся он; блеснули
Его прелестные глаза,
И слезы крупные мелькнули
На них, как светлая роса:
«Ах нет! оставь восторг свой нежный,
Спаси меня не льстись надеждой;
Мне будет гробом эта степь;
Не на остатках, славных, бранных,
Но на костях моих изгнанных
Заржавит тягостная цепь!»

Он замолчал, она рыдала;
Но ободрилась, тихо встала,
Взяла пилу одной рукой,
Кинжал другою подавала.
И вот, под острою пилой
Скрыпит железо; распадает,
Блестя, цепь и чуть звенит.
Она его приподымает;
И так, рыдая, говорит:

XXVIII

«Да!.. пленник... ты меня забудешь...
Прости!.. прости же... *навсегда*;
Прости! *навек!*.. Как счастлив будешь,
Ах!.. вспомни обо мне тогда...
Тогда!.. быть может, уж могилой
Желанной скрыта буду я;
Быть может... скажешь ты уныло:
«Она любила и меня!..»
И девы бледные ланиты,
Почти потухшие глаза,
Смущенный лик, тоской убитый,
Не освежит одна слеза!..
И только рвутся вопли муки...
Она берет его за руки
И в поле темное спешит,
Где через утесы путь лежит.

XXIX

Идут, идут; остановились,
Вздыхнув, назад оборотились;
Но роковой ударил час...
Раздался выстрел — и как раз
Мой пленник падает. Не муку,
Но смерть изображает взор;
Кладет на сердце тихо руку...
Так медленно по скату гор,
На солнце искрами блестя,
Спадает глыба снеговая.
Как вместе с ним поражена,
Без чувства падает она;
Как будто пуля роковая
Одним ударом, в один миг,
Обеих вдруг сразила их.

.....

XXX

Но очи русского смыкает
Уж смерть холодною рукой;
Он вздох последний испускает,
И он уж там — и кровь рекой
Застыла в жилах охладевших;
В его руках оцепеневших
Еще кинжал, блестя, лежит;
В его всех чувствах онемевших
Навеки жизнь уж не горит,
Навеки радость не блестит.

XXXI

Меж тем черкес, с улыбкой злобной,
Выходит из глуши дерев.
И, волку хищному подобный,
Бросает взор... стоит... без слов,
Ногою гордой попирает
Убитого, увидел он,
Что тщетно потерял патрон;
И вновь чрез горы убегает.

XXXII

Но вот она очнулась вдруг;
И ищет пленника очами.
Черкешенка! где, где твой друг...
Его уж нет.
Она слезами
Не может ужас выразить,
Не может крови омыться.
И взор ее как бы безумный
Порыв любви изобразил;
Она страдала. Ветер шумный,
Свистя, покров ее клубил!..
Встает... и скорыми шагами
Пошла с потупленной главой,
Через поляну — за холмами
Сокрылась вдруг в тени ночной.

XXXIII

Она уж к Тереку подходит;
Увы, зачем, зачем она
Так робко взором вокруг обводит,
Ужасной грустию полна?..

И долго на бегущи волны
Она глядит. И взор безмолвный
Блестит звездой в полночной тьме.
Она на каменной скале:
«О, русский! русский!!!» — восклицает.
Плеснули волны при луне,
Об берег брызнули оне!..
И дева с шумом исчезает.
Покров лишь белый выплывает,
Несется по глухим волнам:
Остаток грустный и печальный
Плывет, как саван погребальный,
И скрылся к каменным скалам.

XXXIV

Но кто убийца их жестокой?
Он был с седою бородой;
Не видя девы черноокой,
Сокрылся он в глуши лесной.
Увы! то был отец несчастный!
Быть может, он ее сгубил;
И тот свинец его опасный
Дочь вместе с пленником убил?
Не знает он, она сокрылась,
И с ночи той уж не явилась.
Черкес! где дочь твоя? глядишь,
Но уж ее не возвратишь!!.

XXXV

Поутру труп оледенелый
Нашли на пенистых берегах.
Он хладен был, окостенелый;
Казалось, на ее устах
Остался голос прежней муки;
Казалось, жалостные звуки
Еще не смолкли на губах;
Узнали все. Но поздно было!
— Отец! убийца ты ее;
Где упование твое?
Терзайся век! живи уныло!..
Ее уж нет. И за тобой
Повсюду призрак роковой,
Кто гроб ее тебе укажет?
Беги! ищи ее везде!!!
«Где дочь моя?» — и отзыв скажет:
Где?..

КОРСАР

Поэма

Longtemps il eut le sort prospère
Dans ce métier si dangereux.
Las! il devient trop téméraire
Pour avoir été trop heureux.

La Harpe¹

ЧАСТЬ I

Друзья, взгляните на меня!
Я бледен, худ, потухла радость
В очах моих, как блеск огня;
Моя давно увяла младость,
Давно, давно нет ясных дней,
Давно нет цели упования!..
Исчезло все!.. одни страданья
Еще горят в душе моей.

*

Я не видал своих родимых, —
Чужой семьей воскормлен я;
Один лишь брат был у меня,
Предмет всех радостей любимых.
Его я старе годом был,
Но он равно меня любил,
Равно мы слезы проливали,
Когда все спит во тьме ночной,
Равно мы горе поверяли
Друг другу жаркою душой!..
Нам очарованное счастье
Мелькало редко иногда!..
Увы! — не зрели мы ненастья,
Нам угрожавшего тогда.

*

Мой умер брат! — перед очами
Еще теперь тот страшный час,
Когда в ногах его с слезами
Сидел. Ах! я не зрел ни раз

¹ Долго счастье ему благоприятствовало
В его опасном ремесле.
Увы! он становится слишком дерзким,
Потому что был слишком счастливым.

Лагарп (франц.)

Столь милой смерти хладной муки:
Сложив крестообразно руки,
Несчастный тихо угасал
И бледны впалые ланиты
И смертный взор, тоской убитый,
В подушке бедный сокрывал.
Он умер! — страшным восклицаньем
Сражен я вдруг был с содроганьем,
Но сожаленье, не любовь
Согрели жизнь мою и кровь...

*

С тех пор с обманутой душою
Ко всем я недоверчив стал.
Ах! не под кровлею родною
Я был тогда — и увядал.
Не мог с улыбкою смиренья
С тех пор я все переносить:
Насмешки, гордости презренья...
Я мог лишь пламенной любить.
Самим собою недоволен,
Желая быть спокоен, волен,
Я часто по лесам бродил
И только там душою жил,
Глядел в раздумии глубоко,
Когда на дереве высоком
Певец незримый напевал
Веселье, радость и свободу,
Как нежно вдруг ослабевал.
Как он, треща, свистал, щелкал,
Как по лазоревому своду
На легких крыльях порхал,
И непонятное волнение
В душе я сильно ощущал.
Всегда любя уединенье,
Возненавидя шумный свет,
Узнав неверной жизни цену,
В сердцах людей нашед измену,
Утратив жизни лучший цвет,
Ожесточился я — угрюмой
Душа моя смутилась думой;
Не могли более страдать,
Я вдруг решился убежать.

*

Настала ночь... Я встал печально
С постели, грустью омрачен.

Во всем дому глубокий сон.
Хотелось мне хоть взор прощальный
На место бросить то, где я
Так долго жил в тиши безвестной,
Где жизни тень всегда прелестной
Беспечно встретила меня,
Я взял кинжал; два пистолета
На мне за кожаным ремнем
Звенели. Я страшился света
Луны в безмолвии ночном...

*

Но вихорь сердца молодого
Меня влечил к седым скалам,
Где между берега крутого
Дунай кипел, ревел; и там,
Склонясь на камень головою,
Сидел я, озарен луною...
Ах! как она томна́, бледна́,
Лила лучи свои златые
С небес на рощи бреговые.
Везде знакомые места,
Все мне напоминало младость,
Все говорило мне, что радость
Навеки здесь погребена.
Хотел проститься с той могилой,
Где прах лежал столь сердцу милый.
Перебежавши через ров,
Пошел я тихо по кладбищу,
Душе моей давало пищу
Спокойствие немых гробов.
И долго, долго я в молчанье
Стоял над камнем гробовым...
Казалось, веяло в страданье
Каким-то холодом сырым.

*

Потом... неверными шагами
Я удалился — но за мной,
Казалось, тень везде бежала...
Я ночь провел в глуши лесной;
Заря багряно освещала
Верхи холмов; ночная тень
Уже редела надо мною.
С отягощенною главою
Я там сидел, склонясь на пень...

Но встал, пошел к берегам Дуная,
Который издали ревел,
Я в Грецию идти хотел,
Чтоб турок сабля роковая
Пресекла горестный удел
(В душе сменялося мечтанье).
Ярче дневное сиянье,
И вот Дунай уж предо мной
Синел с обычной красотой.
Как он, прекрасный, величавый,
Играл в прибрежных скалах.
Воспоминанье о делах
Живет здесь, и протекшей славой
Река гордится. Сев на берег,
Я измерял Дуная бег.
Потом бросаюсь в быстры волны,
Они клубятся под рукой
(Я спорил с быстрою рекой),
Но скоро на берег безмолвный
Я вышел. Все в душе моей
Мутилось пеною Дуная;
И бросив взор к стране своей:
«Прости, отчизна золотая! —
Сказал, — быть может, в этот раз
С тобой навеки мне проститься,
Но этот миг, но этот час
Надолго в сердце сохранится!..»
Потом я быстро удалился...

*

Зачем вам сказывать, друзья,
Что было как потом со мною:
Скажу вам только то, что я
Везде с обманутой душою
Бродил один как сирота,
Не смея верить, как прежде,
Все изменяющей надежде;
Мир был чужой мне, жизнь пуста —
Уж я был в Греции прекрасной,
А для души моей несчастной
Ее лишь вид отравой был.
День приходил — день уходил...
Уже с Балканския вершины
Открылись Греции долины,
Уж море синее, блестя
Под солнцем пламенным Востока,
Как шум нагорного потока,

Обрадовало вдруг меня...
Но как спастись нам от рока!
Я здесь нашел, здесь погубил
Почти все то, что я любил.

ЧАСТЬ II

Где Геллеспонт седой, широкий,
Плеская волнами, шумит,
Покрытый лесом, одинокий,
Афос задумчивый стоит.
Венчанный грозными скалами,
Как неприступными стенами
Он окружен. Ни быстрых волн,
Ни свиста ветров не боится.
Беда тому, чей бранный челн
Порывом их к нему домчится.
Его высокое чело
Травой и мохом заросло.
Между стремнин, между кустами,
Изрезан узкими тропами,
С востока ряд зубчатых гор
К подошве тянутся Афоса,
И башни гордые Лемоса
Встречает удивленный взор...
Порою корабли водами
На быстрых белых парусах
Летали между островами
Как бы на лебедя крылах.
Воспоминанье здесь одною
Прошедшей истиной живет.
Там Цареградский путь идет
Чрез поле черной полосой.
(Я шел, не чувствуя себя;
Я был в стремительном волненье,
Увидев, Греция, тебя!)...
Кустарник дикий в отдаленье
Терялся меж угрюмых скал,
Меж скал, где в счастья упоенье
Фракиец храбрый пировал;
Теперь все пусто. Воспоминанье
Почти изгладил ток времен,
И этот край обременен
Под игом варваров. Странанье
Осталось только в той стране,
Где прежде греки воспевали
Их храбрость, вольность; но оне
Той страшной участи не знали,

И дышит все здесь стариной,
Минувшей славой и войной.

*

Когда ж народ ожесточенный
Хватался вдруг за меч военный —
В пещере темной у скалы,
Как будто горние орлы,
Бывало, греки в ночь глухую
Сбирали шайку удалую,
Чтобы на турок нападать,
Пленить, рубить, в морях летать —
И часто барка в тьме у берега
Была готова для побега
От неприятельских полков;
Не страшен был им плеск валов.
И в той пещере отдыхая,
Как часто ночью я сидел,
Вспоминая и мечтая,
Кляня жестокий свой удел,
И что-то новое пылало
В душе неопытной моей,
И сердце новое мечтало
О легком вихре прежних дней.
Желал я быть в боях жестоких,
Желал я плыть в морях широких
(Любить кого, не находил),
Друзья мои, я молод был!
Зачем губить нам нашу младость,
Зачем стареть душой своей,
Прости навек тогда уж радость,
Когда исчезла с юных дней.

*

Нашед корсаров, с ними в море
Хотел я плыть. Ах, думал я,
Война, могила, но не горе,
Быть может, встретят там меня.
Простясь с печальными берегами,
Я с маврским опытным пловцом
Стремил мой <бег> меж островами,
Цветущими над влажным дном
Святого старца океана;
Я видел их — но жребий мой
Где свел нас с буйною толпой,
Там власть дана мне атамана,
И так уж было решено,
Что жизнь и смерть — все за одно!!!

*

Как весело водам предаться,
Друзья мои, в морях летать,
Но должен, должен я признаться,
Что я готов теперь бы дать
Все, что имею, за те годы,
Которые уж я убил
И невозвратно погубил.
Прекрасней были бы мне воды,
Поля, леса, луга, холмы
И все, все прелести природы...
Но! — так себе неверны мы!! —
Живем, томимся и желаем,
А получивши — забываем
О том. Уже предмет другой
Играет в нашем воображенье
И — в непрерывном так томленье
Мы тратим жизнь, о боже мой!

*

Мы часто на берег сходили
И часто по степям бродили,
Где конь арабский вороной
Играл скачками подо мной,
Летая в даль степи широкой,
Уже терялся брег далекой,
И я с веселою толпой
Как в море был в степи сухой.

*

Или в лесу в ночи глубокой,
Когда все спит, то мы одне
При полной в облаках луне
В пещере темной, припевая,
Сидим, и чаша между нас
Идет с весельем круговая;
За нею вслед за часом час,
И светит пламень, чуть блистая,
Треща, синяя и мелькая....

Потом мы часто в корабли
Опять садились, в быстры волны
С отважной дерзостью текли,
Какой-то гордостью полны.
Мы правы были: дом царей
Не так велик, как зыбь морей.

*

Я часто, храбрый, кровожадный,
Носился в бурях боевых;
Но в сердце юном чувств иных
Таился пламень безотрадный.
Чего-то страшного я ждал,
Грустил, томился и желал.
Я слушал песни удалые
Веселой шайки средь морей,
Тогда, вспомнив золотые
Те годы юности моей,
Я слезы лил. Не зная Бога,
Мне жизни дальняя дорога
Была скользка; я был, друзья,
Несчастный прах из бытия.
Как бы сражаясь с судьбою,
Мятежной ярости полна,
Душа, терзанью предана,
Живет утратою самою.
Узнав лишь тень утраты сей,
Я ждал ее еще мятежней,
Еще печальней, безнадежней,
Как лишь начало страшных дней,
Опять пред мной все исчезало,
Как свет пред тению ночной,
И сердце тяжело изнывало,
Исчез и кроткий мой покой,
Исчезло милое волнение
И благородное стремление
И чувств и мыслей молодых,
Высоких, нежных, удалых.

ЧАСТЬ III

Однажды в ночь сошлись тучи,
Катился гром издалека
И гнал, стоная, вихрь летучий
Порывом бурным облака.
Надулись волны, море плещет,
И молния во мраке блещет.
Но наших храбрых удалцов
Ничто б тогда не испугало,
И море синее стонало
От резких корабля следов.
Шипящей пеною белеет
Корабль. Вдруг рвется к небесам
Волна, качается, чернеет
И возвращается волнам.

Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей
С пределами небес сражалось,
Земля стонала от зыбей,
Что вихри в вихри ударялись,
И тучи с тучами слетались,
И устремлялся гром на гром,
И море билось с влажным дном,
И черна бездна загоралась
Открытой бездною громов,
И наше судно воздымалось
То вдруг до тяжких облаков,
То вдруг, треща, вниз опускалось.
Но храбрость я не потерял.
На палубе с моей толпою
Я часто гибель возвещал
Одною пушкой вестовою.
Мы скоро справились! Кругом
Лишь дождь шумел, ревел лишь гром
Вдруг слышен выстрел отдаленный.
Блеснул фонарь как бы зажженный
На мачте в мрачной глубине...
И скрылся он в туманной мгле,
И небо страшно разразилось
И блеском молний озарилось,
И мы узрели: быстро к нам
Неслося греческое судно.
Все различить мне было трудно.
Предавшихся глухим волнам, —
Они на помощь призывали,
Но ветры вопли заглушали.
«Скорей ладью, спасите их!» —
Раздался голос в этот миг.
О камень судно ударяет,
Трещит и с шумом утопает.

*

Но мы иных еще спасли,
К себе в корабль перенесли.
Они без чувств, водой покрыты,
Лежали все как бы убиты;
И ветер буйный утихал,
И гром почаще умолкал,
Лишь изредка волна вздымалась.
Как бы гора, и опускалась.

.....
.....

Все смолкло! Вдруг корабль волной
Был брошен к мели береговой.

Хотел я видеть мной спасенных,
И к ним поутру я взшел.
Тогда на тучах озлащенных
Вскатилось солнце. Я узрел,
Увы, гречанку молодую.
Она почти без чувств, бледна,
Склонившись на руку главою,
Сидела, и с тех пор она
Доныне в памяти глубоко...
Она из стороны далекой
Была сюда привезена.
Свою весну, златые лета
Вспоминала. Томный взор
Чернее тьмы, ярче света
Глядел, казалось, с давних пор
На небо. Там звезда, блистая,
Давала ей о чем-то весть
(О том, друзья, что в сердце есть).
Звезду затмила туча злая,
Звезда померкла, и она
С тех пор печальна и грустна.
С тех пор, друзья, и я стенаю,
Моя тем участь решена,
С тех пор покоя я не знаю,
Но с тех же пор я омертвел,
Для нежных чувств окаменел.

ПРЕСТУПНИК

Повесть

«Скажи нам, атаман честной,
 Как жил ты в стороне родной,
 Чай, прежний жар в тебе и ныне
 Не остывает от годов.
 Здесь под дубочком ты в пустыне
 Потетишь добрых молодцов!»

«Отец мой, век свой доживая,
 Был на второй жене женат;
 Она красотка молодая,
 Он был и знатен и богат...
 Перетерпевши лет удары,
 Когда захочет сокол старый
 Подругу молодую взять,
 Так он не думает, не чует,
 Что после будет проклинать.
 Он все голубит, все милует;
 К нему ласкается она,
 Его хранит в минуту сна.
 Но вдруг увидела другого,
 Не старого, а молодого.
 Лишь первая приходит ночь,
 Она без всякого зазренья
 Клевком лишит супруга зренья
 И от гнезда уж мчится прочь!

.....

Пиры, веселья забывая,
 И златоструйное вино,
 И дом, где, чашу наполняя,
 Палило кровь мою оно,
 Как часто я чело покоил
 В коленях мачехи моей
 И с нею вместе козни строил
 Против отца, среди ночей.
 Ее пронзительных лобзаний
 Огонь впивал я в грудь свою.

Я помню ночь страстей, желаний,
Мольбы, угроз и заклинаний,
Но слезы злобы только лью!..
Бог весть: меня она любила,
Иль это был притворный жар?
И мысль печально утаила,
Чтобы верней свершить удар?
Иль мнила, что она любима,
Порочной страстию дыша?
Кто знает: женская душа,
Как океан, неисследима!..

И дни летели. Час настал!
Уж греховодник в дни молодые,
Я, как пред казнию, дрожал.
Гремят проклятья роковые.
Я принужден, как некий тать,
Из дому отчего бежать.
О, сколько мук! потеря чести!
Любовь, и стыд, и нищета!
Вражда непримиримой мести
И гнев отца!.. за ворота
Бежал <я> сирий, одинокий,
И, обратившись, бросил взор
С проклятием на дом высокий,
На тот пустой, унылый двор,
На пруд заглохший, сад широкий!..
В безумье мрачном и немом
Желал, чтоб сжег небесный гром
И стол, за коим я с друзьями
Пил чашу радости и нег,
И речки безыменной брег,
Всегда покрытый табунами,
Где принял *он* удар свинца,
И возвышенные стремнины,
И те коварные седины
Неумолимого отца;
И очи, очи неземные,
И грудь, и плечи молодые,
И сладость тайную отрад,
И уст неизлечимый яд;
И ту зеленую аллею,
Где я в лобзаньях утопал;
И ложе то, где я... и с нею,
И с этой мачехой лежал!..

В лесах, изгнанник своевольный,
Двумя жидами принят я:
Один властями недовольный,
Купец, обманщик и судья;

Другой служитель Аарона,
Ревнитель древнего закона;
Алмазы прежде продавал,
Как я, изгнанник, беден стал.
Как я, искал по миру счастья,
Бродяга пасмурный, скупой
На деньги, на удар лихой,
На поцелуи сладострастья.
Но скрытен, недоверчив, глух
Для всяких просьб, как адский дух!..

Придет ли ночи мрак печальный,
Идем к дороге столбовой;
Там из страны проезжий дальний
Летит на тройке почтовой.
Раздастся выстрел. С быстротой
Свинец промчался непомерной.
Удар губительный и верный!..
С обезображенным лицом
Упал ящик! Помчались кони!..
И редко лишь удар погони
Их не застигнет за леском.
Раз — подозрительна, бледна,
Катилась на небе луна.
Вблизи дороги, перед нами,
Лежал застреленный прошлец;
О, как ужасен был мертвец,
С окровавленными глазами!
Смотрю... лицо знакомо мне —
Кого ж при трепетной луне
Я узнаю?... Великий Боже!
Я узнаю его... кого же?
Кто сей погубленный прошлец?
Кому же роется могила?
На чьих седирах кровь застыла?
О!.. други!..

 Это мой отец!..
Я ослабел, упал на землю;
Когда ж потом очнулся, внемлю:
Стучат... Жидовский разговор.
Гляжу: сырой еще бугор,
Над ним лежит топор с лопатой,
И конь привязан под дубком,
И два жида считают золото
Перед разложенным костром!..
.....
.....

Промчались дни. На дно речное
Один товарищ мой нырнул.

С тех пор, как этот утонул,
Пошло житье-бытье плохое:
Приему не было в корчмах,
Жить было негде. Отовсюду
Гоняли наглого Иуду.
В далеких дебрях и лесах
Мы укрывались. Без страха
Не мог я спать, мечтались мне:
Остроги, пытки в черном сне,
То петля гладная, то плаха!..

Исчезли средства прокормленья,
Одно осталось: зажигать
Дома господские, селенья
И в суматохе пировать.
В заре снедающих пожаров
И дом родимый запылал;
Я весь горел и трепетал,
Как в шуме громовых ударов!
Вдруг вижу, раздраженный жид
Младую женщину тащит.
Ее ланиты обгорели
И шелк каштановых волос;
И очи полны, полны слез
На похитителя смотрели.
Я не слышал его угроз,
Я не слышал ее молений;
И уж в груди ее торчал —
Кинжал, друзья мои, кинжал!..
Увы! дрожат ее колени,
Она бледнее стала тени,
И перси кровью облились,
И недосказанные пени
С уст посинелых пронеслись.

Пришло Иуде наказанье:
Он в ту же самую весну
Повешен мною на сосну,
На пищу вранам. Состраданья
Последний год меня лишил.
Когда ж я снова посетил
Родные, мрачные стремнины,
Леса, и речки, и долины,
Столь крепко ведомые мне,
То я увидел на сосне:
Висит скелет полуистлевший,
Из глаз посыпался песок,
И коршун, тут же отлетевший,
Тащил руки его кусок...

*

Бегут года, умчалась младость —
Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчит в груди моей
Порыв болезненных страстей.
Одни холодные остатки:
Несчастной жизни отпечатки,
Любовь к свободе золотой,
Мне сохранил мой жребий чудный.
Старик преступный, безрассудный,
Я всем далек, я всем чужой.
Но жар подавленный очнется,
Когда за волюшку мою
В кругу удалых приведется,
Что чашу полную налью,
Поминки юности забвенной
Прославлю я и шум крамол;
И нож мой, нож окровавленный
Воткну, смеясь, в дубовый стол!..»

ОЛЕГ

<I>

1

Во мгле языческой дубравы
В года забытой старины
Когда-то жертвенник кровавый
Дымился божеству войны.
Там возносился дуб высокой,
Священный древностью глубокой.
Как неподвижный царь лесов.
Чело до самых облаков
Он подымал. На нем висели
Кольчуги, сабли и щиты,
Вокруг сожженные кусты
И черепа убитых тлели...
И песня Лады никогда
Не приносилася сюда!..

2

Поставлен веры теплым чувством,
Блестел кумир в тени ветвей,
И лик, расписанный искусством,
Был смыт усилием дождей.
Вдали лесистые равнины
И неприступные вершины

Гранитных скал туман одел,
И Волхов за лесом шумел.
Склонен неволью к удивленью,
Пришелец чуждый, в наши дни
Не презирай сих мест: они
Знакомы были вдохновенью!..
И скальдов северных не раз
Здесь раздавался смелый глас...

<II>

Утихло озеро. С стремниной
Молчат туманные скалы,
И вьются дикие орлы,
Крича над зеркальной пучиной.
Уж челнока с давнишних пор
Волна глухая не лелеет,
Кольцом вокруг угрюмый бор,
Подняв вершины, зеленеет,
Скрываясь за хребтами гор.

Давно ни пес, ни всадник смелый
Страны глухой и опустелой
Не посещал. Окрестный зверь
Забыл знакомый шум ловитвы.
Но кто и для какой молитвы
На берегу стоит теперь?..
С какую здесь он мыслью странной?
С мечом, в кольчуге, за спиной
Колчан и лук. Шишак стальной
Блестит насечкой иностранной...
Он тихо красный плащ рукой —
На землю бросил, не спуская
Недвижных с озера очей,
И кольца русые кудрей
Бегут, на плечи ниспадая.
В герою повести моей
Следы являлись кратких дней,
Но не приметно впечатлений:
Ни удовольствий, ни волнений,
Ни упоительных страстей.

И став у пеннистого берега,
Он к духу озера воззвал:
«Стрибог! я вновь к тебе предстал;
Не мог ты позабыть Олега.
Он приносил к тебе врагов,
Сверша опасные набеги.
Он в честь тебе их пролил кровь.

И тот опять средь сих лесов,
Пред кем дрожали печенег.
Как в день разлуки роковой,
Явись опять передо мной!»

И шумно взволновались воды,
Растут свинцовые валы,
Как в час суровой непогоды,
Покрылись пеною скалы.
Восстал в середине столб туманный...
Тихонько вид меняя странный,
Ясней, ясней, ясней... и вот
Стрибог по озеру идет.
Глаза открытые сияли,
Подъялась влажная рука,
И мокрые волосы бежали
По голым персям старика.

<III>

Ах, было время, время боев
На милой нашей стороне.
Где ж те года? прошли оне
С мгновенной славою героев.
Но тени сильных я видал
И громкий голос их слышал:
В часы суровой непогоды,
Когда, бушуя, плещут воды,
И вихрь, клубя седую пыль,
Волнует по полям ковыль,
Они на темно-сизых тучах
Разнообразною толпой
Летят. Щиты в руках могучих,
Их тешит бурь знакомый вой.
Сплетаясь цепию воздушной,
Они вступают в грозный бой.
Я зрел их смутною душой,
Я им внимал равнодушно.
На мне была тоски печать,
Бездействием терзалась совесть,
И я решился начертать
Времен былых простую повесть.

Жил-был когда-то князь Олег,
Владелец русского народа,
Варяг, боец (тогда свобода
Не начинала свой побег).
Его рушительный набег
Почти от Пскова до Онеги
Поля и веси покорил...

Он всем соседям страшен был:
Пред ним дрожали печенеги,
С ним от Каспийских берегов
Казары дружества искали,
Его дружины побеждали
Свирепых жителей дубров;
И он искал на греков мести,
Презреньем гордых раздражен...
Царь Византии был смущен
Молвой ужасной этой вести...
Но что замедлил князь Олег
Свой разрушительный набег?..

ДВА БРАТА

Поэма

«Ах, брат! ах, брат! стыдись, мой брат!
Обеты теплые с мольбами
Забыл ли? Год тому назад
Мы были нежными друзьями...
Ты помнишь, помнишь, верно, бой,
Когда рубились мы с тобой
Против врагов родного края
Или, заботы удаляя,
С новорожденною зарей
Встречали вместе праздник Лады.
И что ж? волнение досады,
Неугомонная вражда
Нас разделили навсегда!..»
«Не называй меня как прежде
В благополучные года.
В те дни, как верил я надежде,
Любви и дружбе... Я знал
Волненья сердца дорогие
И очи, очи голубые...
Я сердцем девы обладал:
Ты у меня его украл!..
Ты завладел моей прекрасной,
Ее любовью и красотой,
Ты обманул меня... ужасно!
И посмеялся надо мной».

Умолкли. Но еще стоят,
В душе терзаемы враждою.
На каждом светлые блеснят
Мечи с насечкой золотою,
На каждом панцирь и шелом,
Орлиным осенен крылом.

Все пусто вокруг в дали туманной.
Пред ними жертвенник. На нем
Кумир белеет деревянный.
И только плющ, виясь, молодой
Лелеет жертвенник простой.
Они колена преклонили,
Взаимной злобой поклялись.
Вот на коней своих вскочили
И врозь стрелую понеслись.

Давно ль? давно ли друг без друга
Их край родимый не видал?
Давно ль, когда один страдал
В изнеможении недуга,
Другой прикованный стоял
Нежнейшей дружбой к изголовью?
Вдруг, горьким мщением дыша,
Кипят! Надменная душа
Чем раздражилася? — любовью!
Аскар, добычу бранных сил,
Финляндку юную любил.
Она лила в неволе слезы
И помнила средь грустных дней
Скалы Финляндии своей.

Скалы Финляндии пустой,
Озер стеклянные заливы
И бор печальный и глухой,
Как милы вы, как вы счастливы
Своею дикой красотой...
Дымятся низкие долины,
Где кучи хижин небольших
С дворами грязными. Вкруг их
Растут кудрявые рябины,
На высотах чернеют пни
Иль стебли обгорелых сосен.
В стране той кратки дни весны
И продолжительная осень...

ДРАМЫ И ТРАГЕДИИ

ИСПАНЦЫ

Трагедия в пяти действиях

ПОСВЯЩЕНИЕ

Не отвергай мой слабый дар,
Хоть здесь я выразил небрежно
Души непобедимый жар
И дикой страсти пыл мятежной.

Нет! не для света я писал —
Он чужд восторгам вдохновенья;
Нет! не ему я обещал
Свои любимые творенья.

Я знаю: все равно ему,
Душе ль, исполненной печали,
Или веселому уму
Живые струны отвечали.

Но ты меня понять могла;
Страдальца ты не осмеяла,
Ты с беспокойного чела
Морщины ранние сгоняла:

Так над гробницею стоит
Береза юная, склоняя
С участием ветки на гранит,
Когда ревет гроза ночная!..

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Алварец, дворянин испанский.

Эмилия, дочь его.

Донна Мария, мачеха ее.

Фернандо, молодой испанец, воспитанный Алварецом.

Патер Соррини, итальянец-иезуит, служащий при инквизиции.

Доминиканец, приятель Соррини.

Моисей, еврей.

Ноэми, дочь его.

Сара, старая еврейка.

Испанцы, бродяги, подкупленные Сорринием.

Жиды и жидовки.

Служители инквизиции.

Слуги Алварца, слуги Сорриния, народ, гробовщики.

Действие происходит в Кастилии

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена I

Комната у Алвареца. Стол. Портреты на стенах и зеркало на стене.
Донна Мария сидит на креслах. Эмилия стоит и перебирает четки.

Донна Мария

Да, с этих пор тебе я запрещаю
С Фернандо говорить, во-первых, он
Неблагородный. Оттого мой муж
Тебе с ним не позволит съединиться
Супружеством; и я в том настою!

Эмилия

Поверьте, благородство не в бумагах,
А в сердце.

Донна Мария

Так, уж верно от него
Ты этого наслушалась. Прекрасно!..

Эмилия

Немудрено, что мне Фернандо много
Прекрасных чувств помог узнать. Когда
Еще я забавлялась куклой, он,
Безвестный сирота, был взят моим отцом;
И с этих пор я под одной с ним кровлей
Жила как с братом — и бывало,
Вдвоем гуляли мы в горах кастильских,
Он был подпора и вожатый мне;
И не было на тех вершинах розы,
Которой для меня не мог бы он достать.

Донна Мария в рассеянье как бы поправляет что-нибудь в своем одеянье — и не слушает.

Однажды мы до ночи заходились:
Душистый ветерок свежее становился,
И месяц по небу катился.
Пред нами быстрый был поток; Фернандо,
Чтоб перенести, взял на руки меня;
Мы перешли, но я все оставалась
В его объятьях. Вдруг, я помню,
Он странным голосом спросил меня:
«Эмилия меня не любит?» — Нет! люблю! —
Сказала я, и уж с того мгновенья
Люблю его нежней всего на свете!..

Донна Мария

Вот это именно меня и заставляет
Тебе советовать не говорить с ним.
Тебе я заменяю мать, могу,
И мне дано от Алвареца право,
Смотреть как можно строго за тобою.
И ты женой Фернандо быть не мысли.

Эмилия

А может быть, гаданья ваши ложны.

Донна Мария

Поверь, тебя я не глупее, потому,
Что уж за третьим мужем, опытность
Рассудок заменяет, знаю, как
Несчастливы супружества, когда
Муж и жена не равны состояньем.

Эмилия

Неужели умершие мужья
Рассудку придают?..

Донна Мария (*будто не слыжав*)

Звонят к обедне!

Эмилия

Звонят! (*В сторону.*) а он все не приходит.

Донна Мария

Взяла ли ты молитвенную книжку?..

Эмилия

Ах! позабыла,
(*берет со стола*)
о! как долго!..

Фернандо входит. Донна Мария не видит его, выходит в дверь. Эмилия из-под мантильи, следуя за мачехой, роняет записку. Фернандо, глядевший вслед за нею, подымает.

Фернандо (*открывает*)

«Я знаю, что батюшка слышал об нашей любви и о твоём намерении жениться на мне. Он тебе, верно, станет говорить об этом. Ради бога, не горячись с ним: иначе мы никогда не будем счастливы».

Ты много требуешь, Эмилия!

Молчание.

Кто б мог подумать, что такой глупец,
Такой бесчувственный... чудна природа!..
И это милое, небесное создание.
Эмилия!.. нет, нет! она не дочь его.
Мне скажут: благодарность! — благодарность!..
За что? — за то ль, что каждый день
Я чувствовать был должен, что рожден
Я в низком состоянье, что обязан
Всем, всем тому, кого душою выше,
За то ли, что ломоть вседневный хлеба,
Меня питавший, должен был упреком
Кольнуть мое встревоженное сердце?..
За это благодарность от меня?
О, лучше бы от голода погибнуть,
Чем выносить такие укоризны!..

И как он мог узнать мои желанья! странно!..
Но что ни будь, а даже для нее
Малейшей не стерплю опять обиды! полно!
Любовь возьмет свое... но не теперь...

Алварец входит тихими шагами и садится в кресла.

Фернандо

Какой же гордый вид, как будто в нем
Соединились все души предков;
(обращаясь к портретам)
О вы! вы, образы людей великих
Своею мудростью и силой,
Скажите мне, ужель гниющие,
Немых гробов бесчувственные жертвы
Отнимут у меня мою Эмилию?..
Смешно! — я не могу себе представить,
Чтоб мертвые имели предрассудки!..

Алварец

Фернандо! до меня доходят слухи,
Что ищешь ты войти в мое семейство!..
Безумец ты! — клянусь Святою Девой! —
И мысль одна, мой милый, быть мне зятем
Должна казаться смертною обидой.

Фернандо

Желательно, чтобы моя обида
Могла вам заплатить за ваши...

Алварец

Мои обиды!.. слушай же, глупец,
Что я скажу тебе, да со вниманьем.

Фернандо (*насмешливо*)

Как счастлив тот, кто может, оказав
Добро один раз в жизни человеку,
Бранить его глупцом сто раз — и каждый день!

Алварец

Узнать ты должен, наконец,
Кто ты! — доселе содержал я
Тебя почти совсем как бы родного.
Но с этих пор переменялось все!
Я повторю тебе, как ты попал сюда:
С слугой однажды шел я из Бургоса
(Тогда еще я только что женился).
Уж смерклось, и сырой туман покрыл
Вершины гор. Иду через кладбище,
Среди которого стояла церковь
Забтая, с худыми окнами.
Мы слышим детский плач — и на крыльце
Находим бедного ребенка — то был ты;
Я взял тебя, принес домой — и воспитал.

(Насмешливо.)

Но для чего тебя там положили,
И кто родители твои — бог знает!
А я так не хочу и знать: да, да!

Фернандо (*пораженный*) (*про себя*)

Так, так, совсем, совсем забытый сирота!..
В великом божьем мире ни одной
Ты не найдешь души себе родной!..
Питался я не материнской грудью
И не спал на ее коленях. Чуждый голос
Учил меня родному языку
И пел над колыбелию моей.

Молчание.

Ходит взад и вперед. Потом опять приходит в спокойное положение.

Алварец

О чем печален! — точно вот как было.
Возможно ли тебе теперь жениться
На дочери моей? что после скажут
Другие благородные испанцы?

Фернандо

Поговорят — и замолчат.

Алварец

Не замолчат, не слыхано у нас,
Чтобы на улице найденный человек
С семейством очень древним, благородным
Мог сблизиться.

Фернандо

Сказать вам отчего?
Бояться эти люди, чтоб тогда
Их равенство скорей не увидали...

Алварец подходит к портретам.

Алварец

Вот этот, здесь, мой первый предок, жил
При Карле первом, при дворе, в благоволенье
У короля — второй при инквизиции
Священной был не в малых людях;
Вот тут написано, что сделал он:
Три тысячи неверных сжег и триста
В различных наказаниях замучил.

Фернандо *(насмешливо)*

О, этот был без спору муж святой;
Конечно, он причислен к лику?

Алварец *(равнодушно)*

Нет еще!..
Вот третий здесь в военном одеянье,
С пером на шляпе красным и с усами:
Вторым служил на флоте он — и утонул
В сраженье против англичан проклятых.
Еще ж пятнадцать прадедов моих ты видишь
(Дай бог, чтоб и меня сюда вписали

И род наш до трубы последней продолжился);
И — ты — ты захотел вступить в число их?
Где, где твои родители, бродящие
По свету негодяи — подлые... или...
Несчастливые любовники, или какие
Нибудь еще похуже... дерзкий! что ты скажешь?
Когда пергамента свои покажешь
И явишь все, тогда я замолчу.

Фернандо

О, если б только я хотел молчать
Заставить вас (*трогая шпагу*), то без пергаментов
Я б это мог.

Алварец

Уж слишком ты забылся,
Бродяга! покажи ж сейчас,
Как ты меня молчать заставишь: а не то
Велю тебя прибить, и это верно,
Как то, что папа есть апостолов наместник!
Как ты меня молчать заставишь?
Бедняга, плут, найденыш!.. ты не помнишь,
Что я, испанский дворянин, могу
Тебя суду предать за эту
Обиду (*топнув*), видишь ты перед собою
Изображения отцов моих?
Кто ж твой отец? кто мать твоя,
Которая оставила мальчишку
У ветхой церкви? — Верно уж, жидовка;
А с христианкой быть сего не может:
Итак, смирись, жидовское отродье,
Чтоб я тебя из жалости простил!..

Фернандо (*в беспокойстве*)

Послушай, Алварец! теперь — теперь я
Ничем тебе не должен! — Алварец,
Ни благодарности, ни уваженья
Не требуй от меня, — кровь благородная
Текла поныне в жилах этих;

Минута молчания.

Вот эта шпага, если хочешь знать,
Она тебя молчать заставит.

Алварец

Вон! вон скорей из дома моего,
 Чтоб никогда ни сам, ни дочь моя
 Тебя близ этих мест не увидали.
 Но если ж ты замыслишь потихоньку
 Видаться с нею, то клянусь Мадритом,
 Клянусь портретами отцов моих,
 Заплотишь кровью мне.

Фернандо

Ты можешь кровь мою
 Испить до капли, всю; но честь... но честь
 Отнять не в силах, Алварец!

Алварец

Вон! вон, глупец! Когда ты хлеба
 Иметь не будешь — к моему окошку
 Не подходи, а то велю прогнать.
(В сторону.)
 Каков же негодяй Фернандо стал!..

Фернандо

О! ад и небо!.. ну прощай!..
 Но бойся, если я решусь на что-нибудь!..

Убегает в бешенстве и сталкивается в дверях с патером Сорринием, которого не замечает. Соррини на минуту поражен, но, наконец, сгибает спину и с поклоном входит. Алварец идет радостно иезуиту навстречу.

Алварец

А! добрый день отцу Сорринию!
(Он его сначала в беспокойстве не заметил.)
 Как поживаете, святой служитель божий?

Соррини *(кланяясь, с притворством глаза к небу)*

Помилуйте, я лишь смиренный раб его
 И ваш слуга покорнейший.
 Да что у вас за шум в доме случился?
 Как бешеный тут кто-то пробежал
 И даже мне не поклонился.

Алварец

Да, я теперь лишь из дому прогнал
 Питомца своего: давно пора уж было.

Соррини

И я давно уже заметил это;
Но не хотел лишь беспокоить вас...
Повеса он большой и пылкий малый,
С мечтательной и буйной головой.
Такие люди не служить родились,
Но всем другим приказывать.
Не то, что мы: которые должны
Склоняться ежедневно в прахе,
Чтоб чувствовать ничтожество свое,
Стараясь добрыми делами
Купить себе прощенье за грехи.
А что он сделал, должно ли мне знать?
Быть может, против церкви или короля —
Так мне не худо знать...

Алварец

Бедняга этот...

Соррини

Бедняга?

Алварец

Как же! я его нашел
Ребенком, брошенным на улице.

Соррини

Таким бы людям надобно прощать,
Они наказаны уж Богом.

Алварец

Как прощать?
Да я вам расскажу, что сделал он.

Соррини (*в сторону*)

Как жалко, что его карманы пусты;
А то набил бы я свои потуже.
Так в мире все из рук в другие переходит.

Алварец (*с таинственным видом*)

Когда он был еще ребенком, позволяя
Ему я с дочерью моей играть;

Они играли — да играли — я не думал,
Что выдет что-нибудь из этого худое.
Бывало, спросишь: «Что вы, дети?» — «Мы играем». —
«Во что?» — «В любовь!» — и нежно целовались,
Как горлицы. Фернандо, став постарше,
Уж понял, что нейдет так вольно обращаться,
И начал думать, как бы продолжать
Игру когда-нибудь, — из слов его я видел
Нередко, что желал бы он жениться
На дочери моей. Как я взбесился,
Вы можете понять, отец Соррини!..
С тех пор я стал с ним груб, суров, хоть против воли;
Как вы ни говорите, взял его
Еще ребенком я под эту крышу;
Он жил со мною двадцать лет;
Был будто первенцом моим... недавно
Я вновь хотел с ним показаться нежным —
Как вдруг узнал я от жены моей,
Что хочет у меня просить Фернандо
Эмилию в замужство... ну ж, меня
Вы знаете, — хоть сед — но как взбешусь...
Ну!.. я и уговаривал его;
И представлял все важные причины, —
Он много мне грубил — и я решился
Прогнать его из дома наконец.
И не увидит христианская душа
Его ноги в дверях моих. В том я уверен!..

Соррини

Хм! хм! что ж ваша дочь?

Алварец

Не знаю. У обедни
Она теперь сидит с моей женою
И, верно, молится о нем. Да как вы
Мальчишке этому дорогу уступили,
Когда не поклонился даже он?..
Как вы его не удержали тотчас,
Чтоб должного потребовать почтенья?

Соррини

Слепым дорогу должно очищать!

Алварец

Слепым? да он глядел ведь в оба глаза.

Соррини (*с презрительной улыбкой*)

Конечно, вы не поняли меня:
Покуда ни одной сединки не видать
На голове, пока огнем живым,
Как розами, красуются ланиты,
Пока глаза во лбу не потускнели,
Пока трепещет сердце от всего,
От радости, печали, ревности, любви,
Надежды, — и пока все это
Не пронеслось — и навсегда, — есть страсти, страсти
Ужасные; как тучею, они
Взор человека покрывают, их гроза
Свирепствует в душе несчастной — и она
Достойна сожаления бесспорно.
Такие люди слепы; ваш Фернандо
Из их числа. Так что ж мне было делать?
Я должен был дорогу уступить,
Совсем не оттого, чтоб я боялся...
А... без причин с опасностью спорить
Нейдет ни званью моему, ни чину;
Вы согласитесь,

(показывая на крест)

Этот крест смиренью учит
Меня. Тот, кто на нем был распят,
Моим примером должен быть — и я
Как мог свою обязанность исполнил!..

Слуга Сорриния входит с письмом и отдает его своему господину.

Слуга

Отец Соррини! вот письмо от бедной.
Лишь только вы ушли, она явилась в дом наш.

Соррини

Да от кого письмо, — какая крайность?

Слуга

От бедной женщины, которую прогнали
Намедни вы...

Соррини (*прерывает его*)

И нынче приходите велел.

Слуга

О господин мой, как она жалка;
 Я, слыша речь ее, расплакался.
 Шесть, семь ребят в лохмотьях,
 Лежащих на соломе без кусочка хлеба
 Насущного. Как я вообразил их крик:
 «Мать! дай нам хлеба, — хлеба... мать! — дай хлеба!»
 Признаться, сердце сжалось у меня.

Соррини

Молчи, молчи — не то и я заплачу!..
 О боже мой, пошли благословенье
 На бедную, забытую семью.
 Услыши недостойного молитву.

(Слуге громко.)

Дай пять серебряных монет — да от меня —

Слуга смотрит на него. Соррини подходит и говорит тихо.

Ступай; дай ей одну!..

Слуга

Да сжальтесь!..

Соррини *(топнув, громко)*

Как? много?

Добра не делаем мы никогда довольню...

Слуга в смущении уходит.

Алварец

Я удивляюсь вам, святой отец.

Соррини

Ах, замолчите — я молю вас — слышать страшно...
 Я самый-самый бедный грешник.

Алварец *(глядит в окно)*

Вот и жена моя идет из церкви,
 А с ней Эмилия с своими четками.

Соррини *(в сторону)*

Идет прелестная! пусть бережется; если
 Заронит искру пламя в эту грудь,

Оледеневшую от лет... то нелегко
Она избегнет рук моих — мне трудно
Носить поныне маску — и что ж делать?
Того уж требует мой сан. Ха! ха! ха! ха!..

Эмилия и донна Мария входят.

Как счастлив я, что вижу, наконец,
Прелестную Марию — и тебя,
Невинную Эмилию. О! Алварец!
Не должен тот роптать на провиденье,
Кто обладает этими дарами неба,
Хотя бы крыши не было от солнца
Их защитить.

Алварец

Эмилия, поди сюда.
Я объявил отцу Сорринию,
Что влюблена ты.

Эмилия (*покраснев*)

Батюшка!

Алварец

Молчи.

Отец святой тебя наставить хочет
В том, как вредна любовь, — а ты,
Ты слушай со вниманьем — чтоб ни слова
Не кинул он на воздух — сердце
Твое запутано; не знаешь ты,
Чего ты хочешь — он тебе откроет
Опасность страшную любви.

Соррини

Да, если мне позволил ваш родитель,
То я готов неопытность ввести
На лучший путь. Там нет цветов,
Там терния, но цель, к которой мы
Приходим, веселит нас — а бывшее
Печально или весело, смотря по тем
Мгновениям, когда о нем воспоминаешь.
Итак, всего важней последствие;
Коль к доброму концу деянья наши,
То способы всегда уж хороши,
Какие б ни были — страшись Фернанда!
Он льстит тебе, обманет — или,

Положим, на тебе он женится, —
Но это для того, чтоб быть богаче.

А л в а р е ц

Да этого не будет никогда;
Скорей все мертвые воскреснут.

С о р р и н и

Не говорите этого — бывают
Такие случаи. Но вас, Эмилия,
Прошу бояться пламенной любви.
Быть может, притворяется Фернандо?
Послушайте, я расскажу вам случай,
Которому свидетель был в Мадрите,
При инквизиции святой.
У девушки одной любовник был,
Красивый, молодой и умный малый,
И, так сказать, на все удалый.
И он красавицу мою любил,
И очень долго это продолжалось;
Как, наконец, заметила она,
Что, от нее без грусти удаляясь
Под разными предлогами, не стал
Он находить веселья в разговоре нежном,
Что к ней он вовсе охладел,
Что не дивился уж красе ее наряда
И призывающего взгляда
Он понимать уж не умел.
Как женщине все это не заметить,
Когда вся жизнь ее в том только состоит?..
Вот ревность в грудь ее, как червь, закралась
И долго сердце горькое точила...
Ну, просто без обиняков скажу,
Она любимца отравила,
И он скончался в двое суток,
Но так как бедный сей испанец
Служил при инквизиции писцом,
То в дело все вошли по праву мщенья:
Преступницу наказывали долго,
Именье в пользу церкви обратив, —
И наконец замучили до смерти!

Все содрогаются.

Вот следствия любви!.. страшись, Эмилия.
На мячик сердце в нас походит, положи
Ты на крутой горе его тихонько,
И он не тронется — но раз толкнув,

За ним хоть бросишься, но не догонишь.
Не так ли говорю я?

Алварец

Точно так.
Вы совершенно справедливо поступили
С несчастною преступницей! — как? отравить
Служителя священной инквизиции?
Она мученья смерти заслужила.

Соррини

Нет! я совсем не говорю сего.
(Кидая взор на Эмилию.)
Я слишком жалостлив, — насильно
Меня заставили бумагу подписать;
Все члены у меня, хладея, трепетали,
И осуждал мой ум, что пальцы написали!..
Но такова судьба судей земных!
Все люди мы; и ослепление страсти,
Безумное волнение души должны мы
Прощать, когда мы излечить не в силах.

Донна Мария

Ах! я и прежде так судила.

Алварец

И в самом деле правда это!

Соррини *(радостно в сторону)*

Они меня боятся!

Эмилия

Позволь тебя спросить мне, батюшка,
К чему все это клонится.

Алварец

К тому,
Что не должна ты плакать и крушиться
Об том, что более Фернандо не увидишь —
Он нагрубил мне нынче. И навеки
Его из дому я прогнал.
Не смей с ним видаться тихонько; иначе
Страшися оскорбленного отца...

Прощаю я твою любовь, как бы порок,
В котором ты исправилась. Надеюсь,
Что это будет так по крайней мере.

Соррини

Утешьтесь, нежная Эмилия!
Любовь пройдет, самим вам будет легче.

Эмилия *(сквозь слезы)*

Довольно и того, что сделали;
Но для чего смеяться надо мной?..
(Плачет.)

Эмилия уходит, закрыв глаза платком. Все в изумлении.

Соррини

Как резко вы сказали, Алварец!
Нечаянный удар вослед себе
Ведет раскаянье нередко.

Алварец

Э, нужды нет, отец Соррини, —
Ведь надо было бы открыть;
А чем скорей, тем лучше...

Соррини

Не всегда.
Вы знаете ли: женщина цветок,
Который, если вы его согнете вдруг, —
Изломится.

Донна Мария

Да не угодно ль вам
Позавтракать, отец Соррини.

Соррини

Благодарю, прекрасная Мария!
Земная пища часто не должна
Ласкать того, кто пищею духовной
Владеет. До свиданья! Донна, до свиданья!
И вы, почтенный друг мой, Алварец!
Желаю, чтоб небес благословенье
Сошло на дом ваш... и... чтоб ваша дочь

Утешилась скорей; я думаю,
Она и не замедлит. Ха! ха! ха! прощайте!
(Уходит, низко кланяясь.)

А л в а р е ц

Когда еще нам сделать честь придет
Вам в голову, то, верьте мне,
Открыты будут ежедневно двери
Мои для вас... как сердце... (кланяясь) одолжите!

Соррини, провожаемый до двери, уходит, наконец.

Ну, слава богу!.. он такой смиренный,
Что и не знаешь, что сказать ему.
Боюсь таких людей, которые всегда
На языке своем имеют: да! и да!
Хоть сердятся они — не знаешь извиниться,
Затем, что с виду всем довольны.
Но с кем бранился я — с тем можно помириться!..

Уходят все.

Сцена II

Ночь. Театр являет сад и балкон с левой стороны. На него выходит Э м и л и я. Балкон соединен ступенями с садом.
Эмилия сидит. Месяц над деревьями.

Э м и л и я

Все тихо! — только это сердце беспокойно;
Неблагодарный! я его просила,
Чтобы хоть для меня он удержался.
Ужели для меня не мог он? — вот мужчины!
Ужели мненье моего отца
Ему дороже, чем любовь моя?
Теперь уж некому меня утешить;
(молчание)
Уж эти мачехи! — презлюбные творенья;
И этот иезуит! — ведь надобно ж
Мне окруженной быть таким народом!..
О! если б мог прекрасный месяц озарить
Хотя последнее свиданье наше.
Фернандо разлюбил меня, конечно,
А то бы он пришел проститься; я прошая
Его горячность; но зачем нейдет
Он извиниться в этом предо мною...
Ему грозил отец мой; это правда!
Попробую сойти!
(Сходит с балкона.)

Там кто-то шевелится!
Как бьется сердце!.. но чего бояться:
Ведь я одна... а если кто-нибудь!..
Кто там?.. тень шевелится на земле...
Ах! боже мой!.. куда уйду...

Слышен голос

Эмилия!..

Эмилия

Ах! ах! Святой Доминго, помоги!
Злой дух ко мне идет.
(*В страхе не знает, что делать.*)

Фернандо (*выходит в черном плаще*)

Эмилия!..

Мой голос страшен для тебя... ты испугалась!..

Эмилия

Нет! нет!.. ах, сядем! я дрожу!..

Фернандо (*берет ее за руку*)

Ты права!

Но отчего я испугал тебя так сильно?..

Они садятся на скамью.

Эмилия

Ну что ж ты скажешь?

Фернандо

Я пришел проститься!..
Проститься! — в первый раз такое слово
Должно меня печалить... знаешь ли,
Я думаю, что был бы счастливей,
Когда бы не с кем было мне проститься...
Ты будешь плакать — мне двойная мука...

Эмилия

Сам виноват! ведь я тебя просила...
Ты не хотел. Кто ж виноват? кто ж виноват?

Ф е р н а н д о

Нет, я не мог, клянуся небом!
Ты знала нрав мой — для чего писала?..
Но все уж кончилось — не укоряй меня...
Не укоряй; признаться виноватым
Мне было б тяжело — ты это знаешь!..
Что сделано — то сделано...

Э м и л и я

Где будешь
Ты жить теперь, Фернандо?..

Ф е р н а н д о

Где! где жить?..
Ты мне напомнила ужасное!..
Зачем такой вопрос?.. ты знала,
Что не имею я ни друга, ни родни,
Ни места в целом королевстве, где б
Я мог найти приют. Последний нищий
Имеет то, чего я не имею:
Он равнодушно и спокойно просит хлеба.
Вообрази: лишь ты одна на свете
Сказала мне: люблю — тебе одной
Я поверял все мысли, все желанья;
Ты для меня: родня, друзья — ты все мне!..
Гордися этим!.. так, Эмилия:
Мы созданы небесным друг для друга;
Ты — все для сердца этого — и Бог
Не так жесток, чтоб все отнять
У человека!

Молчание.

Э м и л и я

Знаешь, говорят, не должно
С мужчиной девушке сидеть в полночь...

Ф е р н а н д о

Со мной сидеть не бойся никогда.

Э м и л и я (*кидается ему на шею*)

О! милый! — как мне грустно! будто
Свинец в груди наместо сердца...
Как вспомню, что в последний раз тебя
Здесь вижу — слезы останятся, дыханье

Редет... то боюсь, чтоб не пришел отец мой,
То — чтобы час прощанья не пришел...
Ко мне ужасные теснятся мысли;
Вчера я видела во сне, что ты
Меня хотел резать.

Ф е р н а н д о *(мрачно и быстро)*

Перестань.

Взгляни на тихую луну! о, как прекрасна!
И облачка вокруг нее! — луна,
Луна! — как много в этом звуке чувств —
Что будет, что теперь и что прошло, все в нем
Соединяется — и что прошло!
И кто б подумать мог, что та ж луна,
Которая была немой свидетель
Минуты первой... у ручья... в горах — ты помнишь —
Что та ж луна свидетель будет
Разлуки, нежная Эмилия!..
Взгляни опять: подобная Армиде
Под дымкою сребристой мглы ночной,
Она идет в волшебный замок свой.
Вокруг нее и следом тучки
Теснятся, будто рыцари-вожди,
Горящие любовью; и когда
Чело их обращается к прекрасной,
Оно блестит, когда же отвернут
К соперникам, то ревность и досада
Его нахмурят тотчас — посмотри,
Как шлемы их чернеются, как перья
Колеблются на шлемах — помнишь — помнишь —
В тот вечер все так было — кроме
Судьбы Фернандо — небо и земля
Все те же — только люди! — если б ты
Не причислялась к ним, то я б их проклял...

Э м и л и я

Да разве ты не человек же?

Ф е р н а н д о

О! я себя бы вместе с ними проклял!..

Э м и л и я

За что это?

Фернандо

За то, что не могу
Я видеть хладнокровно, как они
Стараются друг другу делать зло,
С притворной добротой, когда совсем
Не просят их; за то, что не могу
Я видеть общего стремленья к ничему,
Или для золота разбитые сердца!..
За то... Эмилия... о! я злодей —
Я мог бы сделать счастливой тебя,
Стараться, чтобы ты меня забыла..
Но как взгляну на будущность... на жизнь,
Бесцветную, с прошедшим ядовитым..
Тогда... Эмилия... тогда я жертвовать
Готов твоим блаженством, чтоб иметь
Близ этой груди существо такое,
Которое понять меня б могло!
Желаю, чтобы вечно час такой
Не приходил... но! — не люби меня..
Ты видишь нрав мой — позабудь меня..
Забудешь ли?

Эмилия

Что, если б я сказала: *да?*
Не говори в другой раз то, чего не мыслишь...

Фернандо

Мой ангел, ангел... ты понять не можешь, как
Любовь твоя меня терзает.

Фернандо обнимает ее и она его.

О, если счастье неба будет
Иметь так много горечи, как этот
Единый поцелуй, то я бы отказался
От рая добровольно. Ах! Эмилия!
Ступай ты лучше в монастырь,
Ступай в обитель — скрой себя от света,
Умри!.. предвижу много страшного!..
О, если б никогда ее не знал я!

Звон.

Полночь!.. прости!.. но что за шорох...

Молчанье.

Мы пропали!

Я позабыл калитку затворить...
Беги!.. беги!..

Эмилия

Спаси нас царь небесный!
(Уходит на балкон и скрывается.)

Фернандо (вынимает шпагу)

Кто там! заплатишь дорого
За это любопытство мне!

Ударяет по кусту; вскрикнув, выползает жид седой и бросается на колени.

Моисей

Помилуй...
Яви, что жалость у испанца есть.

Фернандо

Вздор, вздор... ты слышал — и умрешь.
Признайся, ты подослан.
(Шпагу подставляет к горлу.)

Моисей (на коленях)

Нет.

Фернандо

Ты лжешь...

Моисей

Страшись убить напрасно старика;
(кидается в ноги, обнимает колени)
Спаси меня... у нас ведь Бог один...
Меня преследуют... быть может, твой
Отец в живых... я сам отец... о, для него
Спаси меня от инквизиции...
Возьми именья половину... но зачем
Ругаться попусту над сединами —
Тебе заплотит Бог твой... у меня
Есть дочь, что будет с нею, если ты
Меня не пощадишь... что будет с нею...
О! сжался, сжался!

Фернандо

У тебя есть дочь!..
 А я хотел?.. о... нет! довольно в свете
 Сирот и без нее... возьми
(кидает ему не глядя плащ и шляпу)
 надень!..
 Иди за мной — ни слова... или смерть!..
 Ни слова — я хочу тебя спасти!..

Моисей

Как!.. как!..

Молчание. Жид в изумлении. Испанец с презрением глядит на него.

Клянусь Иерусалимом,
 Что он не христианин... это верно.
(Надевает плащ и шляпу.)

Фернандо

Собака! что сказал ты... что сказал ты?..
 Не смей закон мой поносить при мне...
 Пойдем.

Являются издали факелы и люди с другой стороны.

Моисей *(тихо про себя)*

Но если он меня предаст,
 Но если он...

Фернандо

Ты видишь факелы! пойдем.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена I

В доме Соррини; комната, где он угощает бродяг, чтоб они ему служили. Несколько испанцев сидят за двумя столами, кричат, смеются и пьют. Слуги разносят вина.

1-й испанец *(бродяга)*

Да, если инквизиция святая
 На тот конец учреждена была,
 Чтоб нас кормить, то дай бог ей здоровья...
 Соррини, впрочем, очень добрый малый,
 Хотя ханжит немного — но с летами,
 Когда придет пора рассудка, можно
 Надеяться на исправленье.

2-й испанец

Ты, конечно,
Ослеп и белое за черное берешь,
Как все слепые... ха! ха! ха!.. не так ли?
(*Пьет.*)

1-й испанец

Могу заверить вас, друзья мои,
Что молод патер наш. Не телом, так душой.
Как любят женщины его поныне,
И как он сам их любит, вопреки закону!

3-й испанец

Он женщинами столько же любим,
Как нами!..

1-й испанец

Разве ты его не любишь?

3-й испанец

Ну да! когда накормит хорошо.
Но, ergo¹, эта нежная любовь
Проходит с голодом и с жаждой!..

4-й испанец

А я готов побиться об заклад,
Что наш Соррини плутни затекает
Опять. Уж эти угошенья не к добру.
Так, — помнишь ли: ему хотелось,
Чтоб мы зарезали дон Педро
И дом его сожгли?.. Уж то-то пиршество
Он задал нам — или в другой раз,
Пред тем, чтоб нам велеть похитить для него
Красавицу бургосскую, от тетки.
Вот дьявольское было дело! — positum²:
Теперь он также затекает плутни!..

1-й испанец

Эх! что нам в том! ведь надо ж есть и пить, притом же
Он наш заступник в инквизиции.

¹ следовательно (*лат.*).

² нужно полагать (*лат.*).

3-й испанец

Однако же не худо бы ему
Своим гаремом поделиться с нами;
Не то все гурии завянут — или
Им будет слишком тесно, наконец.

5-й испанец *(за другим столом)*
Вина! *(Кричит.)*

Слуга

Сейчас... в минуту...

5-й испанец

К черту ждатель вина!
Будь проклят ты с своим Сорринием!..

Слуга *(подает стакан)*

Вот вам вино.

5-й испанец

Прегадкое, с водой.
Поди ты к черту с ним — ракалия!..
(Бросает стакан на пол и обливает 2-го испанца.)

2-й испанец *(горячо)*

Послушай! — будь вперед поосторожней!
За это бьют у нас.

5-й испанец *(вскочив)*

Чего ты хочешь, ты?

2-й испанец

Я говорю, чтоб ты вперед остерегался!..
Не то...

(схватывает стул)
я стулом рассчитаюсь!..

5-й испанец

Клянуся честью, ты в живых не будешь.
Я вырву твой язык и псам
Голодным на обед отдам!..
(Вынимает кинжал.)

Уж я тебя достану...
(Бросается на него.)

3-й и спанец

Погодите.

Другие удерживают их.

Оставь кинжал, а ты свой стул и станьте,
Как должно в поединке — шпаги выньте,
А секундантов будет уж довольно.

Они вынимают шпаги и становятся.

Вот так... начните,
(начинают)
хладнокровней только...
А ты уж слишком близко наступаешь...
Зачем так горячишься ты?..

2-й и спанец (*перестав*)

Я тронул.

5-й и спанец

Нет!..

1-й и спанец

Смотрите, чтоб при первой крови кончить.

5-й и спанец (*нападая*)

Он жизнью мне своей заплотит.

1-й и спанец (*четвертому*)

Хоть взбалмошный, зато и храбрый малый!..

2-й и спанец отступает, тот на него нападает, и вдруг ранен в плечо, их разнимают.

3-й и спанец

Товарищи, довольно — помиритесь!..

4-й и спанец

Конечно; мир за бранью следует всегда.

5-й и спанец

Пожалуй, я готов... твоя победа.

2-й испанец

Итак, мы вновь друзья.

5-й испанец

Но знаешь ли,
Когда б они меня не удержали,
То я сдержал бы обещанье,
И, верно б, твой язык собаки съели!
Входит Соррини, они все низко ему кланяются.

Соррини

Какой я слышал шум!

5-й испанец

Да! мы немножко
Повздорили, почтенный патер, но
Все кончилось примиреньем... (*К другим.*) так ли?

Соррини

А я пришел вам дать предложение:
Столь важного давно не исполняли вы!..
Вопрос: вы знаете ли Алвареца?

Все

Знаем!

Соррини

Есть у него жена.

Все

Жену?

Соррини

Нет! нет!.. не то!..
Я к ней подделаться хочу, чтобы она
Не помешала вам похитить дочку,
Она на это, верно, согласится,
Затем, что если дочери не будет,
То ей именье все достанется
По смерти мужа... а его кончины час
Она приблизит уж по-своему.
Но дело не о том теперь.
У Алвареца есть премиленькая дочь,

И я... но вы уж знаете! зачем
Старинные уроки повторять?
Она понравилась мне ужасно... я горю
Любовью к ней!.. готов я всю казну
Мою отдать вам... только б вы
Эмилию мне привезли! — что только можно,
Яд, страх, огонь, мольбу употребите,
Убейте мачеху, служителей, отца,
Лишь мне испанку привезите...
И всё, всё тайно доведите
До этого счастливого конца.
Тогда — друзья мои... вы не видали
Такого пиршества... какое будет.
Но слушайте! — я вверил тайну вам —
Страшитесь изменить — о! если
Хоть искра заговора выскочит...
То всех под инквизицию отдам.

3-й испанец

Я знаю Алвареца, дочь его
И мачеху... но есть еще Фернандо,
Который в доме их воспитан...
Он молодец!.. я видел, как в арене
Пред ним ужасный буйвол упал.
Его ты не подкупишь... и не так-то
Легко с ним будет справиться.

4-й испанец

Конечно!

Да он же и влюблен в Эмилию...

Соррини (вспоминая)

Фернандо! — кто такое! да!.. Фернандо!..
Знакомо это имя что-то мне!
А!.. вот судьба!.. он выгнан из дому
Два дня тому назад безмозглым Алварецом,
За вздор какой-то!.. нечего бояться!..
Но... правда... может он узнать... предостеречь...
Ну, если эта буйная душа
Испортит дело все... нет!.. прежде
Убейте мне его... найдите... справьтесь!..
Как вам тогда придет на ум...
Потом Эмилию похитить можно...
Клянусь... я выдумал прекрасно!..

Все (*кричат*)

Пожалуй!.. как ты хочешь, патер.

Соррини

Прощайте! Я надеюсь на вашу скромность.

Половина уходят.

(*Про себя.*)

Когда ты хочешь непременно,
Чтоб что-нибудь не сделали иль сделали,
То говори, что ты уверен в людях;
И самолюбие заставит их
Исполнить трудное твое желанье.

Остальная половина уходит. Соррини садится в кресла.

Что значит, золото? — оно важней людей,
Через него мы можем оправдать
И обвинить, — через него мы можем,
Купивши индугенцию,
Грешить без всяких дальних опасений
И, несмотря на то, попасть и в рай.
И вот последний год мой уж настал.
Однако ж не уйдет Эмилия
Из рук моих. Я отомщу ей
За смех вчерашний — о, поверь мне,
Надменная красавица, ты будешь
Стоять передо мною на коленях
И плакать и молить... тогда меня узнаешь...
Не засмеешься ты, когда скажу
Что и старик любить умеет сильно;
И в том признаешься невольно ты...
Любить! — смешно, как это слово
Употребляю я с самим собою.
Но я ей отомщу за гордый смех.
Хотя б она была моей последней жертвой —
Последней?.. будто нету денег у меня,
Чтобы купить еще на десять лет
И больше отпущение грехов!
Грехов! ха! ха! ха! ха! — на что оно годится
Для тех, которые ему душой не верят?
А я и без него умею обойтись.

Входят с радостью толпой испанцы и ведут певца с гитарой.

Испанцы

Вот мы певца пымали на дороге,
Не хочешь ли послушать, он споет

Про старину, про гордых наших предков;
Не хочешь ли, почтенный патер?

Соррини *(поглядывая на певца)*

Благодарю я вас, друзья мои. Нейдет
Мне быть свидетелем мирских веселий
И юности пиров гремящих.
Сединам этим преклоняться должно в прахе
Перед распятым, а не украшаться
Венками радости. Не петь я должен, но
Рыдать, моляся за грехи свои
И ваши — ибо стадо с пастырем: едино!..
(Уходит нагнувшись.)

5-й испанец *(в сторону)*

Что ж! без тебя так нам еще вольнее.

3-й испанец

Признаться, я не верю, чтоб у нас
У каждого одни грехи с ним были.
Мы делаем злодейства, чтобы жить,
А он живет — чтобы злодейства делать!..

Певец

Что ж мне вам спеть, ей-богу я не знаю!..

2-й испанец

Ну полно, брат. Садись и начинай играть,
А песни выльются невольно.
Люблю я песни, в них так живо
Являются душе младенческие дни.
О прошлом говорят красноречиво
И слезы на глаза влекут они;
Как будто в них мы можем слезы возратить,
Которые должны мы были проглотить;
Пусть слезы те в груди окаменели,
Но их один разводит звук,
Напомнив дни, когда мы пели
Без горькой памяти, без ожиданья мук.

3-й испанец

Ха! ха! ха! ха! развежился опять...
Опять понес ты вздор давнишний,
Опять воспоминанья, черт бы с ними...

5-й испанец

Баба!..

4-й испанец (*показывает на певца*)

Тс, тс.

1-й испанец

Он начинает!.. слушать!..

БАЛЛАДА

Гвадьяна бежит по цветущим полям,
В ней блещут вершины церквей;
Но в прежние годы неверные там
Купали своих лошадей.
На том берегу, поклянусь, что не лгу,
Хранимый рукой христиан
С чалмой и крестом, над чугунным столбом
Стоит превысокий курган.

Недалеко отсюда обитель была.

Монахи веселой толпой,
Когда наступила вечерняя мгла,
За пир садились ночной.

Вот чаши гремят, и поют, и кричат,
И дверь открывается вдруг:

Взошел сарацин, безоружен, один —
И смутился пирующий круг.

Неверный, склоняся челом, говорит:

«Я желаю проститься с чалмой.
Крестите меня, как закон ваш велит!

Клянуся восточной луной:
Не ложь, не обман, из далеких стран
Привели меня к вашим стенам.

Я узнал ваш закон, мне понравился он:
Я жизнь свою Богу отдам!»

Но монахи его окружили толпой

И в сердце вонзили кинжал.
И с золотом сняли алмаз дорогой,
Который на шее сиял.

И ругались над ним, со смехом пустым,
Пока день не взошел молодой.

И кровавый труп на прибрежный уступ
Был брошен злодейской рукой.

Не прошло трех ночей, как высокий курган
Воздвигся с крестом и чалмой,

И под ним тот пришлец из восточных стран
 Зарыт — но не силой земной!
 И с тех пор, каждый год, только месяц взойдет,
 В обитель приходит мертвец
 И монахам кричит (так молва говорит),
 Чтоб крестили его, наконец!..

Многие хлопают в ладоши.

1-й и с п а н е ц

Прекрасно! очень хорошо.

В с е и с п а н ц ы

Благодарим.

Не хочешь ли вина, искусный трубадур?

Ему подают, и он пьет.

П е в е ц

За здравье папы!.. а потом за ваше!

3-й и с п а н е ц

Товарищи, пойдемте же теперь
 Искать свою любезную добычу...
 Пойдемте, с помощью святого Доминика!
 Нам Бог простит!.. ведь надо людям жить!..
 Уходят все с громким хохотом.

Сцена II

Комната у жида, богатые ковры везде и сундуки. Тут стоит на столбике лампа горящая.
 В глубине сцены д в е ж и д о в к и нижут жемчуг. Все богато. Но э м и входит и садит-
 ся у стола, облокотившись.

Н о э м и

Нет! — не могу работой заниматься!
 Шитье в глазах сливается, и пальцы
 Дрожат, как будто бы иголка тяготит их!
 Молиться я хотела — то же все!
 Начну лишь... а слова мешаются;
 То холод пробежит по телу вдруг,
 То жар в лицо ударится порой,
 И сердцу так неловко, так неловко!..
 И занимает все воображение
 Прекрасный образ незнакомца,
 Который моего отца избавил
 От гибели вчера. Дай бог ему все счастье,
 Отнятое у нас несправедливо.

Как будто бы евреи уж не люди!
Наш род древней испанского — и их
Пророк рожден в Ерусалиме!
Смешно! они хотят, чтоб мы
Их приняли закон — но для чего?
Чтоб в гибель повергать друг друга, как они?
Они так превозносят кротость,
Любовь к себе подобным, милость, —
И говорят, что в этом их закон!
Но этого пока мы не видали.

Молчание.

Однако ж есть и между ними люди!
Вот, например, вчерашний незнакомец.
Кто б ожидал? — как жалко, что его
Я не увижу — но отец мой
Его так живо описал, так живо!..
Высокий стан, и благородный вид,
И кудри черные как смоль, и быстрый взор,
И голос... но зачем об нем я мыслю?..
Что пользы!.. ах! какой же я ребенок!

Молчание.

Мне скучно! — вся душа расстроена,
И для меня суббота поневоле
Сегодня!.. сердце бьется, бьется,
Как птичка, пойманная в сетке!
Зачем нейдет отец мой? он опять
Злодеям в руки попадетя...
Как скучно быть одной весь день;
Все песнь одна; низать и распускать свой жемчуг,
Читать и перечитывать, одеться
В парчу и вновь раздеться, есть, и пить,
И спать... однако ж эту ночь
Мой сон был занимателен и страшен!

Молчание.

Что пользы?

(Кличет.)

Няня! Сара! Сара!

Поди ко мне! — поди сюда! ну что же!..

С а р а *(старуха идет)*

Что, милая Ноэми, что тебе!
Иль жемчуг распустила — но ведь я
Стара — мои глаза всю бойкость потеряли;
Тебе вредит неосторожность,
А мне так невозможность! так ли?

Ноэми

Нет, Сара! жемчуг я оставила низать.

Сара

Что! аль не нравится! вот я
В свои года не тем была довольна!
А этой молодежи нынешней
Все дурно! — что ж меня звала ты?

Ноэми

Так!

Мне скучно!.. я больна!..

Сара

Больна! ах, боже мой.
Так я пошлю скорее за врачом...
Есть у меня знакомый, преискусный!..

Ноэми

Не надо... я не то что бы больна!
А... так! не в духе!.. все нейдет на лад,
Что ни начну!.. мне хочется того, чего
Сама определить не в силах я!..
Мне грустно! — Расскажи мне сказку
Про старину! — садись и Расскажи!..

Сара

Дай мне припомнить, милое дитя,
Вот видишь!.. память-то слаба,
Я столько слышала, видала, испытала,
Что из толпы моих воспоминаний
Навряд одно вполне перескажу!..

Ноэми

Я видела сегодняшнюю ночь
Ужасный сон! ужасный!.. растолкуй мне:
Мне снилось, что приходит человек,
Обрызганный весь кровью, говоря,
Что он мой брат... но я не испугалась,
И стала омыwać потоки крови,
И увидала рану против сердца
Глубокую... и он сказал мне:
«Смотри! я брат твой»... но клянуса,
В тот миг он был мне больше брата;

И я заплакала, и стала умолять
Я Бога, чтобы жизнь его продлил;
Но этот человек захохотал
И вдруг воскликнул: «Перестань молиться!
Я брат твой! ныне братьев ненавидят!..
Оставь меня, прекрасная еврейка:
Я христианин — и не брат твой;
Я над тобой хотел лишь посмеяться!»
И он спешил уйти... и я схватила
Его широкий плащ... но что ж? — в руках
Остался погребальный саван! — я проснулась...

Сара

Он братом называл себя твоим?

Ноэми

Но это вздор! — я не имела брата!
И никогда иметь не буду!..

Сара

О! Ноэми!

Не говори!.. случиться это может!..

Ноэми

Как может!.. как? нет, это невозможно!

Сара

Послушай — у тебя *был* брат.
Он старше был тебя... судьбою чудной,
Бежа от инквизиции, отец твой
С покойной матерью его оставили
На месте том, где ночевали;
Страх помешал им вспомнить это...
Быть может, думали они, что я
Его держала на руках... с тех пор
Его мы почитали все умершим
И для того тебе об нем не говорили!
А может быть, он жив — как знать!
Ведь Божья воля неисповедима!

Ноэми

Ах, Сара! Сара! нет, он умер!..
Увял он как трава пустыни и как цвет

Полей засохнул!.. так, он был рожден для жизни,
Он был рожден, чтоб быть мне другом, —
О Сара! если умер он — как счастлив,
И как должна я плакать об себе!
Гонимый всеми, всеми презираем,
Наш род скитается по свету: родина,
Спокойствие, жилище наше — все не наше.
Но час придет, когда и мы восстанем!..
Так говорит Писанье, так я верю —
Зачем и нет? — что сделал мой отец
Сим кровожадным христианам? деньги
Имеет он и дочь — вот все его богатство;
И если б он уверен был найти
Отчизну и спокойствие, то, верно б,
Свои все деньги отдал людям,
Которые его поныне притесняли,
Однако ж и меж них есть добрые.

Сара

Да, да, вот тот испанец молодой,
Который спас намедни Моисея!
Родитель твой хотел вознаградить
Его звенящим кошельком — но он
Его ногами истоптал, сказав:
«Собака! жизнь твоя сего не стоит!
Я не наемник твой». Прости ему Всевышний
Подобные хулы за то,
Что спас он одного из гибнущих сынов Израиля!..

Ноэми

Прости ему Всевышний!..

Сара (*подходит к окну*)

Какая ночь! — В такую точно ночь
Я стала жертвою любви! — Иосиф мой!
О, если б ты меня теперь увидел,
Ты испугался бы; в то время я цвела,
Мои глаза блистали, как алмазы,
И щеки были нежны, точно пух!..
Увы! Ноэми, кто б тогда подумал,
Что этот лоб морщины исчертят,
Что эти косы поседеют! — то-то время!..

Ноэми

Что мой отец нейдет!..

Сара

Чу! вот сова кричит — ужасный крик!
Я не люблю его! — во мне все жилы
Кровь оставляет при подобном крике!..

Стучат в дверь.

Ах! верно, твой отец пришел!.. ну ж поздно!..

Голос

Скорее отоприте! отоприте!

Служанки, сидевшие за шитьем, бросаются и отпирают, входит Моисей, ведет Фернандо с перевязанной рукой, сей едва идет.

Моисей

Нозми! Сара! помогите, помогите!..
Измучен я усталостью... и страхом.
Он истекает кровью... о! проклятье
Злодеям!.. дайте кресло и подушки;
Он истекает кровью!..

Дают длинную подушку и кладут на пол, его сажают и поддерживают голову ослабевшую.

Будь Авраам свидетель, эта ночь
Ужасней той, когда я сына потерял;
Тому я дал существованье,
А *этот* возвратил мне жизнь!..
О Бог, Бог иудеев, сохрани
Его, хоть он не из твоих сынов!..

Фернандо

Кто здесь моих убийц так проклинал?
Зачем? Они хотели сделать мне добро,
Освободить от мук! так земляки мои
Всегда добро друг другу делают!
О, перестаньте —

(как от сна)

где я? кто со мной?

(Поднимает голову.)

Благодарю того, кто спас меня — но кто он?..

Моисей

Ты спас его недавно сам:
Он здесь перед тобой, еврей, гонимый
Твоим народом, — но ты спас меня,
И я тебе обязан заплатить,
Хоть я в твоей отчизне презираем.
Так, дочь моя, вот мой спаситель!..

Ноэми (*становится на колени и целует руку*)

Еврейка у тебя целует руку,
Испанец!..
(*Она остается на коленях и держит руку.*)

Фернандо (*Моисею*)

Что сказал ты, иноверный!
Отчизна! родина! — слова пустые для меня.
Затем, что я не ведаю цены их;
Отечеством зовется край, где наши
Родные, дом наш и друзья;
Но у меня под небесами
Нет ни родных, ни дома, ни друзей!..

Ноэми

Когда ты не нашел себе друзей
Меж христиан, то между нас найдешь;
Ты добр, испанец, — небо справедливо!..

Фернандо

Я *был* добр!..

Моисей (*стоя над ним*)

Кровь течет, из раны;
Перевяжите — как он побледнел.

Фернандо

У волка есть берлога, и гнездо у птицы —
Есть у жида пристанище;
И я имел одно — могилу!..
Чудовище! зачем ты отнял у меня
Могилу!.. все старанья ваши — зло!
Спасти от смерти человека для того,
Чтоб сделать зло! — безумцы;
Прочь!.. пусть течет свободно кровь моя,
Пусть веселит... о! жалко! нет монаха здесь!..
Одни евреи бедные — что нужды?
Они всё люди же — а кровь
Приятна людям! — прочь!
(*Срывает перевязи.*)

Ноэми

Отец мой!
(*В отчаянье.*)

Он сорвал перевязку! — он умрет.

Все бросаются опять навязать.

Сара

О! как он ослабел, несчастный...
Какая бледность покрывает щеки:
Как жалко!..

Фернандо

Дайте пить мне, я горю;
Язык засох... скорее, ради бога!

Сара уходит за питьем.

Ноэми

Испанец, успокойся! успокойся!
Ты был несчастлив, это видно,
Хоть молод. Я слыхала прежде,
Что если мы страдальцу говорим,
Что он несчастлив, то снимаем тягость
С его души!.. Ах! как бы я желала,
Чтобы ты стал здоров и весел!..

Фернандо

И весел!.. *(Стонет.)*

Ноэми

Я прошу тебя: подумай,
Что я твоя сестра, что тот еврей — отец твой,
И воображение тебя утешит:
Оно дано нам, людям, для того,
Испанец!

Фернандо

Девушка! ты дочь его!

Ноэми

Ты отгадал, ты спас отца мне!
И он тебя спасет. Я заклинаю
Тебя твоим законом, перестань
Тревожиться печальной думой:
Она вредит здоровью твоему,
Разгорячает кровь.

Сара приносит стакан.

На, выпей!

Фернандо

Благодарю! твои слова напитокка лучше!..
Когда о мне жалеет женщина,
Я чувствую двойное облегченье!
Послушай: что я сделал этим людям,
Которые меня убить хотели?
Что не разбойники они, то это верно.
Они с меня не сняли ничего
И бросили в крови вблизи дороги...
...О, это все коварство!.. я предвижу,
Что это лишь начало... а конец!..
Конец... (*вздрагивает*), что вздрогнул я? — что б ни было,
Я уступлю скорей судьбе, чем людям...
Оставь меня покуда!

Она встает и отходит; но издали все на него смотрит.

Сара (*подходит к Моисею*)

Скажи, молю тебя, как ты его нашел?
Я это все за сон принять готова!..

Моисей

Пошел к равнину я: он был мне должен;
Он задержал меня часа с четыре,
Хоть против воли: ночь уже была
Темна, и я, в сапог засунув
Свой кошелек, боясь воров, пошел
Домой. Луна вставала, над болотом
И между гор густой туман дымился;
Иду я, недалеко уж отсюда,
Густым леском — и слышу звук шагов!..
Все жилки задрожали у меня,
И я невольно бросился за куст:
Сижу — дрожу — передо мной была поляна,
И месяц ударял в нее лучами;
Шесть человек стояли на поляне,
И слышу: «Этой самую дорогой
Идти он должен ныне... ну ж не знаю,
Как он кинжалы наши выдержит.
Мне жалко бы его убить до смерти,
Он малый славный и к тому ж бедняк!
Да делать нечего, когда велел нам патер
Его отправить в дальнюю дорогу!..»
Едва окончена была такая речь,
Как вдруг я слышу крик и звук кинжалов;
Он долго защищался, наконец
Упал, и все они в минуту разбежались.

Как будто мертвый был страшной живого!..
Когда утихло все, я вышел посмотреть,
Кто был несчастной жертвою злодейства,
И что ж? мой благодетель, мой спаситель! —
Я различил черты его при свете
Луны... он ранен был легко,
Но, странно, не узнал меня
И, будто по природному влеченью,
Встал... я понес его... он все шептал,
Но я не понял слов... потоки крови
Бежали на меня... так я принес
Несчастливого сюда!.. Бог сделал это чудо!..

С а р а

И точно, это чудо, Моисей!..

Н о э м и (*которая в то время опять села у ног Фернандо*)

Что? утихает боль твоя или нет?..

Ф е р н а н д о

Дай руку мне! о нежное создание,
Как обо мне она печется...

М о и с е й (*Сара*)

Поди постель ему ты приготовь,
Я тотчас сам приду туда...

С а р а

Да как
Его зовут, кто он такой, нельзя ль узнать?
(*Уходит.*)

М о и с е й (*подходит*)

Позволь, одно я у тебя спрошу:
Кто ты и как тебя зовут?

Ф е р н а н д о

Когда я жизнь свою подвергнул для твоей,
То спрашивал ли: как тебя зовут?..

Молчание.

Меня зовут Фернандо!
Вот все, что я могу сказать, другое
Пусть спит в груди моей, как прах твоих отцов
В земле сырой!.. я не скажу моих отцов.
Я ни отца, ни матери не знаю!..

Но полно: я прошу, не спрашивай меня
Вторично об таких вещах!..
Ты этим ни отца, ни матери не дашь мне!

Ноэми

Я буду для тебя сестрой.

Фернандо

Ты для меня сестрой не будешь!

Ноэми

Зачем же отвергать так своенравно
Того, кому ты можешь вверить горесть
Души твоей — ужель различье веры?
Ужели хочешь ты, чтоб я
Раскаялася в том, что иудейка!..

Фернандо

Бог сохрани меня от этой мысли:
Ты цвет пустыни, ты дитя свободы:
Без правил любишь ты, — испанцы только
Без правил ненавидят ближних!..
У них и рай и ад, все на весах,
И деньги сей земли владеют счастьем неба,
И люди заставляют демонов краснеть
Коварством и любовью к злу!..
У них отец торгует дочерьми,
Жена торгует мужем и собою,
Король народом, а народ свободой;
У них, чтоб угодить вельможе или
Монаху, можно человека
Невинного предать кровавой пытке!..
И сжечь за слово на костре, и под окном
Оставить с голоду погибнуть, для того
Что нет креста на шее бедняка,
Есть дело добродетели великой!
О боже, сохрани меня от мысли,
Что ты должна принять их предрассудки;
Но между них одно есть существо,
Но между демонов один есть ангел
Души моей... но замолчу об этом...

Ноэми

Ты горячишься, это увеличит
Твое страданье с болью ран твоих;

Не хочешь ли чего-нибудь?.. усни...
Вот мой отец придет: он приготовил
Постель твою; всю ночь я просижу
Вблизи тебя... чего ни пожелаешь ты,
Мы все достанем, только будь спокоен;
Иль кровь опять начнет течи из ран.

Ф е р н а н д о *(в сторону)*

Эмилия далеко от меня;
О, если б эта милая еврейка
Была Эмилия!.. как скоро бы все раны
Закрылись, кроме одной;
Но рана эта так приятна сердцу!..
Эмилия! Эмилия!.. быть может,
Умру я здесь, далеко от тебя;
И ты моей могилы не найдешь;
И от последней, от тебя я буду
Забыт!.. забыт!..

М о и с е й

Усни! постель уже готова...
Эй! Сара! помоги поднять его.

Две еврейки, слуга еврей, Сара и Моисей поднимают слабого Фернандо и уводят. Ноэми одна остается.

Н о э м и

Проникло сожаленье в грудь мою;
Так вот кого я так желала видеть,
Не ведая желанию причины!..
Нет, нет, я не спасителя отца
Хотела видеть в нем;
Испанец молодой, с осанкой гордой,
Как тополь стройный, с черными глазами,
С такими ж черными кудрями
Являлся вображенью моему,
И мною овладел непостижимой силой,
И завладел моим девичьим сном;
Отец мой так его подробно описал.

Молчание.

О, как судьба людьми играет!..
Кто б отгадал, что этот человек,
Недавно спасший моего отца,
Сегодня будет здесь, у нас, облитый
Своею неповинной кровью,
Измученный, едва не мертвый?

Мне кажется, я чувствую любовь
К нему — не сожаленье, а любовь!
Как это слово звучно в первый раз!..
Когда он говорит, то сердце у меня
Трепещет; точно как боится,
Чтоб сердце юноши не перестало биться;
Когда ж произношу его название,
Хотя бы в мыслях только я сказала:
Фернандо!.. то краснею, будто бы
Самой себя стыжусь или боюсь!..
Чего стыдиться, я не понимаю,
Любви! — все любят — что же тут худого;
Так точно — ничего худого нет в любви;
К чему же совесть тут мешается
И будто сердце предостерегает?..
Но как же слушаться ее?..
Как не любить! — ах! без любви так скучно;
И даже думать не о чем! — о боже!
Храни его! храни обоих нас:
Прости любовь мою!.. я не могу иначе!..
(Она стоит в задумчивости.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена I

В доме Алвареца. Спальня донны Марии. Большое зеркало, стол и стулья.
Алварец в креслах. Мария перед зеркалом надевает что-то на голову.

Алварец

Желал бы я узнать, зачем сюда
Эмилия здороваться нейдет;
Уж верно, плачет о своем любезном
Иль с цитрою мечтает на балконе.
Вот дочери! — От них забот гора,
А нет ни утешенья, ни добра.

Донна Мария *(оборачиваясь)*

Как думаешь, любезный мой супруг,
Идет ли мне вот это ожерелье;
И можно ли так показаться в люди?
Оно не дурно!..

Алварец

Все к тебе идет.
И если б ты явилась мне теперь
В измаранном и самом гадком платье.
То, я клянусь мечом отцовским,

Любил бы я тебя как прежде,
И столько же прекрасна ты б казалась
Моим глазам.

Донна Мария

Неужли? ах, мой милый!..
(*В сторону.*)

Он думает, что только для него
Я одеваюсь, как прилично мне.
Возможно ль быть самолюбиву так,
Возможно ль быть так глупу — как мужья?..
Да странно, что так много требуют от нас;
Ужель мы созданы блистать красой своею
Для одного лишь в свете?

Алварец

Говорил я
Тебе уж о намеренье своем
Иль нет?..

Донна Мария

А что такое?

Алварец

Слушай:
Хочу я замуж выдать дочь свою;
Боюсь, чтоб не ушла она с Фернандо;
Жених готов: богат он и умен...

Донна Мария

Ах, милый друг, не рано ли?
Нет, погоди — она так молода.

Алварец

Да слушай: ведь жених-то редкий;
Он храбр, в честях, любезен и богат...

Донна Мария

Да хочет ли он сам жениться?

Алварец

Я покажу тебе письмо его,
Оно вот в этом ящике лежало.

ΠΡΟΖΑ

<ВАДИМ>

ЧАСТЬ I

Глава I

День угасал; лиловые облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красные лучи, которые отражались на черепицах башен и ярких главах монастыря. Звонили к вечерне; монахи и служки ходили взад и вперед по каменным плитам, ведущим от кельи архимандрита в храм; длинные, черные мантии с шорохом обметали пыль вслед за ними: и они толкали богомольцев с таким важным видом, как будто бы это была их главная должность. Под дымной пеленою ладана трепещущий огонь свечей казался тусклым и красным; богомольцы теснились вокруг сырых столбов, и глухой, торжественный шорох толпы, повторяемый сводами, показывал, что служба еще не началась.

У ворот монастырских была другая картина. Несколько нищих и увечных ожидали милости богомольцев; они спорили, бранились, делили медные деньги, которые звенели в больших посконных мешках; это были люди, отвергнутые природой и обществом (только в этом случае общество согласно бывает с природой); это были люди, погибшие от недостатка или излишества надежд, олицетворенные упреки провидению; создания, лишенные права требовать сожаления, потому что они не имели ни одной добродетели, и не имеющие ни одной добродетели, потому что никогда не встречали сожаления.

Их одежды были изображения их душ: черные, изорванные. Лучи заката останавливались на головах, плечах и согнутых костистых коленях; углубления в лицах казались чернее обыкновенного; у каждого на челе было написано вечными буквами *нищета!* — хотя бы малейший знак, малейший остаток гордости отделился в глазах или в улыбке!

В толпе нищих был один — он не вмешивался в разговор их и неподвижно смотрел на расписанные Святые врата; он был горбат и кривоног; но члены его казались крепкими и привыкшими к трудам этого позорного состояния; лицо его было длинно, смугло; прямой нос, курчавые волосы; широкий лоб его был желт как лоб ученого, мрачен как облако, покрывающее солнце в день бури; синяя жила пересекала его неправильные морщины; губы, тонкие, бледные, были растягиваемы и сжимаемы каким-то судорожным движением, и в глазах блистала целая будущность; его товарищи не знали, кто он таков;

но сила души обнаруживается везде: они боялись его голоса и взгляда; они уважали в нем какой-то величайший порок, а не безграничное несчастье, демона — но не человека: он был безобразен, отвратителен, но не это пугало их; в его глазах было столько огня и ума, столько неземного, что они, не смея верить их выражению, уважали в незнакомце чудесного обманщика. Ему казалось не больше двадцати восьми лет; на лице его постоянно отражалась насмешка, горькая, бесконечная; волшебный круг, заключавший вселенную; его душа еще не жила по-настоящему, но собирала все свои силы, чтобы переполнить жизнь и прежде времени вырваться в вечность; нищий стоял сложа руки и рассматривал дьявола, изображенного поблекшими красками на Святых вратах, и внутренне сожалел об нем; он думал: «Если б я был черт, то не мучил бы людей, а презирал бы их; сто́ят ли они, чтоб их соблазнял изгнанник рая, соперник Бога!.. другое дело человек; чтоб кончить презрением, он должен начать с ненависти!»

И глаза его блистали под беспокойными бровями, и худые щеки покрывались красными пятнами, все было согласно в чертах нищего: одна страсть владела его сердцем или лучше — он владел одною страстью, но зато совершенно!

— Христа ради, барин, — погорелым, калекам, слепому... Христа ради копеечку! — раздался крик его товарищей; он вздрогнул, обернулся — и в этот миг решила его участь. Что же увидел он? — русского дворянина, Бориса Петровича Палицына. Не больше.

Глава II

Представьте себе мужчину лет пятидесяти, высокого, еще здорового, но с седыми волосами и потухшим взором, одетого в синее полукафтанье с анненским крестом в петлице; ноги его, запряганные в огромные сапоги, производили неприятный звук, ступая на пыльные камни; он шел, с важностью размахивая руками, и наморщивал высокий лоб всякий раз, как докучливые нищие обступали его; двое слуг следовали за ним с подобострастием. Палицын положил серебряный рубль в кружку монастырскую и, оттолкнув нищих, воскликнул:

— Прочь, вы! — лентяи. Экие молодцы — а просят Христа ради; что вы не работаете? — дай бог, чтоб пришло время, когда этих бродяг без стыда будут морить с голоду. Вот вам рубль на всю братию. Только чур не перекусайтесь за него.

Между тем горбатый нищий молча приблизился и устремил яркие черные глаза на великодушного господина; этот взор был остановившаяся молния, и человек, подверженный его таинственному влиянию, должен был содрогнуться и не мог отвечать ему тем же, как будто свинцовая печать тяготела на его веках; если магнетизм существует, то взгляд нищего был сильнейший магнетизм.

Когда старый господин удалился от толпы, он поспешил догнать его.

Палицын обернулся.

— Что тебе надобно?

— Очень мало! — я хочу работы...

С язвительной усмешкой посмотрел старик на нищего, на его

горб и безобразные ноги... но бедняк нимало не смутился и остался хладнокровен, как Сократ, когда жена вылила кувшин воды на его голову, — но это не было хладнокровие мудреца — нищий был скорее похож на дуэлиста, который уверен в меткости руки своей.

— Если ты, барин, думаешь, что я не могу перенести труда, то я тебя успокою на этот счет. — Он поднял большой камень и начал им играть как мячиком; Палицын изумился.

— Хочешь ли быть моим слугою?

Нищий в одну минуту принял вид смирения и с жаром поцеловал руку своего нового покровителя... из вольного он согласился быть рабом — ужели даром? — и какая странная мысль принять имя раба за два месяца до Пугачева.

— Клянусь головою отца моего, что исполню свою обязанность! — воскликнул нищий, и адская радость вспыхнула на бледном лице.

— Твое имя?

— Вадим!

— Прелестное имя для такого уroda!

Слуги подхватили шутку барина и захохотали; нищий взглянул на них с презрением, и неуместная веселость утихла; подлые души завидуют всему, даже обидам, которые показывают некоторое внимание со стороны их начальника.

— Следуй за мной!.. — сказал Палицын, и все оставили монастырь. Часто Вадим оборачивался! на полусветлом небосклоне рисовались зубчатые стены, башни и церковь, плоскими черными городами, без всяких оттенков; но в этом зрелище было что-то величественное, заставляющее душу погружаться в себя, и думать о вечности, и думать о величии земном и небесном, и тогда рождаются мысли мрачные и чудесные, как одинокий монастырь, неподвижный памятник слабости некоторых людей, которые не понимали, что где скрывается добродетель, там может скрываться и преступление.

Глава III

Поздно, поздно вечером приехал Борис Петрович домой; собаки встретили его громким лаем, и только по светящимся окнам можно было узнать строение; ветер, шумя, качал ветелки, насаженные вокруг господского двора, и когда топот конский раздался, то слуги вышли с фонарями навстречу, улыбаясь и внутренне проклиная барина, для которого они покинули свои теплые постели, а может быть, что-нибудь получше. Палицын вошел в дом; в зале было темно; оконницы дрожали от ветра и сильного дождя; в гостиной стояла свеча; эта комната была совершенно отделана во вкусе 18-го века: разноцветные обои, три круглые стола; перед каждым небольшое канапе; глухая стена, находящаяся между двумя высокими печьюми, на которых стояли безобразные статуйки, была вся измалевана; на ней изображался завядшими красками торжественный въезд Петра I в Москву после Полтавы: эту картину можно бы назвать рисованной программой.

Перед ореховым гладким столом сидела толстая женщина, зевая по сторонам, добрая женщина!.. жиреть, зевать, банить служанок,

приказчика, старосту, мужа, когда он в духе... какая завидная жизнь! и все это продолжается сорок лет, и продолжится еще столько же... и будут оплакивать ее кончину... и будут помнить ее, и хвалить ее ангельский нрав, и жалеть... чудо что за жизнь! особенно как сравнишь с нею наши бури, поглощающие целые годы, и что еще ужаснее — обрывающие чувства человека, как листья с дерева, одно за другим.

На скамейке, у ног <Натальи> Сергевны (так я назову жену Палицына), сидела молодая девушка, ее воспитанница. Это был ангел, изгнанный из рая за то, что слишком сожалел о человечестве. Сальная свеча, горящая на столе, озаряла ее невинный открытый лоб и одну щеку, на которой, пристально вглядываясь, можно было бы различить мелкий золотой пушок; остальная часть лица ее была покрыта густой тенью; и только когда она поднимала большие глаза свои, то иногда две искры света отделялись в темноте; это лицо было одно из тех, какие мы видим во сне редко, а наяву почти никогда. Ее грудь тихо колебалась, порой она нагибалась голову, всматриваясь в свою работу, и длинные космы волос вырывались из-за ушей и падали на глаза; тогда выходила на свет белая рука с продолговатыми пальцами; одна такая рука могла бы быть целою картиной!

Борис Петрович взошел; обе встали.

— Я привез нового холопа, — сказал он. — Клад! нищий, который захотел работать! — он не должен быть слишком боек — это видно по лицу, — но зато будет послушен!.. вот ты увидишь сама, — эй! Вадимка! живо.

Взошел безобразный нищий. Госпожа осмотрела его без внимания, как краденый товар...

— Какой урод! — воскликнула она. Но Вадим не слышал — его душа была в глазах.

Долго супруг разговаривал с супругой о жатве, льне и хозяйственных делах; и вовсе забыли о нищем; он целый битый час простоял в дверях; куда смотрел он? что думал? — он открыл новую струну в душе своей и новую цель своему существованию. Целый час он простоял; никто не заметил; <Наталья> Сергевна ушла в свою комнату, и тогда Палицын подошел к ее воспитаннице.

— Как тебе нравится мой новый холоп?

— Урод! — отвечала Ольга, и вдруг ей послышалось что-то похужее на скрежет зубов. — Охота привозить таких пугал, — продолжала она, — нам, бедным пленным птичкам, и без них худо!..

— Оттого худо, что ты не хочешь согласиться, — возразил Борис Петрович и намеревался ее обнять.

Ольга покраснела и оттолкнула его руку; это движение было слишком благородно для женщины обыкновенной.

— Плутовка! если бы ты знала, как ты прекрасна: разве у стариков нет сердца, разве нет в нем уголка, где кровь кипит и клокочет? а было бы тебе хорошо! если бы — выслушай... у меня есть золотые серьги с крупным жемчугом, персидские платки, у меня есть деньги, деньги, деньги...

— У вас нет стыда! — отвечала Ольга; Палицын посмотрел на нее — и вспыхнул; но, услышав шорох в другой комнате, погрозившись, ушел.

— Боже!.. — это восклицание невольно вырвалось из ее груди; это была молитва и упрек.

Безобразный нищий все еще стоял в дверях, сложа руки, нем и недвижим — на его ресницах блеснула слеза: может быть, первая слеза — и слеза отчаяния!.. Такие слезы истощают душу, отнимают несколько лет жизни, могут потопить в одну минуту миллион сладких надежд! они для одного человека — что был Наполеон для вселенной: в десять лет он подвинул нас целым веком вперед.

— Знаешь ли ты своих родителей, Ольга? — сказал Вадим.

— Станный вопрос! — отвечала она.

— Знаешь ли ты их? — повторил он таким голосом, который заставил ее содрогнуться; она посмотрела ему пристально в глаза, как будто припоминая нечто давно, давно прошедшее.

— Я сирота; мой отец меня оставил, когда я была ребенком, и отпавился бог знает куда — верно, очень далеко, потому что он не возвращался. — Чело Вадима омрачилось, и горькая язвительная улыбка придала чертам его, слабо озаренным догорающей свечой, что-то демонское.

— Хочешь ли знать куда?

— Хочу!.. — и влажные глаза ее ярко заблестали.

— Подумай, я для тебя человек чужой — может быть, я шучу, насмехаюсь!.. подумай: есть тайны, на дне которых яд, тайны, которые неразрывно связывают две участи; есть люди, заражающие своим дыханием счастье других; все, что их любит и ненавидит, обречено погибели... берегись того и другого — узнав мою тайну, ты отдашь судьбу свою в руки опасного человека: он не сумеет лелеять цветок этот, он изомнет его...

— Хочу знать непременно... — воскликнула неопытная девушка. Она посмотрела вокруг — нищего уже не было в комнате.

Глава IV

Прошло двое суток — Вадим еще не объявлял своей тайны... Уже ли он только хотел подстрекнуть женское любопытство? если так, то он вполне достиг своей цели. Под разными предложениями, пренебрегая гнев госпожи своей, Ольга отлучалась от скучной работы и старалась встретить где-нибудь в отдаленной пустой комнате Вадима; и странно! она почти всегда находила его там, где думала найти, — и тогда просьбы, ласки, все хитрости были употребляемы, чтобы выманить желанную тайну, — однако он был непреклонен: умел отвести разговор на другой предмет, занимал ее разными рассказами — но тайны не было; она дивилась его уму, его бурному нраву, начинала проникать в его сумрачную душу и заметила, что этот человек рожден не для рабства, — и это заставило ее иметь к нему доверенность; немудрено: власть разлучает гордые души, а неволя соединяет их.

Однажды она взяла его за руку.

— Не правда ли, я очень безобразен! — воскликнул Вадим. Она пустила его руку. — Да, — продолжал он. — Я это знаю сам. Небо не хотело, чтоб меня кто-нибудь любил на свете, потому что оно создало

меня для ненависти; завтра ты все узнаешь: на что мне беречь тебя? О, если б... не укоряй за долгое молчанье. Быть может, настанет время и ты подумаешь: зачем этот человек не родился немым, слепым и глухим, если он мог родиться кривобоким и горбатым?..

Поведение Вадима с прочими слугами было непонятно, потому что его цели никто не знал; я объясню его сколько можно следующим разговором; на крыльце дома сидело двое слуг, один старый, другой лет двадцати; вот слова их:

— Заметь, Федька, что кто из грязи вышел, тот лезет в золото! — как этот Вадимка загордился — эдакой урод — мне никогда никакого уважения не делает — когда сам приказчик меня всегда отличает, — да и к барину как умеет он подольститься: словно шенок! Экой век стал нехристианской.

— Не скажу, дядя Ипат!.. он всегда со мной ласков — парень лихой; с ним держи ухо остро; тотчас на удочку подцепит — вот, например, вчера...

— Что вчера?

— Я тебе расскажу эту штуку, дядя... слушай... вчера барин разгневался на Олешку Шушерина и приказал ему влепить двадцать пять палок; повели Олешку на конюшню — сам приказчик и стал его бить; двадцать пять раз ударил, да и говорит: «Это за барина — а вот за меня», — и занес руку; Вадим все это время стоял поодаль, в углу: брови его сходились и расходились. В один миг он подскочил к приказчику и сшиб его на землю одним ударом. На губах его клубилась пена от бешенства, он хотел что-то вымолвить — и не мог.

— Жаль! — возразил старик, — не доживет этот человек до седых волос. — Он жалел от души, как мог, как обыкновенно жалеют старики о юношах, умирающих преждевременно, во цвете жизни, которых смерть забирает вместо их, как буря чаще ломает тонкие высокие деревья и щадит пни столетние.

Зачем Вадим старался приобрести любовь и доверенность молодых слуг? — на это отвечаю: происшествия, мною описываемые, случились за два месяца до бунта пугачевского.

Умы предчувствовали переворот и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь <его> могла смыть эти постыдные летописи. Люди, когда страдают, обыкновенно покорны; но если раз им удалось сбросить ношу свою, то ягненок превращается в тигра; притесненный делается притеснителем и платит сторицею — и тогда горе побежденным!..

Русский народ, этот сторукий исполин, скорее перенесет жестокость и надменность своего повелителя, чем слабость его; он желает быть наказываем — но справедливо, он согласен служить — но хочет гордиться своим рабством, хочет поднимать голову, чтоб смотреть на своего господина, и простит в нем скорее излишество пороков, чем недостаток добродетелей! В 18 столетии дворянство, потеряв уже прежнюю неограниченную власть свою и способы ее поддерживать, — не умело переменить поведения: вот одна из тайных причин, породивших пугачевский год!

[Глава V]

Но обратимся к нашему рассказу.

Дом Бориса Петровича стоял на берегу Суры, на высокой горе, кончающейся к реке обрывом глинистого цвета; кругом двора и вдоль по берегу построены избы дымные, черные, наклоненные, вытягивающиеся в две линии по краям дороги, как нищие, кланяющиеся прохожим; по ту сторону реки видны в отдалении березовые рощи и еще далее лесистые холмы с чернеющими елями, налево низкий берег, усыпанный кустарником, тянется гладкою покатостью — и далеко, далеко синеют холмы, как волны. Вечернее солнце порою играло на тесовой крыше и в стеклах золотыми переливами, раскрашенные резные ставни, колеблемые ветром, стучали и скрип<ели>, качаясь на ржавых петлях. Вокруг старинного дома обходит деревянная резной работы голодарейка, служащая вместо балкона; здесь, сидя за работой, Ольга часто забывала свое шитье и наблюдала синие странствующие воды и барки с белыми парусами и разноцветными флюгерями. Там люди вольны, счастливы! каждый день видят новый берег — и новые надежды! Песни крестьян, идущих с сенокоса, отдаленный колокольчик часто развлекали ее внимание — кто едет, купец? барин? почта? — но на что ей!.. не все ли равно... и все-таки не худо бы узнать.

Какая занимательная, полная жизнь, не правда ли?

Теперь она попала из одной крайности в другую: теперь, завернувшись в черную бархатную шубейку, обшитую заячьим мехом, она, трепеща, отворяет дверь на голодарейку. Чего тебе бояться, неопытная девушка: Борис Петрович уехал в город, его жена в монастырь слушать поучения монахов и новости из уст богомолок, не менее ею уважаемых.

Кто идет ей навстречу. Это Вадим. Она вздрогнула; она побледнела, потому что настала роковая минута.

— Что с тобою, — сказал он.

— Ничего...

— А! понимаю! — он закусил губы, — ты меня испугалась...

— Зачем мне бояться тебя, — отвечала гордо Ольга.

— Тем лучше! — продолжал он, — ...это уже много значит — так я тебе не страшен! не отвратителен... о мой создатель! вот великое блаженство! право, мне кажется это первое... — он остановился...

— Послушай, что, если душа моя хуже моей наружности? но разве я виноват... я ничего не просил у людей, кроме хлеба, — они прибавили к нему презрение и насмешки... я имел небо, землю и себя, я был богат всеми чувствами... видел солнце и был доволен... но постепенно все исчезло: одна мысль, одно открытие, одна капля яда — берегись этой мысли, Ольга...

— Для чего мы здесь, — спросила она с нетерпением.

— Я здесь для того, чтобы тебя видеть.

— А я совсем не для того...

— Опять, опять! — воскликнул Вадим. — Послушай, если хочешь чего-нибудь добиться от меня, то не намекай о моем безобразии: я завистлив, я зол, я все, что ты хочешь... но пощади меня. — Он закрыл лицо обеими руками. Ей стало жалко: этот человек, одаренный вели-

чайшим самолюбием, просил у нее, слабой девушки, у нее, еще более чем он, беззащитной, сожаления — или нет... меньше... он просил, чтоб она его не оскорбляла.

Такие речи иногда трогают женское сердце.

Она прервала неприятное молчание:

— Ты говорил, Вадим, что знаешь, где мой отец?..

Он задумался:

— Обещай никогда не укорять меня за то, что я тебе открыл свою тайну.

— Никогда.

— Слушай же: твой отец был дворянин — богат — счастлив — и, подобно многим, кончил жизнь на соломе... ты вздрогнула, но это еще ничего!..

— О, если это ничего — то не продолжай.

— Нет, слушай: у него был добрый сосед, его друг и приятель, занимавший первое место за столом его, товарищ на охоте, ласкавший детей его, — сосед искренний, простосердечный, который всегда стоял с ним рядом в церкви, снабжал его деньгами в случае нужды, ручался за него своею головою — что ж... разве этого не довольно для погибели человека? — погоди... не бледней... дай руку: огонь, текущий в моих жилах, перельется в тебя... слушай далее: однажды на охоте собака отца твоего обскакала собаку его друга; он посмеялся над ним: с этой минуты началась непримиримая вражда — пять лет спустя твой отец уж не смеялся. Горе тому, кто наказал смех этот слезами! Друг твоего отца отрыл старинную тяжбу о землях, и выиграл ее, и отнял у него все имение; я видел отца твоего перед кончиной; его седая голова, неподвижная, сухая, подобная белому камню, остановила на мне пронзительный взор, где горела последняя искра жизни и ненависти... и мне она осталась в наследство; а его проклятие живо, живо и каждый год пускает новые отрасли, и каждый год все более окружает свою тенью семейство злодея... я не знаю, каким образом все это сделалось... но кто, ты думаешь, кто этот нежный друг? — как, небо!.. в продолжение семнадцати лет ни один язык не шепнул ей: этот хлеб куплен ценою крови — твоей — его крови! — и без меня, существа бедного, у которого вместо души есть одно только ненасытимое чувство мщения, без уродливого нищего, это невинное сердце билось бы для него одною благодарностью.

— Вадим, что сказал ты?

— Благодарность! — продолжал он с горьким смехом. — Благодарность! Слово, изобретенное для того, чтоб обманывать честных людей!.. слово, превращенное в чувство! — о премудрость небесная!.. как легко тебе из ничего сделать святейшее чувство!.. нет, лучше издохнуть с голода и жажды в какой-нибудь пустыне, чем быть орудием безумца и лизать руку, кидающую мне остатки пира... о, благодарность!

И он ходил взад и вперед скорыми шагами, сжав крестом руки, — и, казалось, забыл, что не сказал имени коварного злодея... и, казалось, не замечал в лице несчастной девушки страх неизвестности и ожидания... он был весь погребен сам в себе, в могиле, откуда также никто не выходит... в живой могиле, где также есть червь, грызущий вечно и вечно ненасытный.

Безобразные черты Вадима чудесно оживились, гений блистал на челе его, — и глаза если б остановились в эту минуту на человеке, то произвели бы действие глаз василиска: но они были обращены вверх!..

— Я отгадала! — воскликнула молодая девушка, подойдя с твердостью к Вадиму... — я поняла тебя!.. это Борис Петрович...

Она в самом деле отгадала: великие души имеют особенное преимущество понимать друг друга; они читают в сердце подобных себе, как в книге, им давно знакомой; у них есть приметы, им одним известные и темные для толпы; одно слово в устах их иногда целая повесть, целая страсть со всеми ее оттенками.

Палицын был тот самый ложный друг, погубивший отца юной Ольги и взявший к себе дочь, ребенка трех лет, чтобы принудить к молчанию некоторых дворян, осуждавших его поступок; он воспитал ее как рабу, а хвалился своею благотворительностию; десять лет тому назад он играл ее кудрями, забавлялся ее ребячествами и теперь в мыслях готовил ее для постыдных удовольствий. Это было также мщение в своем роде... кто бы подумал!.. столько страданий за то, что одна собака обогнала другую... как ничтожны люди! как верить общему мнению! Палицын слыл честнейшим человеком во всем околотке — и точно! он погубил только одно семейство.

Я сказал, что великие души понимают друг друга, потому-то Вадим смотрел на нее без удивления, но с тайным восторгом.

Она схватила его за руку и повлекла в комнату, где хрустальная лампада горела перед образами, и луч ее сливался с лучом заходящего солнца на золотых окладах, усыпанных жемчугом и камнями; перед иконой Богоматери упала Ольга на колени, спина и плечи ее отделяемы были бледнеющим светом зари от темных стен, а красноватый блеск дрожащей лампы озарял ее лицо вдохновенное, прекрасное, слишком прекрасное для чувств, которые бунтовали в груди ее; Вадим не сводил глаз с этого неземного существа, как будто был счастлив.

Ольга сорвала с шеи богатое ожерелье и бросила его на землю.

— Так уничтожаю последний остаток признательности... Боже! Боже! я невиновна... ты, ты сам дал мне вольную душу, а он хотел сделать меня рабой, своей рабой!.. невозможно! невозможно женщине любить за такое благодеяние... терпеть, страдать я согласна... но не требуй более; Боже! если б ты теперь мне приказал почитать его своим благодетелем — я и тебя перестала бы любить!.. моя жизнь, моя судьба принадлежат тебе, Создатель, и кому ты хочешь — но сердце в моей власти!..

Слезы покатались из глаз ее, она склонила голову, рука ее дрожала в руке Вадима...

— Я твой брат! — воскликнул он вне себя.

Она обернулась, встала... как будто не поняла... как будто ужаснулась... Руки ее опустились, как руки умершей, и сомкнутые уста удерживали дыхание.

— Я твой брат! — повторил он дрожащим, страшным голосом.

Она молчала.

Вадим взглянул на нее в последний раз, схватил себя за голову и вышел; и, выходя, остановился у двери... и в продолжение одной ми-

нуты он думал раздробить свою голову об косяк... но эта безумная мысль скоро пролетела... он вышел.

— Брат! — сказала Ольга, смотря ему вслед. — Брат!

И без сил она упала на стул.

Глава VI

Борис Петрович был чрезвычайно доволен своим горбачом (так в доме называли Вадима). Горбач везде почти следовал за ним, на охоту, в поле, на пашню, — исполнял его малейшие желания, предугадывал их. Одним словом, делал все, чем мог приобрести доверенность, — и если ему удавалось, то неизъяснимая радость процветала на этом суровом лице, которое выражало все чувства, все, кроме одного, любимого сокровища, хранимого на черный день. Если Борис Петрович хотел наказать кого-нибудь из слуг, то Вадим намекал ему всегда, что есть наказания, которые жесточе, и что вина гораздо больше, нежели Палицын воображал; а когда недосказанный совет его был исполнен, то хитрый советник старался возбудить неудовольствие дворни, взглядом, движениями помогал им осуждать господина; но никогда ничего не говорил такого, что бы могло быть пересказано ко вреду его — к неудовольствию рабов или помещика. Он был враждебный Гений этого дома...

Однажды, не знаю зачем, Палицын велел его позвать; искали горбача — не нашли. Так это и осталось.

День был жаркий, серебряные облака тяжелели ежечасно; и синие, покрытые туманом, уже показывались на дальнем небосклоне; на берегу реки была развалившаяся баня, врытая в гору и обсаженная высокими кустами кудрявой рябины; около нее валялись груды кирпичей, между коими вырастала высокая трава и желтые цветы на длинных стебельках. Тут сидел Вадим; один, облокотясь на свои колена и поддерживая голову обеими руками; он размышлял; тени рябиновых листьев рисовались на лице его непостоянными арабесками и придавали ему вид таинственный; золотой луч солнца, скользнув мимо соломенной крыши, упал на его коленку, и Вадим, казалось, любовался воздушной пляской пылинок, которые кружились и подымались к солнцу.

Вчера он открылся Ольге; наконец, он нашел ее, он встретился с сестрой, которую оставил в колыбели; наконец... о! чудна природа; далеко ли от брата до сестры? — а какое различие!.. эти ангельские черты, эта демонская наружность... Впрочем, разве ангел и демон произошли не от одного начала?..

Однако Вадим заметил в ней семейственную гордость, сходство с его душой, которое обещало ему много... обещало со временем и любовь ее... эта надежда была для него нечто новое; он хотел ею завладеть, он боялся расстаться с нею на одно мгновение... и вот зачем он удалился в уединенное место, где плеск волны не мог развлечь думы его; он не знал, что есть цветы, которые чем более за ними ухаживают, тем менее отвечают стараниям садовника; он не знал, что, слишком привязавшись к мечте, мы теряем существенность; а в его существовании было одно мщение.

Постепенно мысли его становились туманнее; и он полусонный

лег на траву — и нечаянно взор его упал на лиловый колокольчик, над которым вились две бабочки: одна серая с черными крапинками, другая испещренная всеми красками радуги; как будто воздушный цветок или рубин с изумрудными крыльями, отделанный в золото и оживленный какою-нибудь волшебницей; оба мотылька старались сесть на лиловый колокольчик и мешали друг другу, и когда один был близко, то ветер относил его прочь; наконец, разноцветный мотылек остался победителем; уселся и спрятался в лепестках; напрасно другой кружился над ним... он был принужден удалиться. У Вадима был прутик в руке; он ударил по цветку и убил счастливое насекомое... и с каким-то восторгом наблюдал его последний трепет!..

И бог знает отчего в эту минуту он вспомнил свою молодость, и отца, и дом родной, и высокие качели, и пруд, обсаженный ветлами... все, все... и отец его представился его воображению таков, каким он возвратился из Москвы, потеряв свое дело... и принужденный продать все, что у него осталось, дабы заплатить стряпчим и суду. И потом он видел его лежащего на жесткой постели в доме бедного соседа... казалось, слышал его тяжелое дыхание и слова: отомсти, сын мой, извергу... чтоб никто из его семьи не порадовался краденым куском... и вспомнил Вадим его похороны: необитый гроб, поставленный на телеге, качался при каждом толчке; он с образом шел вперед... дьячок и священник сзади; они пели дрожащим голосом... и прохожие снимали шляпы... вот стали опускать в могилу, канат заскрипел, пыль взвилась...

Кровь кинулась Вадиму в голову, он шепотом повторил роковую клятву и обдумывал исполнение; он готов был ждать... он готов был все выносить... но сестра! если... о! тогда и она поможет ему... и без трепета он принял эту мысль; он решился завлечь ее в свои замыслы, сделать ее орудием... решился погубить невинное сердце, которое больше чувствовало, нежели понимало... странно! он любил ее; или не почитал ли он ненависть добродетелью?..

Вдруг над ним раздался свист арапника, и он почувствовал сильную боль во всей руке своей; как тигр вскочил Вадим... перед ним стоял Борис Петрович и осыпал его ругательствами.

Кланяясь, слушал он и с покорным видом последовал за Палицыным в дом, где слуги встретили его с насмешливыми улыбками, которые говорили: пришел и твой черед.

С этих пор Вадим ни разу не забывал своей должности.

Глава VII

Под вечер приехали гости к Палицыну; Наталья Сергевна разрядилась в фижмы и парчовое платье, распудрилась и разругмянилась; стол в гостиной устали вареньями, ягодами сушеными и свежими; Геннадий Василич Горинкин, богатый сосед, сидел на почетном месте, и хозяйка поминутно подносила ему тарелки с слястями; он брал из каждой понемножку и важно обтирал себе губы; он был высокого роста, белокур и вообще довольно ловок для деревенского жителя того века; и это потому, быть может, что служил в лейб-камpanцах; двадцати пяти лет вышед в отставку, он женился и нажил себе двух доче-

рей и одного сына; Борис Петрович занимал его разговорами о хозяйстве, о Москве и проч., бранил новое, хвалил старое, как все старики, ибо вообще если человек сам стал хуже, то все ему хуже кажется; поздно вечером, истощив разговор, они не знали, что начать; зевали в руку, вертелись на местах, смотрели по сторонам; но заботливый хозяин тотчас нашелся.

— Малой! Египетского, — закричал он, в восторге от своей мысли; принесли две фляги и две большие серебряные кружки; начали пить, потом спорить, хохотать и целоваться; щеки их разгорелись, и воображение, охлажденное годами, закипело.

— Потешить ли тебя, сосед любезный! — воскликнул Палицын.

— А что?

— Да уж то, что твоей милости и в голову не придет; любишь ли ты пляску?.. а у меня есть девочка — чудо... а как пляшет!.. жжет, а не пляшет!.. я не монах, и ты не монах, Васильич...

— Избави Христос...

— И точно так!..

— Ну что же?

— Да уж то!.. мать моя, женушка, Наталья Сергевна, вели Оленьке принарядиться в шелковый святошный сарафан да выйти поплясать; а других пришли петь, да песельников-то нам побольше, знаешь, чтоб лихо... — он захохотал, сам, верно, не зная чему, и начал потирать руки, заране наслаждаясь успехом своей выдумки; этот человек, обыкновенно довольно угрюмый, теперь был совершенный ребенок.

Наталья Сергевна приказала собираться песельникам, а сама вышла искать Ольгу.

Где была Ольга?

В темном углу своей комнаты она лежала на сундуке, положив под голову свернутую шубу; она не спала; она еще не опомнилась от вчерашнего вечера, укоряла себя за то, что слишком неласково обошлась с своим братом... но Вадим так ужаснул ее в тот миг! Она думала целый день идти к нему, сказать, что она точно достойна быть его сестрой и не обвиняет за излишнюю ненависть, что оправдывает его поступок и удивляется чудесной смелости его.

Со свечой в руке вошла Наталья Сергевна в маленькую комнату, где лежала Ольга; стены озарились, увешанные платьями и шубами, и тень от толстой госпожи упала на столик, покрытый пестрым платком; в этой комнате протекала половина жизни молодой девушки, прекрасной, пылкой... здесь ей снились часто молодые мужчины, стройные, ласковые, снились большие города с каменными домами и златоглавыми церквями; здесь, когда зимой шумела метелица и снег белыми клоками упал на тусклое окно и собирался перед ним в высокий сугроб, она любила смотреть, завернутая в теплую шубейку, на белые степи, серое небо и ветлы, обвешанные инеем и колеблемые взад и вперед; и тайные, неизъяснимые желания, какие бывают у девушки в семнадцать лет, волновали кровь ее; и досада заставляла плакать, вырывала иголку из рук.

— Вставай, Ольга! — закричала Наталья Сергевна, сердито толкнув ее.

Ольга вскочила и зажмурилась, встретив свечу прямо перед глазами.

— Что спала, ленивая...

— У меня голова болит!

— Вздор! девчонка молодая... и смеет голова болеть! просто лень, уж так бы и говорила... а то еще лжет... отвечай: спала, лентяйка?

— Я никогда не лгу.

— Как! еще смеет отвечать, когда я говорю! спорить! ах грубиянка; да не я ли тебя выкормила и воспитала, да не я ли тебя от нищего отца-негодяя взяла на свои руки... неблагодарная! — нет! этот народ никогда не чувствует благодарений! как волка ни корми, а все в лес глядит... да не смей строить рож, когда я браню тебя!.. стой прямо и не морщись, — ты забываешь, кто я?..

Ольга хотела что-то сказать, но удержалась; презрение изобразилось на лице ее; мрачный пламень, пробужденный в глазах, потерялся в опущенных ресницах; она стояла, опустив руки, с колеблющею грудью и обнаженными плечами, и неподвижно внимала обидным изречениям, которые рассердили, испугали бы другую.

— Поди надень шелковый сарафан и выходи плясать... чтоб голова не болела... слышишь... скорей же!.. да не больно финти перед Борисом Петровичем!.. а не то я тебе дам знать!.. ведь вы все ради заманить барскую милость... берегись...

Ольга молчала — но вся вспыхнула... и если б Наталья Сергевна не удалилась, то она не вытерпела бы далее; слезы хотели брызнуть из глаз ее, но женщина иногда умеет остановить слезы... Как! ее подозревают, упрекают? — и в чем! — о! где ее брат! пускай придет он и выслушает ее клятву помогать ему во всем, что дышит местию и разрушением; пускай посвятит он ее в это грозное таинство, — она готова!..

Теперь она будет уметь отвечать Вадиму, теперь глаза ее вынесут его испытывающие взгляды, теперь горькая улыбка не уничтожит ее твердости; эта улыбка имела в себе что-то неземное; она вырывала из души каждое благочестивое помышление, каждое желание, где таилась искра добра, искра любви к человечеству; встретив ее, невозможно было устоять в своем намеренье, какое бы оно ни было; в ней было больше зла, чем люди понимать способны.

Ольгу ждут в гостиной, Борис Петрович сердится; его гость поминутно наливает себе в кружку и затягивает плясовую песню... наконец, она взошла: в малиновом сарафане, с богатой повязкой; ее темная коса упала между плечьями до половины спины; круглота, безлизна ее шеи были удивительны; и маленькая ножка, показываясь по временам, обещала тайные совершенства, которых ищут молодые люди, глядя на женщину как на орудие своих удовольствий; впрочем, маленькая ножка имеет еще другое значение, которое я бы открыл вам, если б не боялся слишком удалиться от своего рассказа.

Она взошла... и встретила пьяные глаза, дерзко разбирающие ее прелести; но она не смутилась; не покраснела; тусклая бледность ее лица изобличала совершенное отсутствие беспокойства, совершенную преданность судьбе; в этот миг она жила половиною своей жизни; она походила на испорченный орган, который не играет ни начала, ни конца прекрасной песни.

Хор затынул плясовую.

— Начинай же, Оленька! — закричал Палицын, — не стыдись!..

Она вздрогнула; ей пришло на мысль, что она будет плясать перед убийцею отца своего; эта мысль как молния ворвалась в ее душу и озарила там следы минувшего; и все обиды, все несправедливости, унижения рабства, одним словом — жизнь ее встала перед ней, как остов из гроба своего; и она почувствовала его упрек...

Если б можно было изобразить страдание этого нежного существа, то трудно бы вы поверили, что она не лишилась рассудка!.. потому что ее ресницы были сухи и сжатые дрожащие губы не пропустили ни одного вздоха. «Что же! красotka моя, начинай!.. небось — ты так хороша сегодня!..» — кричали оба помещика; что за лестное поощрение! не правда ли.

Ольга окинула взором всю комнату, надеясь уловить хотя одно сожаление... неуместная надежда; подлая покорность, глупая улыбка встретили ее со всех сторон — рабы не сожалели об ней, — они завидовали! «Пускай завидуют, — подумала Ольга, — это будет им наказание».

Она начала плясать.

Движения Ольги были плавны, небрежны; даже можно было заметить в них некоторую принужденность, ей несвойственную, но скоро она забылась; и тогда душевная буря вылилась наружу; как поэт, в минуту вдохновенного страданья бросая божественные стихи на бумагу, не чувствует, не помнит их, так и она не знала, что делала, не заботилась о приличии своих движений, и потому-то они обворожили всех зрителей; это было не искусство — но страсть.

И вдруг она остановилась, опомнилась, опустила пылающие глаза, голова ее кружилась; все предметы прыгали перед нею, громкие напевы слились для нее в один звук, нестройный, но решительный, в один звук воспоминания...

Она посмотрела вокруг, ужаснулась, махнула рукой и выбежала.

Борис Петрович встал и, качаясь на ногах, последовал за нею; раскаленные щеки его обнаруживали преступное желание, и с дрожащих губ срывались несвязные слова, но слишком ясные для окружающих.

Дверь в комнату Ольги была затворена; он дернул, и крючок расскочился; она стояла на коленях, закрыв лицо руками и положив голову на кровать; она не слыхала, как он взошел, потому что произнесла следующие слова: «Отец мой! не вини меня!..»

— Теперь ты не вывернешься! — воскликнул, захохотавши, Борис Петрович, — я человек добрый — и ты человек добрый; следовательно...

Она вскочила и, устремив на него мутный взор, казалась, не понимала этих слов; он взял ее за руку; она хотела вырваться — не могла; сев на постель, он притянул ее <к> себе и начал целовать в шею и грудь; у нее не было сил защищаться; отвернув лицо, она предавалась его буйным ласкам, и еще несколько минут — она бы погибла.

Но вдруг раздался шум и вбежала хозяйка; между достойными супругами начался крик, спор... однако Наталье Сергевне благодаря винным парам удалось вывести мужа; долго еще слышен был хриплый бас его и пронзительный дишкант Натальи Сергевны; наконец, все утихло — и Ольга тогда только уверилась, что все ее оставили.

Она слышала, как стучало ее испуганное сердце, и чувствовала странную боль в шее; бедная девушка! немного повыше круглого плеча ее виделось красное пятно, оставленное губами пьяного старика... Сколько прелестей было измято его могильными руками! сколько ненависти родилось от его поцелуев!.. встал месяц; скользя вдоль стены, его луч пробрался в тесную комнату, и крестообразные рамы окна отделились на бледном полу... и этот луч упал на лицо Ольги — но ничего не прибавил к ее бледности, и красное пятно не могло утонуть в его сиянье... в это время на стенных часах в приемной пробило одиннадцать.

Глава VIII

Где скрывался Вадим весь этот вечер? — на темном чердаке, протертый на соломе, лицом кверху, сложив руки, он уносился мыслию в вечность, — ему снилось наяву давно желанное блаженство: свобода; он был дух, отчужденный от всего живущего, дух всемогущий, не желающий, не сожалеющий ни об чем, завладевший прошедшим и будущим, которое представлялось ему пестрой картиной, где он находил много смешного и ничего жалкого. Его душа расширялась, хотела бы вырваться, обнять всю природу и потом сокрушить ее, — если это было желание безумца, то по крайней мере великого безумца; что такое величайшее добро и зло? — два конца незримой цепи, которые сходятся, удаляясь друг от друга.

Чудные звуки разрушили мечтания Вадима: то были отрывистые звуки плясовой песни, смешанные с порывами северного ветра; Вадим привстал; луна ударяла прямо в слуховое окно, и свет ее, захватывая несколько измятых соломинок, упал на противную стену, так что Вадим легко мог рассмотреть на ней все скважины, каждый клочок моха, высунувшийся между брусьями; долго он не сводил глаз с этой стены, долго внимал звукам отдаленной песни... наконец, они умолкли, облако набежало на полный месяц... Вадим упал на постель свою; и безотчетное страдание овладело им; он ломал руки, вздыхал, скрежетал зубами... неизвестный огонь бежал по его жилам, череп готов был треснуть... о! давно ли ему было довольно одной ненависти!..

Маленькая дверь скрипнула и открылась; ему послышался легкий шум шагов.

— Брат! — сказал кто-то очень тихо.

Вадим затрепетал. Между тем облако пробежало, и луна озарила одно плечо и половину лица Ольги; она стояла близ него на коленях.

— Все понимаю, — воскликнул он, прочитавши в ее взоре ужасное беспокойство.

— Точно? — отвечала Ольга изменившимся голосом, — точно? Я пришла тебя обрадовать, друг мой!..

«Друг мой!» — впервые существо земное так называло Вадима; он не мог разом обнять все это блаженство; как безумный схватил он себя за голову, чтобы увериться в том, что это не обман сновидения; улыбка остановилась на устах его — и душа его, обогащенная целым чувством, сделалась подобна временщику, который, получив милли-

он и не умея употребить его, прячет в железный сундук и стережет свое сокровище до конца жизни.

Эти два слова так сильно врезались в его душу, что несколько дней спустя, когда он говорил с самим собою, то не мог удержаться, чтоб не сказать: «Друг мой...»

Если мне скажут, что нельзя любить сестру так пылко, вот мой ответ: любовь — везде любовь, то есть самозабвение, сумасшествие, назывите как вам угодно; и человек, который ненавидит все и любит единое существо в мире, кто бы оно ни было, мать, сестра или дочь, его любовь сильнее всех ваших произвольных страстей. Его любовь сама по себе в крови чужда всякого тщеславия... но если к ней примешается воображение, то горе несчастному! — по какой-то чудной противоположности, самое святое чувство ведет тогда к величайшим злодействам; это чувство, наконец, делается так велико, что сердце человека уместить в себе его не может и должно погибнуть, разорваться или одним ударом сокрушить кумир свой; но часто самолюбие берет перевес, и божество падает перед смертным.

— Брат! слушай, — продолжала Ольга, — я все обдумала и решилась сделать первый шаг на пути, по которому ни тебе, ни мне не возвратиться. Все равно... они все ведут к смерти; но я не позволю низкому, бездушному человеку почитать меня за свою игрушку... ты или я сама должна это сделать; сегодня я перенесла обиду, за которую хочу, должна отомстить... брат! не отвергай моей клятвы... если ты ее отвергнешь, то берегись... я сказала, что не перенесу этого... ты будешь добр для меня; ты примешь мою ненависть, как дитя мое; станешь лелеять его, пока оно вырастет и созреет и смоеет мой позор страданиями и кровью... да, позор... он, убийца, обнимал, целовал меня... хотел... не правда ли, ты готовишь ему ужасную казнь?..

Вадим дико захохотал и, стараясь умолкнуть, укусил нижнюю губу свою так крепко, что кровь потекла; он похож был в это мгновенье на вампира, глядящего на издыхающую жертву.

— Клянусь этим Богом, который создал нас несчастными, клянусь его святыми таинствами, его крестом спасительным — во всем, во всем тебе повиноваться, — я знаю, Вадим, твой удар не будет слаб и неверен, если я сделаюсь орудием руки твоей! о! ты великий человек!

— Да — теперь, потому что ты меня любишь!..

Она ничего не отвечала.

— Успокойся, опомнись, — сказал Вадим... — ты меня еще не знаешь, но я тебе открою мои мысли, разверну все мое существование, и ты его поймешь. Перед тобой я могу обнажить странную душу мою: ты не слабый челнок, не способный переплыть это море; волны и бури его тебя не испугают; ты рождена посреди этой стихии; ты не утонешь в ее бесконечности!..

Помню, как после смерти отца я покидал тебя, ребенка в колыбели, тебя, не знавшую ни добра, ни зла, ни заботы — а в моей груди уже бродила страсть пагубная, неусыпная; ты протянула ко мне свои ручонки, улыбалась... будто просила о защите... а я не имел своего куска хлеба.

Меня взяли в монастырь — из сострадания — кормили, потому что я был не собака и нельзя было меня утопить; в стенах обители я

провел мои лучшие годы; в душных стенах, оглушаемый звоном колоколов, пеньем людей, одетых в черное платье и потому думающих быть ближе к небесам, притесняемый за то, что я обижен природой... что я безобразен. Они заставляли меня благодарить Бога за мое безобразие, будто бы он хотел этим средством удалить меня от шумного мира, от грехов... Молиться!.. у меня в сердце были одни проклятия! часто вечером, когда розовые лучи заходящего солнца играли на главах церквей и медных колоколах, я выходил из Святых врат и с холма, где стояла развалившаяся часовня, любовался на тюрьму свою; она издали была прекрасна! Облака призывали мое воображение к себе на воздушные крылья, но насмешливый голос шептал мне: ты способен обнять свою мыслью все сотворенное; ты мог бы силою души разрушить естественный порядок и восстановить новый, для того-то я тебя не выпущу отсюда; довольно тебе знать, что ты можешь это сделать!..

Никто в монастыре не искал моей дружбы, моего сообщества; я был один, всегда один; когда я плакал — смеялись, потому что люди не могут сожалеть о том, что хуже или лучше их; все монахи, которых я знал, были обыкновенные, полудобрые существа, глупые от рожденья или от старости, не способные ни к чему, кроме соблюдения постов... Я желал возненавидеть человечество — и поневоле стал презирать его; душа ссыхалась; ей нужна была свобода, степь, открытое небо... ужасно сидеть в белой клетке из кирпичей и судить о зиме и весне по узкой тропинке, ведущей из келий в церковь; не видать ясное солнце иначе как сквозь длинное решетчатое окно и не сметь говорить о том, чего нет в такой-то книге...

Можно прийти в отчаянье!

Однажды, Ольга, я заметил безногого нищего, который, не вмешиваясь в споры товарищей, сидел на земле у Святых ворот и только постукивал камнем о камень, и когда вылетала искра, то чудная радость покрывала незначашее его лицо. Я подошел к нему и сказал:

— Ты очень благоразумен, любезный, тем, что не мешаешься в их ссору.

— Я без ног, — отвечал он с недовольным видом; это меня поразило: я ошибся! — однако продолжал свои вопросы.

— Что был ты прежде, купец или крестьянин?

— Нищий! — отвечал он, — рожден нищим и умру нищим; только разница в том, что я рожден с ногами, а умру безногий!

— Отчего же?

— Отчего! — тут он призадумался; потом продолжал равнодушно: — Я был проводником одного слепого; нас было много; когда слепой умер, то я стал лишним. Мне переломали руки и ноги, чтоб я не даром кормился и был полезен; теперь меня возят на тележке — и дают деньги.

— Знал ли ты своих родителей? — спросил я поспешно.

— Как же!

— А кто были они?

— Нищие! — тут он улыбнулся; не знаю, что было в его улыбке, насмешка над судьбой или надо мною, потому что я слушал его с видом полной доверенности.

«Итак, есть состояние, в котором безобразие не порок», — подумал я. На другой день бежал из монастыря и сделался нищим.

Вадим остановился.

— Понимаю тебя! — воскликнула Ольга и пожала ему руку.

— Я это знал!.. разве ты не сестра мне? — возразил Вадим.

— Послушай, верно само небо хочет, чтобы мы отомстили за бедного отца; как оно согласило все обстоятельства, как оно привело тебя к цели...

— Небо или ад... а может быть, и не они; твердое намерение человека повелевает природе и случаю; хотя с тех пор, как я сделался нищим, какой-то бешеный демон поселился в меня, но он не имел влияния на поступки мои; он только терзал меня; воскрешал умершие надежды, жажду любви, он странствовал со мною рядом по берегу мрачной пропасти, показывая мне целый рай в отдалении; но чтоб достигнутьрая, надобно было перешагнуть через бездну. Я не решился; кому завещать свое мщение? кому его уступить?

Долго я бродил без крова и пристанища, преданный зимним метелям, как южная птица, отставшая от подруг своих, долго жить — было целью моей жизни.

Но судьба мне послала человека, который случайно открыл мне, что ты воспитываешься у Палицына, что он богат, доволен, счастлив — это меня взорвало!.. я не хотел, чтоб он был счастлив, — и не будет отныне; в этот дом я принес с собою моего демона; его дыхание чума для счастливых, чума... сестра, ты мне простишь... о! я преступник... вижу, и тобой завладел этот злой дух и в тебе поселилась эта болезнь, которая портит жизнь и поддерживает ее. Ты, земной ангел, без меня не потеряла бы свою беспечность... теперь все кончено... от моего прикосновения увяли твои надежды... махни рукой твоему спокойствию... цветы не растут посреди бунтующего моря; где есть демон, там нет Бога...

— Как! — воскликнула Ольга, — неужели ты раскаиваешься!.. правда, я женщина — но разве всякая женщина променяет печали и беспокойства на блистательный позор... блистательный! о! быть любовницей старика, злодея моего семейства... ты желал этого, Вадим, не правда ли?

— Нет — я тогда убил бы тебя...

— А теперь кто мешает?

— Теперь? теперь... — он опустил глаза в землю и замолк; глубокое страданье было видно в следующих словах, — теперь, убить тебя! теперь, когда у меня есть слезы, когда я могу плакать на твоих коленях... плакать! о! это величайшее наслаждение для того, чей смех мучительнее всякой пытки!.. нет, я еще не так дурен, как ты полагаешь; человек, для которого видеть тебя есть блаженство, не может быть совершенным злодеем.

— Меня убить — значит сделаться моим благодетелем, — отвечала Ольга, улыбаясь после нескольких минут глубокого молчания.

— А кто скажет: он хорошо поступил, когда мое имя делается на земле проклятием?

— Я удивляюсь тебе, друг мой!..

— Не хочу! люби меня...

Она закрыла лицо обеими руками.

Глава IX

Кто из вас бывал на берегах светлой <Суры>? кто из вас смотрелся в ее волны, бедные воспоминаниями, богатые природным, собственным блеском! — читатель! не они ли были свидетелями твоего счастья или кровавой гибели твоих прадедов!.. но нет!.. волна, окропленная слезами твоего восторга или их кровью, теперь далеко в море, странствует без цели и надежды или в минуту гнева расшиблась об утес гранитный! Она потеряла дорóгой следы страстей человеческих, она смеется над переменами столетий, протекающих над нею безвредно, как женщина над пустыми вздохами глупых любовников; она не боится ни ада, ни рая, вольна жить и умереть, когда ей угодно; сделавшись могилой какого-нибудь несчастного сердца, она не теряет своей прелести, живого, беспокойного своего нрава; и в ее погребальном ропоте больше утешений, нежели жалости. Если можно завидовать чему-нибудь, то это синим, холодным волнам, подвластным одному закону природы, который для нас не годится с тех пор, как мы выдумали свои законы.

Вадим стоял под густою липой, и упоительный запах разливался вокруг его головы, и чувства, окаменевшие от сильного напряжения души, растаяли постепенно, и, отвергнутый людьми, был готов кинуться в объятия природы; она одна могла бы утолить его пламенную жажду и, дав ему другую душу или новую наружность, поправить свою жестокую ошибку. Вадим с непонятным спокойствием рассматривал речные травы и густой хмель, который яркими, зелеными кудрями висел с глинистого берега. Вдали одетые туманом курганы, может быть могилы татарских наездников, подымались, выходили из полосатой пашни; еловые, березовые рощи казались опрокинутыми в воде; и мрачный цвет первых приятно отделялся желтоватой зеленью и белыми корнями последних; летнее солнце с улыбкой золотило эту простую картину.

В шуме родной реки есть что-то схожее с колыбельной песнью, с рассказами старой няни; Вадим это чувствовал, и память его невольно переселилась в прошедшее, как в дом, который некогда был нашим и где теперь мы должны пировать под именем гостя; на дне этого удовольствия шевелится неизъяснимая грусть, как ядовитый крокодил в глубине чистого, прозрачного американского колодца.

Вдруг раздался в отдалении звон дорожного колокольчика, приносимый ветром... Вадим вздрогнул, не зная сам тому причины; он обернулся в ту сторону, где деревянный мост показывался между кустов и где дорога, желтея, терялась за холмами; там серая пыль клубилась вслед за простою кибиткой... «Не к нам ли? — подумал Вадим. — Но этого не может быть! кому?» — его тревожил колокольчик, и непонятное предчувствие как свинец упало на его душу. Он побрел вдоль по реке и старался рассеяться... но не мог: проклятый колокольчик его преследовал...

Что делалось в барском доме? Там также слышали колокольчик, но этот милый звук не произвел никакого неприятного влияния; Наталья Сергевна подбежала к окну, а Борис Петрович, который не говорил с женой со вчерашнего вечера, кинулся к другому. Они ждали сына в отпуск — верно, это он!..

В тот век почти были очень дурны или, лучше сказать, они не существовали совсем; родные посылали ходока к детям, посвященным царской службе... но часто они не возвращались, пользуясь свободой; таким образом однажды мать сосватала невесту для сына, давно убитого на войне. Долго ждала красавица своего суженого; наконец, вышла замуж за другого; на первую ночь свадьбы явился призрак первого жениха и лег с новобрачными в постель; «она моя», — говорил он, и слова его были ветер, гуляющий в пустом черепе; он прижал невесту к груди своей, где на месте сердца у него была кровавая рана; призывали попа со крестом и святой водою, и выгнали опоздавшего гостя; и, выходя, он заплакал, но вместо слез песок посыпался из открытых глаз его. Ровно через сорок дней невеста умерла чахоткою, а супруга ее нигде не могли сыскать.

Таково предание народное; обратимся к повести нашей. Борис Петрович и жена его три года не получали известия от своего Юриньки!.. Месяц тому назад он с богомольцем, которого встретил на дороге, прислал письмо, извещая о скором прибытии... это он!..

Колокольчик звенел все громче и громче... вот близко, топот, крик ямщика, шум колес... кибитка въехала в ворота... вся дворня столпилась... это он... в военном мундире... выскочил — и кинулся на шею матери... отец стоял поодаль и плакал... это был их единственный сын!

Впрочем, такие вещи не описываются...

Вечером Вадим возвратился в дом... увидел кибитку, поймал некоторые отрывистые речи... и догадался; с досадой смотрел он на веселую толпу и думал о будущем, рассчитывал дни, сквозь зубы бормотал какие-то упреки... и потом, обратившись к дому... сказал:

— Так точно! слух этот не лжив... через несколько недель здесь будет кровь, и больше; почему они не заплотят за долголетнее веселье одним днем страдания, когда другие, после бесчисленных мук, не получают ни одной минуты счастья!.. для чего *они* любимцы неба, а не я! — о Создатель, если б ты меня любил — как сына, нет — как приемыша... половина моей благодарности перевесила бы все их молитвы... но ты меня проклял в час рождения... и я проклянута твое владычество в час моей кончины...

Неподвижен стоял Вадим возле рогожной кибитки; толпа пестрела кругом; старухи, дети, все теснилось, кричало, смеялось.

— Куда какой красавчик молодой наш барин! — воскликнул кто-то... Вадим покраснел... и с этой минуты имя Юрия Палицына стало ему ненавистным...

Что делать! он не мог вырваться из демонской своей стихии.

Глава X

Смерклось; подали свеч; поставили на стол разные закуски и медный самовар; Борис Петрович был в восхищении, жена его не знала, как угостить милого приезжего; дверь в гостиную, до половины растворенная, пропускала яркую полосу света в соседнюю комнату, где по стенам чернели высокие шкафы, наполненные домашней посудой: в этой комнате, у дверей, на цыпочках стояла Ольга и смотрела на

Юрия, — и больше нежели пустое любопытство понудило ее к этому — Юрий был так хорош!.. — именно таковые лица нравятся женщинам: что-то доброе и вместе буйное, пылкость без упрямства, веселость без насмешки; он не был напудрен по обычаю того века; длинные русые волосы вились вокруг шеи; и голубые глаза не отражали свет, но, казалось, изливали его на все, что им встречалось.

Он говорил о столице, о великой Екатерине, которую народ называл матушкой и которая каждому гвардейскому солдату дозволяла целовать свою руку... он говорил об ней, и щеки его горели, и голос его возвышался невольно. Потом он рассказывал о городских весельствах, о красавицах, разряженных в дымные кружева и волнистые, бархатные платья...

Ольга слушала, и что-то похожее на зависть встревожило ее. «Если б обо мне так говорили, если б и на мне блистали кружева и дорогие камни... о, я была бы счастливей!..» — всякой восемнадцатилетней девушке на ее месте эти мысли пришли бы в голову. Наряды необходимы счастьем женщины, как цветы весне.

И Ольга боялась, чтоб он не обернулся к дверям и не заметил ее любопытства; маленькая гордость дышала в этом опасении...

Однако ж как уйти?.. Юрий говорит так приятно. В звуках его голоса так ясно выражались благородные чувства, что если б даже невозможно было разобрать слов его, то — ей казалось... она поняла бы смысл разговора!..

Нельзя сомневаться, что есть люди, имеющие этот дар, но им воспользоваться может только существо избранное, существо, которого душа создана по образцу их души, которого судьба должна зависеть от их судьбы... и тогда эти два созданыя, уже знакомые прежде рождения своего, читают свою участь в голосе друг друга, в глазах, в улыбке... и не могут обмануться... и горе им, если они не вполне доверяются этому святому таинственному влечению... оно существует, должно существовать вопреки всем умствованиям людей ничтожных, иначе душа брошена в наше тело для того только, чтоб оно питалось и двигалось, — что такое были бы все цели, все труды человечества, без любви? И разве нет иногда этого всемогущего сочувствия между народом и царем? Возьмите Наполеона и его войско! долго ли они прожили друг без друга?

О, как Ольга была прекрасна в эту первую минуту самопознания, сколько жизни, невинной, обещающей жизни было в стесненном дыханье этой полной груди, где билось сердце, обещанное мукам и созданное для райского блаженства!..

Надобно было камню упасть в гладкий источник.

Она обернулась...

Полоса яркого света, прокрадываясь в эту комнату, упала на губы, скривленные ужасной, оскорбительной улыбкой, — все кругом покрывала темнота, но этого было ей довольно, чтобы тотчас узнать брата... на синих его губах сосредоточилась вся жизнь Вадима, и, как нарочно, они одни были освещены...

Он приблизился: от него веяло холодом.

— Поздравляю, Ольга...

— С чем?

М. ЛЕРМОНТОВ. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич [родился в ночь на 3(15).10.1814 г., в Москве — 15(27).7.1841, погиб у подножия горы Машук, в 4 верстах от Пятигорска; в апреле 1842 г. прах перевезен в фамильный склеп в Тарханы]. Сын армейского капитана Юрия Петровича Лермонтова (1787—1831) и Марии Михайловны Лермонтовой (1795—1817), урожденной Арсеньевой, единственной дочери и наследницы, пензенской помещицы Елизаветы Арсеньевой (1773—1845), принадлежавшей к богатому и влиятельному роду Столыпиных. (По линии Столыпиных Лермонтов был в родстве или свойстве с Шан-Гиреями, Хастатовыми, Мещериновыми, Евреиновыми, Философовыми и одним из своих ближайших друзей Столыпиным по прозвищу Монго.) Брак, заключенный против воли Арсеньевой, был неравным и несчастливым; мальчик рос в обстановке семейных несогласий. После ранней смерти матери бабушка, женщина умная, властная и твердая, перенесшая всю свою любовь на внука, сама занялась его воспитанием, полностью отстранив отца.

Детство Лермонтова прошло в имении Арсеньевой Тарханы Пензенской губернии. Мальчик получил прекрасное домашнее образование (гувернер-француз, бонна-немка, позднее преподаватель-англичанин), с детства свободно владел французским и немецким языком. Уже ребенком он хорошо знал быт (в т. ч. социальный) помещичьей усадьбы, запечатленный в его автобиографических драмах. Летом 1825 г. бабушка повезла мальчика на воды на Кавказ; детские впечатления от кавказской природы и быта горских народов остались в его раннем творчестве. В 1827 г. семья переезжает в Москву, и 1 сентября 1828 г. Лермонтов зачисляется полупансионером в 4-й класс Московского университетского благородного пансиона, где получает систематическое гуманитарное образование, которое пополняет самостоятельным чтением. Уже в Тарханах определился острый интерес мальчика к литературе и поэтическому творчеству; в Москве его наставниками становятся А. З. Зиновьев, А. Ф. Мерзляков (у которого Михаил берет домашние уроки) и С. Е. Раич, руководивший пансионским литературным кружком. В его стихах 1828—30 гг. есть следы воздействия «итальянской школы» Раича и воспринятой через нее поэзии К. Н. Батюшкова, однако уже в пансионе определяется преобладающая ориентация на А. С. Пушкина, байроническую поэму (первоначально — в интерпретации Пушкина), а также на литературно-философскую программу любомудров в «Московском вестнике».

В марте 1830 г. вольные порядки Московского пансиона вызвали недовольство Николая I (посетившего пансион весной), и по указу Сената он был преобразован в гимназию. В 1830 г. Лермонтов увольняется «по прошению» и проводит лето в подмосковной усадьбе Столыпиных Середниково; в том же году после сдачи экзаменов зачислен на нравственно-политическое отделение Московского университета. К этому времени относится первое сильное юношеское увлечение Лермонтова — Екатериной Сушковой, с которой он познакомился у своей приятельницы А. М. Верещагиной. С Сушковой связан лирический «цикл» 1830 г. По-видимому, несколько позднее он переживает еще более сильное, хотя и кратковременное чувство к Наталье Федоровне Ивановой, дочери драматурга Ф. Ф. Иванова; стихи т. н. ивановского цикла отличаются повышенной драматичностью, включая мотивы любовной измены, гибели и т. п.; общие контуры романа с Ивановой отразились в драме «Станный человек». Третьим по времени адресатом лирических стихов Лермонтова начала 1830-х гг. была Варвара Александровна Лопухина, в замужестве Бахметева, сестра университетского товарища. Чувство к ней оказалось самым сильным и продолжительным; по мнению близкого к поэту А. П. Шан-Гирея, Лермонтов «едва ли не сохранил ... его до самой смерти своей».

На лирику 1830—31 гг., в т. ч. и любовную, наложила отпечаток концепция байронической поэмы, в которой особое место принадлежит любви, нередко принимающей экстремальные формы. Лирический субъект, отвергнутый обществом, «светом», «толпой», как бы сосредоточивает все свои душевные силы на одном объекте — возлюбленной, образ которой обычно строится по принципу контраста, либо воплощая «ангельское» начало, либо неся в себе пороки «света» (неверность, бездушие, неспособность оценить силу и самоотверженность вызванного ею чувства). Создается особая шкала этических ценностей: любовь равноценна жизни, утрата ее — смерти; с концом любви (гибелью или изменой возлюбленной) прекращается и физическое существование героя. В той или иной степени эта художественная концепция прослеживается во всех крупных замыслах раннего Лермонтова. В эти годы (1830—32) идет формирование личности поэта, и сменяющиеся увлечения есть попытка личностного самоутверждения. «Циклы», объединенные лирическим адресатом и отражающие стадии развивающегося чувства, обычно рассматриваются как лирический дневник; однако его напряженность и подлинность не есть результат непосредственного лирического самовыражения: это литературная автобиография, и самые границы «циклов» размыты и условны. Лермонтов как бы соотносит свое лирическое «я» с трагическими судьбами реальных поэтов прошлого, уже ставших предметом литературного обобщения, — с А. Шенье и прежде всего с Дж. Байроном, внимательно изучая не только его сочинения, но и биографию (изданную Т. Муром), в которой ищет аналогий для своей собственной. Аналогии формируют лирическую ситуацию — с ожиданием гибели, нередко казни, общественного осуждения; в стихах 1830—31 гг. многократно варьируются строки, ключевые формулы и мотивы, восходящие к Байрону (и отчасти к Муру). Возникает жанр «отрывка» — лирические размышления, медитации, приближенной к лирическому дневнику, в центре которого, однако, не событие, а определенный момент непрерывно идущего самоанализа и самоосмысления. Этот самоанализ, придающий ранней лирике Лермонтова характер «фи-

лософичности», свойственный всему его поэтическому поколению, во многом еще подчинен принципу романтического контраста.

Стихотворения 1830—31 гг. содержат и социальные мотивы и темы. Политическая лирика в прямом смысле, характерная для гражданской поэзии 1820-х гг., у Лермонтова редка. Московский университет жил философскими и политическими интересами; в нем сохранялся еще и дух независимой демократической студенческой корпорации, породивший поэзию А. И. Полежаева; функционировали студенческие кружки и общества (Н. В. Станкевича, А. И. Герцена, В. Г. Белинского). Антииранические и антикрепостнические идеи нашли у него выражение еще в «Жалобах турка» (1829) и серии стихов, посвященных европейским революциям 1830—31 гг. В них конкретизируется фигура изгоя и бунтаря; возникает т. н. провиденциальный цикл, где лирический субъект оказывается непосредственным участником и жертвой социальных катаклизмов; отсюда интерес Лермонтова к событиям Великой французской революции.

В 1830—31 гг. раннее лирическое творчество Лермонтова достигает вершины; далее начинается спад. После 1832 г. у него редки стихи дневникового типа; лирический субъект объективируется в «лирического героя», но совпадающего с автором.

В поэмах этого времени определяются как бы две тематические группы: одна тяготеет к средневековой русской истории, другая — к экзотическим «южным», кавказским темам. Историческая поэма («Последний сын вольности», 1831) отличается суровым северным колоритом, в ней действует сумрачный и сдержанный герой с трагической судьбой, сюжет развивается стремительно, без отступлений. «Кавказская» поэма, напротив, изобилует отступлениями, этнографическими описаниями, в ней силен повествовательный элемент. Герои ее более «естественны», близки к природным началам, однако и их судьба драматична и даже трагична.

В 1832 г., разочарованный казенной рутинной преподавания, Лермонтов оставляет Московский университет и переезжает в Петербург, надеясь продолжить образование в Петербургском университете; однако ему отказались зачесть прослушанные в Москве курсы. Чтобы не начинать обучение заново, Лермонтов не без колебаний принимает совет родных избрать военное поприще; в ноябре 1832 г. сдает экзамены в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавказских юнкеров и проводит «два страшных года» в закрытом военном учебном заведении, где строевая служба, дежурства, парады почти не оставляли времени для творчества. Она оживляется в 1835 г., когда Лермонтов был выпущен корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк; в этом же году выходит поэма «Хаджи Абрек», — первое выступление Лермонтова в печати, он отдает в цензуру первую редакцию драмы «Маскарад», работает над поэмами «Сашка», «Боярин Орша», начинается роман «Княгиня Лиговская». Он получает возможность общения с литературными кругами Петербурга. Сведения об этих контактах скудны; известно о знакомстве Лермонтова с А. Н. Муравьевым, И. И. Козловым и близкими к формирующимся славянофильским кружкам С. А. Раевским и А. А. Краевским, что способствовало укреплению уже определившегося интереса Лермонтова к проблемам национальной истории и культуры. Раевский, один из близких друзей поэта (в 1837 пострадавший за распространение «Смерти Поэта»), был полностью посвящен в процесс работы Лермонтова над романом «Княгиня Лиговская».

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1828

Осень	7
Заблуждение Купидона	7
Цевница	7
Поэт («Когда Рафаэль вдохновенный...»)	8

1829

К П.....ну	9
К Д.....ву	9
Посвящение. N. N.	10
Пир	10
Весёлый час	10
К друзьям	11
Эпиграмма	12
Мадригал	12
Романс («Коварной жизнью недовольный...»)	12
Портреты (1—6)	13
К гению	14
Покаяние	15
Письмо	16
Война	18
Русская мелодия	18
Песня («Светлый призрак дней минувших...»)	18
К... («Не привлекай меня красой!..»)	19
Романс («Невинный нежною душою...»)	19
Три ведьмы (Из «Макбета» Ф. Шиллера)	19
К Нине	21
К N. N. («Ты не хотел...»)	21
Эпиграммы	21

К Грузинову	22
Наполеон («Где бьет волна о брег высокой...»)	22
Пан («В древнем роде...»)	24
Жалобы турка	24
К N. N. *** («Не играй моей тоской...»)	25
Черкешенка	25
Ответ	26
Два сокола	26
Грузинская песня	27
Мой демон («Собранье зол его стихия...»)	27
Жена севера	28
К другу («Взлелеянный на лоне вдохновенья...»)	28
Элегия («О! Если б дни мои текли...»)	29
«Забывши волнения жизни мятежной...»	29
К *** («Глядяся чаще в зеркала...»)	29
В день рождения N. N.	30
К *** («Мы снова встретились с тобой...»)	30
Монолог	30
Встреча	30
Баллада («Над морем красавица-дева сидит...»)	31
Перчатка	32
Дитя в люльке	33
К * («Делись со мною тем, что знаешь...»)	33
Молитва («Не обвиняй меня, Всесильный...»)	33

1830

Кавказ	35
К *** («Не говори: одним высоким...»)	35
Опасение	36
Стансы («Люблю, когда, борясь с душою...»)	36
Н. Ф. И.....вой	36
Ночь. I	37
Разлука	39
Ночь. II	40
«В старинны годы жили-были...»	41
Незабудка	41
Совет	43

Одиночество	43
В альбом	44
Гроза	44
«Гроза шумит в морях с конца в конец...»	45
Звезда («Светись, светись, далекая звезда...»)	45
Еврейская мелодия	45
Вечер после дождя	45
Наполеон («В неверный час...»)	46
Эпитафия Наполеона	47
К глупой красавице	47
Очи N. N.	48
Кавказу	48
Утро на Кавказе	48
Крест на скале	48
Стансы («Мгновенно пробежав умом...»)	49
«Прости, мой друг!.. как призрак я лечу...»	49
Челнок («Воет ветер и свистит...»)	50
Отрывок («На жизнь надеяться страшась...»)	50
К... («Простите мне, что я решился...»)	52
Ночь. III	53
Farewell (Из Байрона).	53
Элегия («Дробись, дробись, волна ночная...»)	54
Эпитафия («Простосердечный сын свободы...»)	54
Sentenz	55
Гроб Оссиана	55
Посвящение («Прими, прими мой грустный труд...»)	55
Кладбище	56
Посвящение («Тебе я некогда верял...»)	56
Моя мольба	56
1830. Мая, 16 числа	57
Гость	57
К *** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...»)	58
Эпитафия (Утонувшему игроку)	58
Дереву	59
Предсказание	59
«Все тихо — полная луна...»	60
«Никто, никто, никто не усладил...»	60

1830 год. Июля 15-го	60
Булевар	61
Песнь барда	63
10 июля. (1830)	64
К Су.....	64
Благодарю!	64
Нищий	65
К... (« <i>Не говори: я трус, глупец!..</i> »)	65
Чума в Саратове	65
«Плачь! плачь! Израиля народ...»	66
30 июля. — (Париж) 1830 года	66
Стансы (« <i>Взгляни, как мой спокоен взор...</i> »)	67
Чума	68
«Нередко люди и бранили...»	69
Романс (« <i>В те дни, когда уж нет надежд...</i> »)	69
Отрывок (« <i>Приметив юной девы грудь...</i> »)	69
Баллада (<i>Из Байрона</i>) (« <i>Берегись! берегись!..</i> »)	70
Ночь (« <i>Один я в тишине ночной...</i> »)	70
«Когда к тебе молвы рассказ...»	71
«Передо мной лежит листок...»	72
«Свершилось! Полно ожидать...»	72
«Итак, прощай! впервые этот звук...»	72
Новгород	72
Глупой красавице	73
Могила бойца	73
Смерть (« <i>Закат горит огнистой полосой...</i> »)	74
Баллада (« <i>В избушке поздней порою...</i> »)	74
Черны очи	75
К *** (« <i>Когда твой друг с пророческой тоскою...</i> »)	75

1831

1831-го января	77
«Послушай! вспомни обо мне...»	77
1831-го июня 11 дня	77
Романс к И... (« <i>Когда я унесу в чужбину...</i> »)	85
Завещание (<i>Из Гёте</i>)	85
«Сижу я в комнате старинной...»	85

К *** (<i>«Всевышний произнес свой приговор...»</i>)	86
Желание (<i>«Зачем я не птица...»</i>)	87
К деве небесной	87
Св. Елена	88
К другу В. Ш.	88
«Блестящая, пробегают облака.....»	89
Атаман	89
Исповедь (<i>«Я верю, обещаю верить...»</i>)	91
Надежда	92
Видение	92
Чаша жизни	94
К Л. — (<i>Подражание Байрону</i>)	95
К Н. И.....	95
А. Д. З...	96
Воля	96
Сентября 28	97
«Зови надежду сновиденьем...»	98
«Прекрасны вы, поля земли родной...»	98
«Метель шумит и снег валит...»	98
Песня (<i>«Ликуйте, друзья...»</i>)	99
Небо и звезды	99
Счастливый миг	99
«Когда б в покорности незнанья...»	100
К кн. Л. Г-ой	101
«Кто видел Кремль в час утра золотой...»	101
«Я видел тень блаженства; но вполне...»	101
К *** (<i>«О, не скрывай! ты плакала об нем...»</i>)	102
К ** (<i>«Ты слишком для невинности мила...»</i>)	103
«Кто в утро зимнее, когда валит...»	103
Ангел	103
Стансы (<i>«Я не могу ни произнести...»</i>)	104
«Ужасная судьба отца и сына...»	105
«Пусть я кого-нибудь люблю...»	106
К другу (<i>«Забудь снять...»</i>)	106
«Пора уснуть последним сном...»	107
Из Паткуля	107
«Я не для ангелов и рая...»	107

Портрет	108
«Настанет день — и миром осужденный...»	108
К. Д.	109
Песня («Желтый лист о стебель бьется...»)	109
К Нэре	110
Отрывок («Три ночи я провел без сна — в тоске...»)	110
Силуэт	111
«Как дух отчаянья и зла...»	111
«Я не люблю тебя; страстей...»	111
<Новогодние мадригалы и эпиграммы >	
Н. Ф. И.	112
Бухариной	112
Трубецкому	112
Г<-ну> Павлову	112
Алябьевой	113
Л. Нарышкиной	113
Толстой	113
Бартьевой	113
Мартыновой	113
Додо	114
Башилову	114
Кропоткиной	114
Щербатовой	114
Булгакову	115
Сабуровой	115
Уваровой	115
«Вы не знавали князь Петра...»	115
<Н. Н. Арсеньеву>	115
<i>1830—1831</i>	
Звезда («Вверху одна...»)	117
Раскаянье	117
Венеция	118
«Я видел раз ее в веселом вихре бала...»	119
Весна	119
Подражание Байрону	120
К Дурнову	120

Арфа	120
«На темной скале над шумящим Днепром...»	121
Песня (« <i>Не знаю, обманут ли был я...</i> »)	121
Пир Асмодея	122
Сон (« <i>Я видел сон: прохладный гаснул день...</i> »)	124
На картину Рембрандта	124
К *** (« <i>О, полно извинять разврат!...</i> »)	125
Прощанье (« <i>Прости, прости!...</i> »)	125
К приятелю	126
Смерть (« <i>Оборвана цепь жизни молодой...</i> »)	126
Волны и люди	127
Звуки	127
11 июля	127
Первая любовь	128
Поле Бородина	128
Мой дом	130
Смерть (« <i>Ласкаемый цветущими мечтами...</i> »)	131
Стансы (« <i>Мне любить до могилы...</i> »)	133
Солнце осени	133
Поток	134
К *** (« <i>Не ты, но судьба виновата была...</i> »)	134
Ночь (« <i>В чугуи печальный сторож бьет...</i> »)	135
К себе	135
« <i>Душа моя должна прожить в земной неволе...</i> »	136
Песня (« <i>Колокол стонет...</i> »)	136
« <i>Пускай поэта обвиняет...</i> »	137
Слава	137
Вечер	138
« <i>Унылый колокола звон...</i> »	138
« <i>Хоть давно изменила мне радость...</i> »	139
Русская песня	139
Звуки и взор	140
Земля и небо	140
К *** (« <i>Дай руку мне, склонись к груди поэта...</i> »)	140
Из Андрея Шенье	141
К *** (« <i>Не медли в дальней стороне...</i> »)	141
Сосед (« <i>Погаснул день на вышинах небесных...</i> »)	142

Стансы (« <i>Не могу на родине томиться...</i> »)	142
Мой демон	143
Романс (« <i>Хоть бегут по струнам моим звуки веселья...</i> »)	144
Гость (<i>Быль</i>)	144
« <i>Quand je te vois sourire...</i> »	146

1832

«Люблю я цепи синих гор...»	147
Солнце	148
«Я счастлив! — тайный яд течет в моей крови...»	148
Прощанье (« <i>Не уезжай, лезгинец молодой...</i> »)	148
«Она была прекрасна, как мечта...»	149
«Время сердцу быть в покое...»	149
«Склонись ко мне, красавец молодой!..»	150
«Девятый час; уж темно; близ заставы...»	151
«Как в ночь звезды падучей пламень...»	152
К*** (« <i>Я не унижусь пред тобою...</i> »)	153
«Как луч зари, как розы Леля...»	154
«Синие горы Кавказа, приветствую вас!..»	154
Романс (« <i>Стояла серая скала на берегу морском...</i> »)	155
Прелестнице	155
«Ты молод. Цвет твоих кудрей...»	156
Nad we never loved so kindly	156
Эпитафия (« <i>Прости! увидимся ль мы снова?..</i> »)	156
«Измученный тоскою и недугом...»	157
«Когда последнее мгновенье...»	157
«Нет, я не Байрон, я другой...»	158
Романс (« <i>Ты идешь на поле битвы...</i> »)	158
Сонет	159
«Болезнь в груди моей и нет мне исцеленья...»	159
К * (« <i>Мы случайно сведены судьбою...</i> »)	159
«Поцелуями прежде считал...»	160
«Послушай, быть может, когда мы покинем...»	160
К * (« <i>Оставь напрасные заботы...</i> »)	160
Баллада (<i>С немецкого</i>) (« <i>Из ворот выезжают...</i> »)	161
Бой	161
«Я жить хочу! хочу печали...»	161

«Смело верь тому, что вечно...»	162
«Приветствую тебя, воинственных славян...»	162
Желанье (<i>«Отворите мне темницу...»</i>)	162
К * (<i>«Мой друг, напрасно старанье!..»</i>)	163
К * (<i>«Печаль в моих песнях, но что за нужда?..»</i>)	164
Два великана	164
К * (<i>«Прости! — мы не встретимся боле...»</i>)	164
«Слова разлуки повторяя...»	165
«Безумец я! вы правы, правы!..»	166
«Она не гордой красотою...»	166
«Примите дивное посланье...»	166
Челнок (<i>«По произволу дивной власти...»</i>)	167
«Для чего я не родился...»	167
«Что толку жить!.. Без приключений...»	168
Парус	169
«Он был рожден для счастья, для надежд...»	169
«Non, si j'en crois mon espérance...»	170
«Ах! ныне я не тот совсем...»	170
Баллада (<i>«Куда так проворно...»</i>)	171
Гусар	172
Тростник	172

1833—1834

«Когда надежде недоступный...»	174
«Он был в краю святом...»	174
«Не серебряные шпоры...»	175
«В рядах стояли безмолвной толпой...»	175
«Посреди небесных тел...»	176
Юнкерская молитва	176

1835

«Опять народные витии...»	177
-------------------------------------	-----

1836

Умиравший гладиатор	179
Русалка	180
Еврейская мелодия (<i>Из Байрона</i>)	181

В альбом (<i>Из Байрона</i>)	181
<К Н. И Бухарову>	181
<К портрету старого гусара>.	182

1837

Бородино.	183
<Эпиграмма на Н. Кукольника>	185
Смерть Поэта	185
Ветка Палестины	187
«Расписку просишь ты, гусар...»	188
Узник	188
Сосед (<i>«Кто б ни был ты, печальный мой сосед...»</i>)	189
«Когда волнуется желтеющая нива...».	189
Молитва (<i>«Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»</i>)	190
«Расстались мы, но твой портрет...».	190
«Никто моим словам не внемлет...».	191
«Гляжу на будущность с боязнью...»	191
«Я не хочу, чтоб свет узнал...»	191
«Не смейся над моей пророческой тоскою...»	192
«Слышу ли голос твой...».	192
«Как небеса, твой взор блистает...»	192
«Она поет — и звуки тают...».	193
<А. Петрову>.	193
Кинжал	193
«Спеша на север издалека...».	194

1838

<К М. И. Цейдлеру>	195
Дума	195
Поэт (<i>«Отделкой золотой блистает мой кинжал...»</i>).	196

1839

«Ребенка милого рожденье...»	198
Не верь себе	198
Три пальмы (<i>Восточное сказание</i>)	199
Молитва (<i>«В минуту жизни трудную...»</i>)	201
Дары Терека	201

Памяти А. И. О<доевско>го	203
«На буйном пиршестве задумчив он сидел...»	204
<Э. К. Мусиной-Пушкиной>	205

1840

«Как часто, пестрою толпою окружен...»	206
И скучно и грустно	207
Казачья колыбельная песня	207
<М. А. Щербатовой>	208
«Есть речи — значенье...».	209
Соседка	209
Пленный рыцарь	210
Журналист, читатель и писатель.	211
<М. П. Соломирской>	215
Воздушный корабль (<i>Из Цедлица</i>)	216
Отчего	217
Благодарность	218
Из Гёте	218
Ребенку	218
А. О. Смирновой	219
К портрету	219
Тучи.	219
«Прощай, немытая Россия...»	220
<Валерик> («Я к вам пишу: случайно! право...»)	220
Завещание	225

1841

Оправдание	227
Родина	227
<Эпиграмма>	228
Последнее новоселье	228
Любовь мертвеца	230
«Из-под таинственной, холодной полумаски...».	231
<А. Г. Хомутовой>	231
Вид гор из степей Козлова	232
«Это случилось в последние годы могучего Рима...»	232
И. П. Мятлеву	233
<А. А. Углицкой>	233

<Из альбома С. Н. Карамзиной>	234
<Графине Ростопчиной>	234
Договор	235
«Нет, не тебя так пылко я люблю...»	235
«На севере диком стоит одиноко...»	236
Утес	236
Спор	236
Сон («В полдневный жар в долине Дагестана...»)	238
«Лилейной рукой поправляя...»	239
«На бурке под тенью чинары...»	239
«Ты помнишь ли, как мы с тобою...»	239
«Не плачь, не плачь, мое дитя...»	240
«Они любили друг друга...»	240
L'Attente	241
Тамара	241
Свиданье	242
Листок («Дубовый листок оторвался от ветки родимой...»)	244
«Выхожу один я на дорогу...»	245
Морская царевна	246
Пророк	247

Стихотворения, приписываемые Лермонтову

La Tourterelle	248
Экспромт...	248
Югельский барон (<i>Баллада</i>)	249
<Экспромты 1841 г.>	
«Очарователен Кавказский наш Монако...»	250
«Когда легковерен и молод я был...»	250
«В игре, как лев, силен...»	250
«Милый Глебов...»	250
«Скинь бешмет свой, друг Мартыш...»	250
«Смело в пире жизни надо...»	250
«Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон...»	251
«Велик князь Ксандр и тонок...»	251
«С лишком месяц у Мерлини...»	251
«Но с неделю у Мерлини...»	251
«Пьер обедал у Мерлини...»	251

«Пьер отрекся... и Мерлини...»	251
«Куда, седой прелюбодей...»	251
«За девицей Emilie...»	252
«Он метил в умники, попался в дураки...»	252
«Зачем, о счастья мечтаю...»	252
«Надежда Петровна...»	252
«Мои друзья вчерашние — враги...»	252
«Им жизнь нужна моя, — ну, что же, пусть возьмут...»	252
«Ну, вот теперь у вас для разговоров будет...»	252
Три стихотворения	
I.«Поверю совести присяжного дьяка...»	253
II.«Винтовка пулю верную послала...»	253
III.«Приветствую тебя я, злое море...»	253
Le blessé	253

Юнкерские стихотворения

А. А. Ф.....у	254
Ода к нужнику	254
К Т ***	255

Переводы

Мрак. Тьма	256
The giaour	257
Napoleon's Farewell	259
Верро	260
(С немецкого)	260

ПОЭМЫ И ПОВЕСТИ В СТИХАХ

1828

Черкесы	263
Кавказский пленник	269
Корсар	285

1829

Преступник	295
Олег	299
Два брата	302

1830

Две невольницы	304
Джюлио	306
Литвинка	317
Исповедь (« <i>День час; в наряде голубом...</i> »)	330
Последний сын вольности	335

1831

<Азраил>	339
Ангел смерти	344
Каллы	356
Аул Бастунджи	360

1832

Измаил-бей	378
Моряк	433

1833—1834

Хаджи Абрек	436
-----------------------	-----

1835—1836

Боярин Орша	447
-----------------------	-----

1837

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова	472
--	-----

1838

Тамбовская казначейша	484
---------------------------------	-----

1839

Беглец	503
Сашка	506
Сказка для детей	549

1840

Мцыри	557
-----------------	-----

1841

Демон	575
-----------------	-----

Приложение

Гошпиталь	602
Петергофский праздник	606
Уланша	609
Монго.	612

ДРАМЫ И ТРАГЕДИИ

Испанцы	621
Menschen und Leidenschaften	723
Странный человек	764
Маскарад	810
Два брата	908

Приложение

Цыганы.	933
Драматические планы и наброски.	934
Арбенин	937

ПРОЗА

1832

<Вадим>	993
-------------------	-----

1836

Княгиня Лиговская	1068
<Отрывок: «Я хочу рассказать вам...»>	1112
Ашик-Кериб	1115
Герой нашего времени	1120

1839

Кавказец	1217
<Отрывок: «У граф. В... был музыкальный вечер»>	1219

Приложение

Панорама Москвы	1230
Заметки. Планы. Сюжеты	1233

<i>В. Э. Вацуро. М. Лермонтов. Жизнь и творчество</i>	1241
---	------

<i>Алфавитный указатель</i>	1252
---------------------------------------	------